

ЎЗБЕКИСТОН ЁЗУВЧИЛАР УЮШМАСИ
«ИЖОД» ЖАМОАТ ФОНДИ

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД «ИЖОД»

«СУВ – БЕБАҲО НЕЪМАТ»
ҳикоялар танлови бўйича

АЛЬМАНАХ

По итогам конкурса рассказов
«ВОДЫ БЕСЦЕННЫЙ ДАР»

ТОШКЕНТ
«MASHHUR-PRESS»
2020

821.161.1-1(082)

84(5Ў)6

В 62

В 62 **Воды бесценный дар** [Текст] : рассказы / Альманах
– Ташкент: “Mashhur-Press” nashriyoti, 2020. - 160 с.

Тузувчи

*Галина Долгая – ёзувчи,
Халқаро Ёзувчилар гильдияси аъзоси*

Расомлар:

Марат Ялишев, Надежда Милашевич

Составитель

*Галина Долгая – писатель,
член Международной гильдии писателей*

Художники:

Марат Ялышев, Надежда Милашевич

УЎК: 821.161.1-1(082)

КБК: 84(5Ў)6

*Китоб Ўзбекистон Ёзувчилар уюшмаси
“Ижод” жамоат фонди ҳомийлигида чоп этилди.*

*Книга опубликована при финансовой поддержке
общественного фонда “Ижод” Союза писателей Узбекистана*

ISBN 978-9943-6131-3-3

© «MASHHUR-PRESS», 2020

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

В июне 2018 года инициативной группой писателей Совета по русской литературе при Союзе писателей Узбекистана был организован конкурс рассказов «Воды бесценный дар». Конкурс был посвящен актуальной теме, волнующей не только жителей Узбекистана, но и всего мирового сообщества, а именно – трагедии Аральского моря, обмелевшего на глазах одного поколения на девяносто процентов.

Организаторы конкурса поставили целью привлечь внимание общественности к экологической проблеме Приаралья через освещение ее в литературных произведениях.

По окончании конкурса можно сказать, что поставленная цель достигнута! Несмотря на то, что тема является непростой, участники конкурса создали удивительно проникновенные рассказы, сумев достучаться до сердец сотен читателей, следивших за прохождением конкурса.

В представленном Альманахе опубликованы лучшие работы. Среди них рассказы лауреатов конкурса:

Первое место в основной номинации – Бах Ахмедов «Китовый блюз»;

Первое место в основной номинации – Рахшона Ахмедова «Орзулар денгизи»;

Второе место в основной номинации, победитель в номинации «Приз читательских симпатий» – Фатима Джалалова «Сильные духом»;

Третье место в основной номинации – Анита Элив «Другая планета»;

Авторы разного возраста и рода занятий раскрыли тему в рассказах нескольких жанров: сказках, историях, основанных на реальных событиях, фантастических рассказах, эссе и очерках, в которых поделились бесценными воспоминаниями о жизни замечательных людей

и интересными фактами об Аральском море. Обладая различным опытом литературной деятельности, они создали интересные сюжеты, нашли нужные слова, дав повод еще и еще раз задуматься над хрупким равновесием природы и деятельности человека в обеспечении своих нужд.

«Арал, как увеличительное стекло, помогает нам всем понять, чего мы стоим». (А.Кучерова, «Родительский дом»). И это, действительно, так! Сегодня еще можно услышать плеск последних волн Арала, но вместо безграничной голубой акватории моря, сливающейся на горизонте с таким же небом, мы видим фантастические замки из песка и глины на его дне, покрытом токсичными солями, ржавые корабли Муйнака, «утонувшие» в песке, мертвые ракушки в корнях саксаула, людей, лишившихся работы и здоровья. Вернуть море людям вряд ли под силу, но остановить разрастание новой пустыни на дне бывшего моря, создать комфортные условия для жизни и работы жителей Приаралья возможно, если ценить самое главное благо, дарованное нам природой - воду.

Несколько рассказов в альманахе принадлежат перу членов судейской коллегии конкурса, которые также осветили актуальную тему в своих работах.

От имени Совета по русской литературе при СП Узбекистана, а также авторов, участвовавших в конкурсе, выражаю благодарность Союз писателей Узбекистана за помощь в проведении конкурса!

Желаем приятного чтения и надеемся, что альманах по итогам конкурса рассказов станет доброй традицией в дальнейшей литературной жизни Узбекистана!

Галина Долгая,

писатель,

член организационного комитета конкурса

РАССКАЗЫ КОНКУРСАНТОВ

Бах АХМЕДОВ

КИТОВЫЙ БЛЮЗ

Рассказ

*Кит плыл.
Город молчал.
Наступал вечер.*

Наталья Белоедова

Кит плыл...

По улице плыл кит. Он был старый, краска во многих местах выцвела, а стершийся левый глаз был заново нарисован черным фломастером. Прохожие оглядывались на мальчика с китом под мышкой, некоторые улыбались. Кит был большим, как и полагается киту. Мальчик очень гордился им и почти всегда брал с собой, когда выходил из дому.

Каждое утро, перед тем как сесть завтракать, мальчик надувал кита. Шестнадцать вдохов полной грудью и столько же выдохов – ритуал, к которому он привык за то время, что у него была эта болезнь. Впрочем, два года назад вдохов было двадцать три.

Когда взрослые спрашивали, как зовут его кита, мальчик отвечал: «Моби Дик». Некоторые взрослые удивлялись: «Ты читал »Моби Дика»? А тебя случайно не Ахавом зовут?» Мальчик не читал Мелвилла, но про Ахава уже знал. Иронию взрослых он прекрасно чувствовал, но предпочитал не обижаться.

На самом деле Моби Диком кита назвал папа мальчика, у которого этот роман был в числе любимых. Он даже вытащил его из книжного шкафа и показал сыну толстую старую и довольно потрепанную книгу, на обложке которой было написано «МОБИ ДИК». Мальчик попросил рассказать папу, про что это книга, и отец сказал: «Про одного гениального белого кита, по имени Моби Дик, и про одного гениального капитана, по имени Ахав, который охотился на этого кита». «У тебя даже киты гениальные», – сказал мальчик. «Почему бы нет? – искренне удивился папа и с легкой грустью добавил: – Мы знаем о них очень мало... Катастрофически мало...»

После того как ему подарили кита, мальчик захотел узнать о них все что можно. Сначала была детская энциклопедия с картинками и передача «В мире животных». Чуть позже, когда он пошел вместе с папой к своей бабушке, он увидел в стенном шкафу со стеклянными дверцами пятьдесят два толстых темно-синих тома Большой Советской Энциклопедии. Том с буквой «К» был на второй полке сверху. Пришлось встать на шаткий стул и, качаясь, рискуя грохнуться, с трудом вытащить тяжеленный кирпич, пахнущий старой бумагой и временем.

В середине тома было несколько страниц с цветными иллюстрациями. Мальчик долго смотрел на фотографии разных китов, а потом, низко склонившись над книгой, начал читать статью о них. В этот момент в комнату зашел папин младший брат, который жил с бабушкой. Дядя удивленно посмотрел на мальчика, перевел взгляд на открытую страницу, улыбнулся и одобрительно хмыкнул. От него сильно пахло водкой, но мальчик уже привык, что от него почти всегда так пахнет. «Да-а, – задумчиво произнес дядя, – киты, они такие...» Мальчик молча посмотрел на дядю, хотел спросить, какие киты такие, но так и не решился. «Ну ладно, читай, читай, не буду тебе мешать», – дядя тихонько похлопал мальчика по плечу, взял из тумбочки три рубля и чуть ли не на цыпочках вышел из комнаты. Мальчик испытывал к нему какое-то особое чувство теплоты и нежности, словно он, дядя, сам еще был ребенком, которого надо оберегать и защищать.

Еще в жизни мальчика была Ребекка Марковна, пожилая врачиха-аллерголог с короткими седыми волосами и пальцами, распухшими от артрита. Когда мальчик приходил к ней вместе с мамой, она всегда встречала его вопросом: «Ну, что нового у нашего кита?» Затем следовало прикосновение холодного стетоскопа к спине и грудной клетке. «Дыши, не дыши... Хорошо. Еще немного есть хрипы, поэтому с гистоглобулином пока повременим».

Мальчик сидел на кушетке, правая рука на ките, и задумчиво смотрел, как за окном кабинета качает весенней веткой знакомый каштан. Чуть дальше, за крышами больничных корпусов, виднелась верхушка водонапорной башни. А еще через приоткрытое окно доносились короткие резкие гудки тепловозов – рядом был вокзал.

Обычно мальчик не слушал скучного разговора мамы с Ребеккой Марковной о лекарствах и диете, он думал о чем-то своем, но в этот раз до его слуха донеслись новые слова. «Хорошо бы Вам летом выбраться на море. Хорошая закалка на весь год...» – сказала Ребекка Марковна, протягивая листок бумаги с назначениями: ровный прямой почерк, буквы, звучащие в унисон друг с другом.

Глаза у мамы сразу стали почему-то грустными, она кивнула головой и сказала, что подумает, хотя знала заранее, что в этом году никакого моря не предвидится.

Мальчик любил приходиться в этот чистый, аскетично обставленный кабинет, где пахло уколами, спиртом и чем-то еще непонятным, но приятным. Он любил Ребекку Марковну за ее спокойную, неторопливую речь, за ее теплые руки и внимательные серые глаза. А еще за то, что именно благодаря ей в его жизни два года назад появился кит.

Хотя, если вдуматься, у мальчика было много причин не любить ее. Уже во время первого посещения, когда он еще не начал ходить в школу, Ребекка Марковна составила длинный список продуктов, которые должны были надолго исчезнуть из его жизни, потому что аллергия, переходящая в астматическую реакцию... С некоторыми названиями мальчик смирился легко, поскольку ему было все равно, и он не очень любил куриный бульон или рыбу. Но шоколад, но мандарины и апельсины!.. Но малина и прочие вкусные ягоды!..

И тем не менее мальчик любил эту женщину в белоснежном накрахмаленном халате с тихим, немногоскрипучим голосом. Кит возмещал ему все потери с лихвой. И он чувствовал тайную солидарность с ним, потому что ему, киту, тоже нельзя было кушать все эти вещи. Так сказала Ребекка Марковна. Она даже добавила, что мальчик должен поддерживать кита, потому что ему сложно жить в мире, где нельзя есть столько вкусностей.

А кит будет поддерживать мальчика, когда ему станет трудно дышать. Да-да, кит будет учить его дышать. Спокойно, ровно, не нервничая... «Сейчас все пройдет, не волнуйся. Ты же знаешь, что иногда это бывает. Вот уже и окно нам открыли, видишь? Свежий воздух, такой прохладный, влажный после дождя. А в океане мне тоже иногда не хватает воздуха. Тогда я выныриваю на поверхность и дышу полной грудью. Представь, что ты сейчас тоже под водой, но мы уже всплываем с тобой наверх. Осталось совсем немного, потерпи, мой хороший...» – так говорил ему кит, и так говорила ему мама, и мальчик слушал их и терпеливо ждал, когда пройдет приступ, и они вынырнут на поверхность.

Они вышли из кабинета, сопровождаемые недовольными взглядами очереди, и пошли в больничную аптеку. Мальчик в этот раз не стал задавать никаких вопросов, почувствовав настроение мамы.

Навстречу прошла женщина с девочкой лет шести, и та с интересом посмотрела на кита. Мальчик улыбнулся: он гордился своим китом, он знал, что у него самый красивый и умный кит в мире.

Школьные тетради мальчика были разрисованы китами, и в классе он получил прозвище Китенок. Все его близкие и друзья были уверены, что он станет океанологом и будет изучать жизнь китов. И сам мальчик так думал, рисуя очередного кита в тетради по геометрии.

Город молчал...

Пустыня наступала постепенно, но с каждым годом все сильнее сжимала свое кольцо вокруг города. На окраинах она уже хозяйничала полностью. Пустые здания утопали в песке, песок брал их за горло, проникал в квартиры многоэтажек, заполняя их своей непреодолимой текучестью. Песок был вездесущ и непобедим.

Люди переселялись ближе к центру, занимая дома тех, кто успел уехать. Но и в центре песок все чаще напоминал о себе. Каждое утро все подоконники снаружи были покрыты тонким его слоем, он проникал даже через плотно закрытые окна и появлялся на мебели, полу, страницах книг, на продуктах в шкафу, тщательно обернутых полиэтиленовой пленкой.

Песок всё чаще скрипел на зубах и попадал в глаза, вызывая острое раздражение или боль. Люди пытались бороться пустыней, но силы были неравны. И они знали, что город обречен. Его превращение в пустыню было делом времени, которое, конечно, было на стороне песка, как одной из лучших своих метафор.

...Океанологом Игорь так и не стал. Он стал филологом и переводчиком, специалистом по американской литературе. А еще он стал Игорем Кирилловичем, кандидатом наук, автором многих публикаций, преподавателем в университете. Много поездок и два неудачных брака позади, впереди, на горизонте, какие-то каменистые островки, крики чаек и почти израсходованные запасы пресной воды на борту.

Впрочем, китов он все-таки не бросил, решив сделать новый перевод знаменитого романа Мелвилла. Но Моби Дик не давался и постоянно уплывал в недоступные глубины, как и положено настоящему киту. Работа затянулась на годы, а потом Игорь и вовсе отложил ее до «лучших времен», в чье наступление, впрочем, мало верил. Потому что все вокруг стремительно теряло смысл, облетало, как осенние листья, оставались лишь голые ветки скудных достижений, которые тянулись из прошлого в будущее и одновременно боялись его. Только уплывающий белый кит был бессмертен, словно белый лист бумаги, точнее, образ этого листа, оставшийся прямоугольным белым пятном на географической карте вечности.

Игорь сидел у окна, курил и смотрел на улицу. А там после долгого осеннего дождя было серо, мокро и скучно. Мимо мусорки, опираясь на палку и оставляя следы на мокром песке, медленно шла Роза Михайловна, старушка из соседнего подъезда. Когда-то Игорь ходил с ее сыном Гошей в зоопарк, где они долго стояли возле террариума с ящерицами, выжидая их молниеносные короткие движения. Иногда ждать приходилось долго, но терпение всегда вознаграждалось.

Игорь перевел взгляд на дневник. Каждая запись в нем была обращена к одному человеку. Это было похоже на письмо, которое никогда не будет отправлено, потому что адресат давно пребывает в глубинах, недоступных ни для одного послания, кроме разве что мысленного.

В детстве, когда у него был надувной кит, Игорь мечтал увидеть кита настоящего. Мечта долго не сбывалась, а потом неожиданно сбылась, оставив долгое послевкусие горечи и саднящую боль в сердце. Он поехал на очередную конференцию по Мелвиллу на острова одного нового государства, и организаторы на второй день повезли их на берег океана, где лежали восемь огромных китов, выбросившихся на берег. Все были мертвы. Впрочем, один кит, кажется, еще с трудом дышал. Игорь подошел к нему совсем близко. Изо рта вырывался чуть слышный хриловатый свист. Дыши, не дыши... Дыши. Игорь побежал к местным специалистам: «Вон тот еще живой, может, можно его затащить обратно в воду?» Но они почему-то лишь грустно качали головами и говорили, что слишком поздно и что это не так просто сделать: надо подгонять несколько шхун, брать кита на прицеп и прочее, и прочее.

Дыши, не дыши... Дыши...

Когда их привезли обратно в отель, Игорь собрал вещи и уехал, отменив свой доклад и сухо попрощавшись с недоумевающими коллегами.

Игорь перелистал дневник. Вот запись пятилетней давности.

«...А вчерашнее мероприятие по открытию памятника дереву, на которое меня пригласили, достойно пера Гоголя или Кафки... Видел бы ты эти лица, эти застывшие фигуры, напоминавшие наспех высеченные скульптуры, уродливые, страшные, с искаженными пропорциями... Шемякин нервно курит в сторонке...»

Он смотрел в окно, вспоминал и думал о своих отношениях с родным городом. Какая-то банальная любовь-ненависть, отчуждение, усталость, невозможность понять происходящее и забыть то, что уже произошло несколько лет назад, когда город охватила странная ментальная эпидемия, всеобщее помешательство, не оставившее шансов никому.

Вдруг всеми горожанами овладело непонятное и непреодолимое желание расправиться с городскими деревьями. Пилы стали самым востребованным инструментом и шли нарасхват. Никто не остался в стороне, работали все от мала до велика. И убеленные сединами старики, и юноши со взором горящим. И отчаянные домохозяйки, и отчаявшиеся дамы бальзаковского возраста, и прекраснокудрые девы с модельной фигурой и ангельскими личиками. Все как один пилили, рубили, распиливали бревна на дрова, корчевали пни и даже асфальтировали парки, дабы не осталось никаких напоминаний. Так продолжалось несколько месяцев. Все были счастливы от участия в общем великом деле. Все были на подъеме, и любовь к городу, зарастающему тюремной щетиной серого асфальта, была искренней и высокой.

А потом вдруг эпидемия прошла так же внезапно, как началась. Однажды утром люди проснулись и поймали себя на мысли, что им больше не хочется спиливать деревья и корчевать пни. Горожане вспомнили о том, что было еще вчера, и их охватил ужас. Многие, не успев позавтракать, выскочили на улицу и увидели, что в городе не осталось ни одного дерева. Впрочем, каким-то непостижимым, чудесным образом одно дерево все-таки осталось. Оно затерялось во дворе старого дома, предназначенного под снос, и только поэтому уцелело.

Его торжественно пересадили в центр, на главную площадь, но через несколько недель оно засохло. Однако самое худшее состояло в том, что и новые саженцы, срочно в больших количествах завезенные из сельской местности, тоже не приживались и засыхали на корню, словно теперь сам город заразился этим вирусом и отторгал любую растительность.

После этого и началось великое наступление пустыни. Она почувствовала, что последние преграды на ее пути устранены, и начала захватывать город.

...А то случайно уцелевшее, а потом засохшее дерево сохранили, и лучший скульптор города создал его бронзовую копию в масштабе один к одному. Памятник самому стойкому дереву, памятник всем погибшим деревьям, памятник неумирающему безумию человека...

Игорю повезло: он в те месяцы был в Штатах, на годовом гранте. Но когда вернулся, долго не мог поверить, что увиденное им не страшный сон, а новая реальность, в которой предстояло как-то жить. Или делать вид, что живешь.

Шепоты заполняли город. Шепоты и песок. Дыши, не дыши... Первое становилось делать все труднее, второе было привычным, но тоже непростым делом. Уходи

под воду, углубляйся в свои кабинетные мысли, пиши, не дыши, окружи себя книгами, из которых уже сыплется песок, закрой окна, двери, ставни, все странички в интернете и даже почтовый ящик. Иногда это удавалось. Правда, ненадолго.

Игорь знал, что когда-нибудь, когда дышать станет совсем трудно, как бывало в детстве во время приступов, он выбросится на берег. Он относился к этому спокойно, потому что всегда помнил про того кита, который был еще жив и смотрел на него огромным глазом, и в нем читалось не столько страдание, сколько непонимание. Отказ понимать происходящее в мире.

Игорь перевел взгляд на книжные полки. Сколько исследований, монографий, статей, докладов и смелых гипотез было написано, опубликовано и высказано за 175 лет, прошедшие со дня публикации «Моби Дика». А он и ныне там, в глубинах подсознания, среди самых глубоких метафор, ускользающих от логики, от анализа, от слов... И кто из ученых, посвятивших почти всю жизнь изучению великого романа, может сказать по-ложа руку на сердце, что прожил ее не зря? Моби Дик победил на страницах книги и продолжает побеждать до сих пор.

Может, надо было все-таки стать океанологом? Бороздить океаны, опускаться в батискафе в темные глубины, общаться с рыбами, дружить с любимыми китами и дельфинами. В этом было бы намного больше подлинной свободы. И всегда, всегда дышалось бы легко, потому что морской воздух, потому что пространство, потому что океаны...

Сигарета потухла, на дне кружки с чаем тонким слоем лежал песок, и тихое тиканье часов казалось беспощадно громким, заполняя весь дом.

Игорь взял ручку и написал в дневнике: «Я бы хотел, чтобы город стал китом и рассказал мне историю своего спасения. Город, ты ведь когда-нибудь станешь китом, правда?»

Каждый день Игорь задавал городу этот вопрос. И каждый день ждал ответа. Дыши – не дыши...

Но город молчал...

Наступал вечер...

...И в окнах больницы отражались лучи красного летнего заката. Старик сидел в больничном дворике на скамейке, смотрел слезящимися глазами на старый двухэтажный корпус и рассказывал мальчику о китах. Мальчик слушал внимательно и задумчиво, не перебивал, не задавал вопросов. Он не думал о предстоящей операции, точнее, не волновался. Так велела мама. Она сказала, что и думать нечего, что все будет хорошо, потому что доктор очень опытный, и мальчик просто уснет, а потом проснется, и все будет уже сделано. И даже больно не будет. Ну, может, совсем чуть-чуть.

Несколько дней назад он оказался в больнице, познакомился с этим странным стариком, и они почему-то сразу подружились.

Старика звали Игорем Кирилловичем, он знал все на свете и помнил наизусть много стихов. А еще он умел сочинять сказки.

– Пойдем-ка в палату, становится прохладно, – сказал старик.

Они встали со скамейки и пошли по направлению к корпусу. А навстречу им прошла большая бригада дворников с мощными метлами. Наступал очередной час

борьбы с песком, и им предстояло подмести все больничные дорожки и прилегающую к корпусам территорию.

– А что вам снится по ночам? – спросил мальчик. – Наверное, киты?

– И киты тоже, но очень редко...

– Жаль.

– И мне жаль, но ведь им не прикажешь. Плавают где хотят.

– А почему они выбрасываются на берег?

– Не знаю, Игорь. Наверное, потому что устают.

– Разве киты могут устать?

– Еще как могут. Ты даже не представляешь как.

Они постучали ногами по железной решетке у входа, стряхивая с обуви налипший песок, и зашли в корпус. В холле в глубоком кресле сидел главный врач и задумчиво смотрел на аквариум.

– Гуляли? – спросил врач у мальчика.

– Гуляли, – ответил за него старик. Главврач сделал вид, что не услышал ответа. Ему было запрещено разговаривать с этим стариком. И на самом деле врач его немного побаивался.

Игорь Кириллович и мальчик поднялись на второй этаж. Мальчик проводил старика до палаты.

– Зайди ко мне завтра утром, я тебе кое-что подарю. Ведь у тебя завтра день рождения, да?

– Да, – ответил мальчик, – день варенья. А вам не скучно одному в палате?

– Что ты, совсем нет, скорее, наоборот. Приходи чашиков в 9 после процедур.

– Процедуры... Опять будут укол делать, так надоело!

– Ну что ж, потерпи. Зато потом будешь здоровым, как...

– Как кто? Вы хотели сказать, здоровым, как кит?

– Наверное, – старик вдруг о чем-то задумался и забыл про мальчика.

– Ладно, до завтра. Спокойной ночи. Если что-то интересное приснится, не забудьте записать!

– Обязательно, тезка, – ответил Игорь Кириллович.

Мальчик прошел в свою палату в конце коридора, где его уже ждала мама, лег на кровать и накрылся одеялом.

– Ну, как ты?

– Хорошо. Ты принесла книжку, которую я просил?

– «Моби Дика»? Принесла.

– Почитаешь?

Мама открыла первую страницу и начала читать: «Зовите меня Измаил».

Мальчик слушал и смотрел в окно на закатное небо, по которому плыли облака. Теперь ему казалось, что каждое облако было немного похоже на кита. Он перевел взгляд на маму. Ее лицо было усталым и осунувшимся.

– Мама, а ты видела живого кита?

– Нет, дружок, не видела... – она отложила книгу и взяла сына за руку. – Может, хочешь спать?

– Нет, почитай еще, пожалуйста. Мне нравится эта книжка...

На следующее утро мальчик решил зайти к старику до процедур и до завтрака. Уж очень ему не терпелось получить подарок.

– Игорь, только, пожалуйста, недолго, – сказала мама.

Мальчик приоткрыл дверь палаты. Старика на кровати не было, а на соседней койке лежал большой надувной кит и смотрел на мальчика нарисованными черным маркером глазами.

– Игорь Кириллович, вы где?..

Фатима ДЖАЛАЛОВА

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

Рассказ

Морщинистые пальцы с трепетом перелистывают страницы запылившегося дневника. Наткнувшись на черно-белое фото, пальцы судорожно сжимают его и подносят к близоруким глазам. С потрепанной картонки глядят четыре пары искрящихся радостью глаз: выставяющий напоказ большой улов коренастый мужчина, ногу которого обхватили две пухленькие ручки маленького мальчика, за ним – крупная девочка с множеством мелких косичек, плечи которой нежно обхвачены руками невысокой женщины; на заднем фоне толпятся грузчики, рыбаки; берег усеян лодками и пароходами, а за ними простирается море и где-то вдалеке сливается с небом. Пальцы медленно переворачивают фотографию, и глаза с трудом читают сквозь пелену выступивших слёз:

«5-ое мая, 1968 год.

Мы с семьёй вернулись с рыбалки. Дети так быстро растут! Осману недавно исполнилось 3 года, а Айгуль уже 5. Надеюсь, что Осман продолжит моё ремесло. Уговариваю Зухру родить ещё одного».

Упавшая слеза размывает чернила, и пальцы поспешно вытирают глаза. Пересохшие губы дрожат. Пальцы левой руки хватаются за ручку и, найдя пустую страницу в дневнике, начинают писать:

«Умейте находить повод для радости.»

Проживая самые счастливые дни своей жизни, я не осознавал своего везения, продолжая строить планы на будущее и мечтать о лучшем. Только теперь я понимаю, что выезды на природу с семьёй в выходные после тяжёлой, но плодотворной рабочей недели – вот, что было для меня настоящим счастьем.

Теперь, спустя 25 лет, я прикован к постели. Единственное, что скрашивает жизнь, – это вечера, когда вы заходите ко мне с внуками. Я бы хотел иметь силы играть с ними, рассказывать истории, обучать чему-нибудь, чтобы они запомнили своего дедушку. Но проклятая болезнь не отстаёт, и мне больно от мысли, что не увижу, как они пойдут в школу, не похвалю за первую пятёрку...

Когда рыболовный промысел начал угасать, я думал, это худшее, что могло со мной случиться. Вода в Арале с каждой неделей опускалась всё ниже, уменьшалось количество пойманной рыбы. Первое было следствием эгоистичной политики государства, озабоченного лишь темпами роста экономики, без учета рисков для природы, второе – следствием истощения морской жизни из-за высокой концентрации соли. Рыбоконсервные заводы начали закрываться, а за ними опустели и дома: люди спешно покидали край. Мне же, прожившему всю жизнь в Муйнаке, некуда было бежать, да и в душе теплилась надежда, что это временно, стоит лишь немного потерпеть. В день удавалось поймать лишь две-три рыбы, и самым страшным для меня стало возвращение домой к грустной улыбке беременной Зухры и к вашим похudevшим личикам, потому что питались мы только рыбой. Тысячи семей неожиданно испытали на себе ужасы недостатка питьевой воды и пытки голода. Неизвестность и бездействие потихоньку ломали людей, всю жизнь за-

рабатывающих рыбным промыслом и отказывающихся верить в суровые предсказания.

Вскоре я получил следующий удар, в самое сердце: истощённая недоеданием, Зухра умерла во время родов.

Но малыш Тохир выжил. В тот день, выйдя из роддома с болью в груди, я прошёл к морю и впервые трезво оценил, что происходит с моей родиной и моей жизнью. Взору открылся пустынный берег, покрытый толстым слоем соли, оставленной отошедшим Аралом. Шагая к лодке, я чувствовал, как соль, поднятая ветром, ударяла мне в лицо, как она проникала в меня с каждым вдохом. Я сел в лодку, чувствуя ковёр соли под подошвами ботинок. Когда я смотрел вдаль, где море сливалось с горизонтом, мне на мгновение почудилось, что я слышу смех людей на набережной, гудки отчаливающих пароходов, гулкий звук моторов... Но на самом деле меня окружала давящая тишина, временами прерывающаяся криками чаек. Я с горечью осознавал, что это моя жизнь и что былую жизнь не вернёшь.

Из лодки я вылез другим человеком и твёрдой поступью направился в сторону роддома. Мои чувства не выдержали нагрузки и отключились. Единственная мысль врезалась в сознание: «Двое подростков и новорождённый – смысл моей жизни, – погибнут, если я, убитый горем, опущу руки. Сломаться легче, чем спасти ситуацию. Пусть будет тяжело, но я буду трудиться изо всех сил».

Вернувшись в роддом, я застал врача, что принимала роды, у кровати заснувшего младенца. Она взглянула на меня и осторожно заговорила:

– Неделю назад одна пациентка родила. Ребёнок умер, не прожив и дня. Она и её муж много лет мечтают о ребёнке, но женщина уже в зрелом возрасте, и вряд ли ей выпадет другой шанс. Они будут счастливы принять в свою семью ребёнка. Эта пара – люди воспитанные и образованные; материальное положение позволяет им вырастить ребёнка достойно. И самое главное, у женщины есть молоко...

Воцарилось длительное молчание. Моим первым порывом было проигнорировать смелое предположение врача, что я отдам своего сына в чужие руки. «Я смогу вырастить Тохира, – думал я, представляя, как укладываю его спать, кормлю... – Материнское молоко... да, малышу придётся испытать лишения, но я буду покупать ему коровье... А на какие деньги? – вдруг спросил я себя. – Ведь успевать ухаживать за малышом и работать – дело немислимое. Старшие скоро окончат школу, им тоже нужны моя поддержка и внимание...» Казалось, я задохнусь от душивших меня мыслей. Я отчаянно не желал признавать, что не смогу поднять ребёнка один, что не смогу создать ему необходимые условия. Врач всё это время сидела тихо и, видимо, понимала меня. Я долго глядел на Тохира: маленький, бледный, он был очень похож на Зухру. Чувство, овладевшее мною в лодке, возникло вновь, но я вдруг вспомнил о своём обещании. Мысли прояснились и, не отводя взгляда от Тохира, я хрипло промолвил:

– Мне надо познакомиться с этими людьми, прежде чем я приму решение.

По лицу врача пробежало сомнение, но голос звучал твердо, когда она ответила:

– Меня зовут Айжан, – я резко впился ей в глаза, только теперь заметив красноту её глаз и морщины под ними, и услышал её прерывистое дыхание. Она продолжала: – Моего мужа зовут Едиге. Я обещаю, что мы будем растить вашего сына как родного и поддерживать с вами связь. Правда, должна сразу предупредить: скоро мы уезжаем к родственникам в Нукус, мужу предложили работу на заводе.

Я нервно глотнул воздуха, прежде чем ответить:

– Я бы хотел познакомиться с вашим мужем как можно скорее. Душа моя желает хоть немного побыть с Тохиром, но я знаю, что после этого не смогу с ним расстаться, да и дети... как я посмотрю им в глаза и скажу, что мы отдаём малыша, что отец не имеет возможности растить всех троих. Нет, будет лучше решить всё сейчас.

В тот момент, когда Едиге переступил порог палаты, я почувствовал себя так, будто оказался в совершенно чужой жизни, будто смотрел на события со стороны, как в фильме. Руки сами протянулись для пожатия, а губы промолвили несколько вежливых слов. Всё же я чувствовал, как от этой пары исходит доброта, видел, как огоньки света горят в этих глазах. Подняв Тохира на руки, я сказал:

– Только, пожалуйста, оставьте ему имя – Тохир. Это было последнее желание моей покойной жены. Она словно знала, что он улетит из родного края, нарекая его птицей на фарси. Я верю, что когда-нибудь он прилетит, чтобы навестить нас. Живи счастливо и дари радость своим близким, Тохир!

С этими словами, я переложил сына на руки Едиге. Айжан заверила, что они будут держать меня в курсе событий в жизни Тохира. Распроцавившись, я двинулся домой. Подойдя к двери, машинально вставил ключ в замочную скважину. Щелчок открывшейся двери заставил очнуться и осознать, что только что произошло. Не закрыв дверь, я бросился бежать в сторону дома Едиге. Но навстречу попались вы, с тяжёлыми рюкзаками и недоумевающими лицами. Опомнившись, я крепко обнял вас. Впервые за день дал волю слезам. Я рассказал вам тогда лишь часть истории о вашей матери... Моя вина, что не рассказал всю правду. Простите меня.

Как мы жили дальше, вам известно: я кочевал с одной работы на другую, вы учились и одновременно пытались подработать. От Айжан регулярно приходили письма, порой даже с фотографиями. Тохир подрос и окреп, в линии губ и взгляде улавливались черты Зухры. Я был рад, что Тохир живёт хорошо, что Едиге и Айжан счастливы, но в глубине души не переставал винить себя за то, что согласился его отпустить.

В юности казалось, что любящий и трудолюбивый человек всегда будет жить в счастье и достатке. Но жизнь быстро развеяла эти мечтания. До тех пор пока рыболовное ремесло, которому я, да и тысячи жителей Муйнака,

отдали свою молодость, не погибло вместе с Аралом, я даже не осознавал, какую роль в жизни играет природа. Начались песчаные бури, поднимавшие не только всю соль с земли, но и ядовитые вещества с острова Возрождения. Отравы попадала в воду, убивая рыбу. Одной подписью об использовании вод Арала для орошения полей джентльмены в отглаженных костюмах, сидящие с серьёзными лицами в прохладном зале, превратили Аральское море из источника жизни в смертельное оружие, убивающее тело и души жителей. Жители, не имеющие иного дома, начавшие болеть, худеть, оказались забыты миром, озабоченным повышением темпов развития экономики любой ценой.

Когда-то отец с блеском в глазах рассказывал мне о зелёных бухтах и резвых сайгаках острова Возрождения, превращённого в военный объект. Было очень грустно, что я не застал этой красоты. Однако даже в голову не приходило, что грядёт разрушение ещё большее и что я сам буду рассказывать новому поколению о былых днях, когда жизнь кипела в полноводном Арале и по берегам Арала жили крепкие, здоровые, уверенные в своем будущем люди. Когда дома меня встречали улыбка Зухры и ваш смех, я мгновенно забывал о неприятностях на работе.

Но я благодарен судьбе, что у меня есть вы, что у вас есть семьи, что вы заботитесь обо мне. Это даёт повод радоваться. Однако преодолевают переживания о будущем: что станет с нашим краем, сможете ли вы тут жить? Я одобряю ваше желание посвятить жизнь возрождению края, но боюсь, как бы это не подвергло опасности ваши семьи, ваше здоровье, ваши жизни. Я считал, что болезни, распространяющиеся по региону, меня обойдут стороной, но как же я ошибался! Учитесь на моих ошибках и берегите себя! А родному краю вы сможете помочь даже издали, рассказывая миру о проблеме. Возможно, тогда государство начнёт, наконец, предпринимать что-то для изменения условий жизни края, а весь мир, узнав о катастрофе, будет задумываться о последствиях своих действий. Вы можете также снять копии с работ Рафаэля Матевосяна,

который запечатлел Арал в разные годы. Увидев его картины, я восхитился тем, как искусство может поднять острую проблему. Так что открывайте свои переживания миру!

Если Тохир когда-нибудь найдёт вас, покажите ему это письмо и передайте, что я люблю его и надеюсь на прощение. Знаю, что вы почувствуете в нём родную кровь и примете участие в его жизни.

Горжусь вами, дети! Живите счастливо!

Любящий вас отец»

Дрожащие пальцы аккуратно вырвали страницы из дневника и положили их в конверт вместе с черно-белой фотографией. Затем, с любовью выводя каждую букву, подписали конверт: «Моим детям».

* * *

Рассказывали, как через несколько лет приятный молодой человек приезжал искать свои корни. Айгуль и Осман рассказали ему о смерти отца и отдали письмо. После прочтения он долго бродил по пескам в одиночестве и уехал в тот же день, успев снять копии с картин Рафаэля Матевосяна.

Спустя недели, он вернулся с группой джентльменов в отглаженных костюмах. Пройдясь по окрестностям и пообщавшись с жителями, они уехали.

Спустя полгода, он вернулся в сопровождении грузовиков, нагруженных баллонами с водой, свежими фруктами, овощами, вакцинами, лекарствами и тёплой одеждой, и автобусами, на которых ехали врачи и опытные фермеры.

Айгуль и Осману, да и остальным жителям стало легче находить повод для радости.

А приятный молодой человек поселился в доме покойного отца – на той земле, где родился.

Анита ЭЛИВ

ДРУГАЯ ПЛАНЕТА

Рассказ

Нукус встречает гостей скучно: перед нами разво­рошенный неоконченным ремонтом проезд к аэропор­ту, по которому мы, спотыкаясь, тащим наши чемода­ны.

До отеля рукой подать, здесь все близко – в «шаго­вой доступности», как сказала бы моя коллега Птица. Она впервые в Нукусе и осматривается вокруг немного настороженно, но с большим интересом. Конечно, ее зо­вут вовсе не Птица, но это прозвище ей подходит – ве­селая, увлекающаяся оптимистка, неизбежно верящая в огромны запасы Добра и Радости, запрятанные в де­брях Вселенной. А вот Философ совсем другой, его оп­тимистом не назовешь. С улыбкой смотрю, как он под­талкивает ногой свой чемодан, не слишком интересу­ясь происходящим вокруг, в полной убежденности, что делает миру огромное одолжение, приехав сюда просто полюбоваться степью.

– Чего ты улыбаешься? – сердито вопрошает он. – Надеюсь, нас хоть встретят? Или придется самим до гостиницы тащиться?

– Успокойся, – в толпе встречающих выхватываю знакомое лицо. – Вон Гуля идет.

Гуля радостно улыбается и сразу пытается выхватить из моих рук чемодан.

– Давайте помогу.

Затем следует привычный обмен ненужной информацией об общих друзьях-знакомых, в основном болтает говорливая Птица, а я пока молча привыкаю к Нукусу.

Такое впечатление, что этот город – гость. Вроде давно стоит на одном месте, но не обжился, не оброс уютом. И сам понимает, что он только в гостях у старухи-степи и его в любой момент могут попросить удалиться. Может, поэтому все вокруг какое-то неосновательное, построено без размаха и без намерения «жить долго и счастливо». Город бывших кочевников не торопится вращать глубоко в землю и не тратит лишних усилий на красоту.

При виде облупленного здания гостиницы Философ бурчит что-то под нос, а веселая Птица все еще купается в волнах своего оптимизма.

– Ничего страшного, это же всего на три дня.

– Все нормально, – успокаиваю я Гулю. – Не переживай, мы ко всему привычные.

Теперь очередь Нукуса нас рассматривать: приступаем к работе. В отличие от Арала, море работы никогда не засохнет, и в его водоворотах легко забыть, где ты находишься. После дня глубокого погружения, выныриваем вечером, утомленные и разбитые, и сразу цепляемся усталыми взглядами за Гулю – скорее бы она вытянула держащие нас якоря утомительной работы и повезла ужинать.

Пока едем в кафе, оживившаяся Птица без умолку болтает о засыхающем Арале, о намерениях его возродить,

об общественной деятельности по проблеме Арала. Гуля слушает вежливо, но заметно, что эта болтовня не вызывает в ней особого волнения. О проблеме Арала она знает получше щебечущей Птицы, ведь она живет здесь, в так называемой «зоне экологической катастрофы». Эти неприятные слова – экологическая катастрофа – тесно связаны с ее жизнью и стали обыденностью. А для Птицы это пока еще волнующее ощущение. Она невероятно взбудоражена собственной смелостью: ну как же, приехала в зону катастрофы – и даже немного расстроена тем, что здесь нет явных «киношных» признаков вымирания. Мы, люди, любим зрелища. И даже факт наличия какой-то катастрофы поблизости не столько пугает, сколько завораживает. А тут на поверку все выходит как-то слишком просто и тускло. «Катастрофически» скучно для приезжего и «катастрофически» обыденно для местного жителя.

Послушав еще немного, Гуля пытается свести все к шутке.

– Говорят, если каждый из Ташкента приедет сюда с ведром воды, Арал наполнится.

Философ фыркает.

– Гораздо интересней научить людей пить песок вместо воды. Довольно глупо ставить человечество в зависимость от конечных ресурсов.

– А разве песок бесконечный ресурс? – я улыбаюсь, в то время как Птица озадаченно хлопает ресницами. – Он ведь тоже может кончиться!

– Ну, все же вода кончится быстрее песка, – Философ подмигивает мне: – А представь, что в скором будущем люди будут носить кольца с каплей воды вместо бриллиантов. Ведь вода станет драгоценностью, стоимость которой невозможно себе вообразить.

– Приехали, – Гуля тактично покашливает, призывая нас прекратить бесполезный разговор и выгружаться из машины.

Город, может, и неудобный, но своих гостей не обижает. Он щедрый кочевник, и для него накормить пришедшего в степь гостя – дело чести. На столе изумительно вкусная рыба, поджаристая, нарезанная огромными жирными ломтями, а рядом бешбармак с индейкой, и все это огромными щедрыми порциями.

– Вот все говорят, что у нас экологическая катастрофа. Но рыба пока есть, хотя и не из Арала, – Гуля довольно смеется, радуясь, что хотя бы сейчас может представить родной город в хорошем свете. – И Нукус растет с каждым годом, стройки новые затеваются. Да и про Арал стали много говорить, может, что-то изменится. В Казахстане Малый Арал наполнили, и у нас, говорят, можно...

– Говорить – не делать, – многозначительно замечает Философ, тыча вилкой в индюшатику. – Хотя... вы вон с Птицей об этом поговорите, она это любит.

– Да, люблю, – встрепенулась Птица. – Я представитель общественного движения за спасение Арала.

– И это движение постоянно движется из ресторана в этот...как его... коворкинг и обратно, – подхватывает Философ. – А до Арала никак не доползет.

– Почему не доползет? Я же вот приехала, – выпаливает Птица.

– Ну вот и хорошо, что приехали, – Гуля вступает в разговор, игнорируя ответную ухмылку Философа, и тактично меняет тему: – Давайте я вас завтра в музей отвезу, если будет время.

Гуля относится к Птице и Философу как к детям, которые пытаются обсуждать взрослые дела. Сама она, конечно, прекрасно понимает, что никто из нас не знает и пятой части проблем Приаралья, но не собирается разочаровывать гостей. Наверно, кочевые корни сильны в местных людях, и они не слишком рассчитывают на приезжих, все больше на себя. А приезжие... что с них взять? Как приехали, так и уедут, лишь бы были довольны.

Следующий день прямо с раннего утра накрывает нас жарой. Философ пыхтит, но старается не обращать на жару внимания, а в глазах маленькой Птицы уже отчетливо видна тоска по любимой столице. Они оба устали, и в ответ на предложение сходить после работы в музей имени Савицкого, молча вяло пьют воду, с ужасом представляя выход в уличное пекло. Приходится брать инициативу в свои руки.

– Вы тут отдышитесь, ребята, и берите такси в музей, – подхватываю свою сумку. – А я пройдуся.

Друзья не успевают возразить, и я выхожу, провожаемая равнодушным взглядом неулыбчивого администратора.

Почему-то у здешних людей редки улыбки. А может, мне просто кажется, что они мало улыбаются, и на самом деле это я не нахожу здесь повода для радости? Город мал и сер, в нем нет ничего, что могло бы сравниться с шумной жизнью Ташкента, или великолепием Самарканда и Бухары, или жизнерадостностью Ферганской долины. Дома приземисты и просты, а прямо перед ними валяются сломанные дорожные блоки, как останки игрушек каких-то великанов. Возможно, если их не трогать и позволить погрузиться в нескончаемый песок, то лет через сто их бережно выкопают археологи будущего и выставят в прохладных музейных залах. Как образец унылой архитектуры начала XXI века.

Да, здесь совсем другой мир, другая планета. И люди здесь пребывают в спокойной сонной безысходности, к которой они давно привыкли.

В музее имени Савицкого куча ребятни, и все, возбужденно переговариваясь, передвигаются от экспоната к экспонату – видимо, пришли с учителями на экскурсию. Занятно наблюдать, как малыши тычутся любопытными носиками в холодное стекло, за которым находится склеенная ваза. Может, они мысленно представляют себе, чьи руки прикасались к этому предмету много

веков назад. А может им просто смешно, что взрослые придают такое значение каким-то старым черепкам, которыми уже и пользоваться нельзя. Глаза у всех быстрые, веселые, озорные, в них нет никаких признаков катастрофы и неизбежности.

– Не туда смотришь, – шепчет подошедший Философ, – картины в другой стороне.

– А где Птица?

Философ хмыкает:

– В гостинице решила отлежаться. Видимо, общественность не выдерживает, когда за Арал приходится бороться на такой жаре.

Сочувственно смеемся, а потом молча долго бродим по залам. И здесь совсем другая планета. Чувствую себя наполненной до краев, гуляющей в море изменчивых настроений. Руки и ноги как будто ощущают теплоту, исходящую от картин, – не спугнуть бы это чувство! Хочется погружаться все дальше и дальше, и уже нет дела до серого города вокруг, все отодвинулось далеко и стало мелким. Философ украдкой трет глаза, а потом отворачивается от картин.

– Вот так и сойдешь с ума в этом песчаном Лувре, – ворчливо говорит он, торопясь разрушить чары. – Со всем засмотрелся, еще немного, и говорить начну с этими картинами. Пошли уже, скоро музей закрывается.

Обратно идем вдвоем, и Философ уже не возражает против пешей прогулки. Видимо, музей изменил и эту часть его реальности.

– Знаешь, я договорился с таксистом, он может свозить нас завтра в Муйнак. Поедем?

– Конечно поедем!

На Птицу мы уже не надеялись, но, как ни странно, при слове «Муйнак» с нее слетела апатия, и она храбро собралась в дорогу. Может, ее успокоило наличие кондиционера и запаса воды в машине, да и ехать в общем-то недолго – часа три.

В машине прохладно, в ушах повеселевшей Птицы жужжат наушники, она то и дело заглядывает в телефон, «селфится» – в общем, «живет общественно-полезной жизнью». Мы с Философом смотрим в окно, разговаривать не хочется. Ощущение, что в машине какой-то иной мир, ограниченный ее дверцами, а снаружи – Марс с фотографий «Вояджера». Основная палитра здесь – странный серо-желтый цвет, неизменно повторяющийся в растениях, земле и даже небе. Как будто само небо дышит серо-желтой пылью. Цвет утомительный, безнадежный и в то же время прочный: ничем его не перебить, не представить эту пустыню зеленой.

Птица уже заскучала, убрала наушники и вернулась к своей роли «борца за Арал»: краем уха слышу, как она призывает водителя сажать деревья и спасать Арал, рассказывает что-то про свое движение.

Но водитель равнодушен, и сосредоточен на дороге.

– Почти приехали, – он кивком указывает вперед: – Вон, видите, написано: «Муйнак»?

На въезде нас обгоняет еще один внедорожник, из него тут же высыпают туристы и сразу берутся за дело: телефоны и фотоаппараты щелкают не переставая.

– Туристов сейчас много стало, – поясняет водитель, проезжая мимо ахающих и восторгающихся иностранцев. – Платят хорошо за такую экскурсию, а местные им еще железа вниз накидали, чтобы фотки выходили поинтересней. Хотите, вот здесь остановимся?

После долгого сидения в машине хочется размяться, потянуться и хоть немного пройтись. Не спеша идем смотреть местные диковины, окунаясь в особую «степную» атмосферу. Хруст под ногами тоже особый – не морозный хруст ломкого льда и не треск засохших растений, а такой звук, словно крупную соль перетирают в мельнице, запах гнилой соли поднимается от земли и заставляет морщиться.

Седенькие старички и старушки увлеченно «селятся», невзирая на жаркое солнце. Птица тоже усердно фотографируется, но и ее постепенно утомляет эта неподвижная, застывшая во времени, степь, обдающая всех пыльным жаром.

– Знаете, говорят, что Арал уже высохал когда-то давно, – сообщает водитель. – Но потом восстановился и затопил построенные поселения.

– А вы бы обрадовались или огорчились, если бы он восстановился и затопил Муйнак?

Водитель растерянно чешет затылок, на лице неопределенная гримаса. А я уже представляю себе, как из ниоткуда, из этой песочной впадины вдалеке, поднимается вдруг огромная волна и надвигается на поселок. А люди, привыкшие к неприятностям, даже не пытаются от нее убежать, а просто смотрят, без страха и опасений, заполняя спокойным, почти медитативным созерцанием последние минуты до катастрофы..

– Ну, это вы что-то перегнули, – мычит водитель.

Прихожу в себя и стряхиваю видение. Какое уж тут наводнение – водички бы попить, жара усиливается. Философ вытирает выступивший пот и прикладывает ко лбу бутылку с водой. Бесполезно: вода уже давно нагрелась и нисколько не охлаждает.

Иностранец закончил фотографироваться и теперь уныло ковыряет носком ботинка серо-желтый пепел пыли. Фото «на краю мира» выставлены в сеть, миссия выполнена, и дальнейшее его пребывание здесь так же непонятно, как и причины приезжать сюда ради нескольких фотографий.

– Надеюсь, не будешь говорить: «Ах, здесь прямо как на другой планете! Такая мрачная красота высыхающего моря...», – Философ нарочито писклявым голосом передразнивает притихшую Птицу.

Она даже не отвечает, ее оптимизм съезжился и увял под давлением безнадежной обреченности этого места. Мне жаль Птицу, она явно залетела в чужие края.

– Не вижу особой красоты в высохшем море. Но ощущение другой планеты, к сожалению, есть.

– Это просто очень удобное внушение, – сразу заводится Философ. – Можно внушить себе, что катастрофа происходит на другой планете и к нам не имеет никакого отношения. Мы ведь живем далеко, отсюда не видать.

Птица недовольно выпячивает губки:

– Да здесь люди сами ничего не хотят! Что ни скажи, все только смотрят как на ненормальную, – жалуется она. – Им самим, кажется, Арал не так уж и нужен, если соглашаются жить в таких условиях. Почему бы им самим не воевать за свой Арал?

– Потому что в этом нет смысла, – пожимает плечами Философ. – Они способны из песка воду выжимать, могут копить воду, могут ее экономить, но бороться и призывать к наполнению Арала не станут. Не их забота. Они считают, что это небесная катастрофа, «фалокат», и не людское это дело, а божеское. Этаким локальный фатализм.

– А может, это не фатализм, а просто необходимость жить и работать? Нельзя же одновременно думать, чем накормить детей, и бороться за наполнение Арала! Они просто привыкли жить насущными проблемами, а не вопить о своей беде на весь мир, – я смотрю на двух мальчиков поодаль, и они приветливо улыбаются мне в ответ. Видимо, привыкли к общению с любопытствующими туристами.

– Зачем же работать над насущным, если нет будущего? – сердито вопрошает Философ. – Здесь положение настолько плохое, что лучше уж вопить на весь мир, чем ничего не делать. А они зациклены на ежедневных бытовых хлопотах. Либо уезжают, либо приноравливаются к обстоятельствам.

Он смотрит, как мальчишки бойко окружают оробевших туристов, чуть ли не насильно впихивая им какую-то туристическую дребедень. К нам даже не подходят – видят, что ничего не купим.

– Может, это потому, что обстоятельства не за один день появились... – рассуждает ожившая Птица. – Арал не за один день высох, это был долгий процесс. Сначала они привыкли к одному неприятному обстоятельству, а потом постепенно привыкли ко всему и стали просто бороться за выживание.

– Ого, какие у нас умные мысли, – с иронией говорит Философ. – Видимо, общественная деятельность прекрасно развивает мозг.

Пока они так пикируются, я ухожу в сторону. Позади лежит городок, засыпаемый песками, а впереди, нереально близко – куски старого металла, еще помнящие прикосновения морских волн. Вспомнились склеенные черепки в музее, и даже странно, что между мной и этими мертвыми кораблями нет прозрачного стекла. Этот город уже сам музей – памятник погибшего моря-озера. И всё здесь – экспонаты: и люди, и туристы, и корабли, и даже вечный соленый песок.

Философ возникает за моим плечом, как злой дух высохшего моря.

– Знаешь, мне рассказывали такую историю. Однажды было найдено несколько древних предметов искусства, в том числе одна старинная ваза. Эксперт, производивший оценку, написал в отчете, что ваза «бесценная». А скупщик, прочитав отчет, выбросил вазу, решив, что «она ничего не стоит», – он мрачно усмехнулся: – Видимо, мы так же поступаем с водой. Пока она есть – она ничего не стоит, а когда ее нет – она бесценна.

Обратную дорогу все молчат. Но по мере приближения к Нукусу постепенно оживляются. Еще бы, завтра летим домой!

Наутро Птица совсем оправилась и как ни в чем не бывало болтала о пустяках.

– Это было замечательное путешествие. Я теперь намного лучше понимаю суть проблемы Арала.

Наверное, уже выложила фото в Инстаграм.

Философ тоже смягчился и даже по-доброму улыбается Птице.

– Ну вот и побывали на другой планете. Понравилось?

– Понравилось и не понравилось, – отвечаю я. – В основном потому, что это не другая планета, а наша. Поэтому, наверно, приеду еще. Может, ведро с водой в следующий раз прихватчу.

– Вместе приедем, – заключает Философ. – Одним ведром дело не решится.

– Тогда до следующего раза, на другой планете!

Мунира БАБАЯРОВА

Я СПАС МОРЕ

Рассказ

Семья Сережи жила у моря. Он его любил, но ни разу не видел. Арал – название такое гордое, но, когда взрослые говорили о нем, лица их становились тревожными и звучало слово «экология».

Маленьким Сережа думал, что экология – это такая красивая, но опасная рыба, которая водится в Арале, это она во всем виновата, все вокруг портит, и из-за нее болеют дети.

Как-то на приеме у врача мама в сердцах воскликнула, что злое море мстит людям. Сережа тогда расплакался, но папа его успокоил, сказав, что это не так. Потом он еще не раз слышал подобное, но ему больше хотелось верить отцу, рассказывавшему, что море не злое и совсем не мстит людям, оно хорошее. Просто раньше в него впадали две большие реки, которые люди забрали себе, от этого оно стало уменьшаться и заболело. А

Сережа знал, что такое болеть. Это когда все веселятся, играют и бегают, а тебе нельзя.

Он слышал, как врачи тихо говорили родителям: «... надежда есть». Значит, и у моря тоже есть надежда, рассуждал Сережа, он все понимал. Мы будем жить – улыбался он, думая о тихом, грустном море, которое плещется теперь уже где-то далеко и ждет, ждет, когда его вылечат и не дадут умереть. Папа пообещал, что первым местом, куда они поедут, когда Сережу выпишут из больницы, будет оно – грустное море.

– Я хочу его увидеть, – просил Сережа и думал про себя: «Оно меня ждет».

Он представлял, как они будут долго-долго идти по высохшему морскому дну, смотреть, как горячий ветер разносит повсюду белую соль, пока не дойдут до оставшейся воды.

Папа рассказывал, когда их дедушка-герой был совсем молодым, море было сильным, полноводным, в нем водилось много рыбы. Дедушка работал на заводе, где делали вкусные консервы. Все его знали и уважали. Потом море стало отступать от завода – все дальше и дальше. И люди стали уезжать, боясь опасной рыбы экологии. Их семья тоже переехала, но, видно, нехорошая рыба экология отпускала не всех, она до сих пор появлялась в тревожных снах мальчика.

Когда Сережа еще ходил в школу, он влюбился в учительницу географии Ларису Петровну. У нее были красиво завитые белокурые волосы и длинная крученая указка. Как захватывающе она рассказывала о далеких странах! За свою короткую жизнь Сережа еще нигде не успел побывать. Он слушал как замороженный о проснувшихся вулканах, мощных цунами, сметающих все на своем пути. Конечно, все это можно было увидеть по телевизору, но слушать любимую учительницу было интереснее, а больше всего его поразил рассказ об Антарктиде. Огромный материк, полностью покрытый снегом и льдом!

На день рождения папа принес долгожданный планшет. И они, устроившись поудобнее, вместе выбирали места, куда поедут, когда Сережа поправится. Какая красивая наша земля, восхищались они, океаны, озера, моря – сколько же в них воды! Вот бы перелить немножко в Арал и спасти его. «Да, сдаваться нам нельзя, мы победим», – повторял за папой Сережа, улыбаясь и держась за его большую сильную руку.

Оставшись один в палате, он вновь раскрывал планшет и рассматривал ее, Антарктиду. Белоснежную красавицу. Если бы можно было взять оттуда пару айсбергов, никому не нужных, от которых ничего не зависит! И на самых мощных самолетах и вертолетах довести и сбросить их в наше умирающее море. Оно бы спаслось. Растопленный лед залил бы сухое дно. Оно ведь так истосковалось по воде, наверное, вспоминает волны, которые раньше плескались над ним и защищали от жаркого солнышка.

Сережа заплакал и закрыл глаза. Ему представились ракушки, которыми было все усеяно, на них текла вода. Сначала они, отмывшись от соленой пыли, начинали красоваться, блестеть своими закрученными спиралью боками, а потом из самых глубоких завитушек стали выползать их хозяйки. Выглядывали и радостно кричали:

– Не может быть, неужели мы дождались, это вода! Это вода, или все это нам только снится?..

Сережа проснулся, но не открывал глаза. Оказывается, все это ему приснилось. И вода, и чистые ракушки, и та радость, которую он испытал вместе с ними. Он тяжело вздохнул и вновь стал листать планшет с величественными видами Антарктиды. Огромные глыбы льда откалываются от ее берегов и, присягнув, словно рыцари королеве, и приняв звание айсбергов, уходят в дальнейшее плавание. Сережа внимательно рассматривал ледяной купол материка. Он помнил об удивительных находках ученых там, внутри. «Нет, – решил он, – айсберги трогать

не надо. Они кому-то нужны, где-то их ждут. Нельзя вмешиваться в природу. Никто не должен пострадать. Лед надо брать из материка. С ледяной шапки. Если вырезать оттуда два квадрата, никто не ощутит потери, а море будет спасено». От этого решения ему стало легче. Он долго не мог заснуть, представляя, как завтра придет папа, и он ему все расскажет. Закрыв глаза, он улыбался, уже ощущая прикосновение его сильной руки.

Ну, наконец-то, наконец! Две огромные льдины стояли на высохшем морском дне. Сережа ходил и рассматривал их, высоко задрав голову. «Они как небоскребы, – радовался он, – не надо даже пытаться их обойти, на это понадобится не один день. Значит, воды будет много, столько, сколько нужно, чтобы море ожило».

– А почему лед не тает? – удивился он.

– Подожди, солнышко еще не поднялось, и потом, ты не забыл, что обещал?

Сережа всполошился.

– Нет, не забыл. Я свое слово сдержу.

Ледяные вершины словно алмазы засверкали в лучах поднимающегося солнца. А у их подножия земля потемнела.

– Такую, началось... – сердце Сережи радостно забило. Он почувствовал, как холодеют его ноги в прибывающей воде. – Почему вода такая холодная, ведь солнце так палит сегодня?.. Мне нельзя мочить ноги в холодной воде, а то я опять заболелю, – вспомнил Сережа наставления бабушки. – А можно я попрощаюсь с ними?

Перед его глазами промелькнули лица бабушки, мамы и папы.

– Ты передумал?

– Нет, нет! Что вы? – поторопился заверить Сережа. – А это что? – с удивлением смотрел он в воду.

В прибывающей воде появились маленькие рыбки. Золотые, разноцветные – разные. А за ними большие,

просто огромные, с резными плавниками и черными глазами. Их гладкие чешуйки переливались в солнечных лучах, проникающих в прозрачную воду. Сережа совсем не испугался, когда они стали кружить вокруг него.

– Здравствуйте, рыбы. Откуда вы приплыли? Неужели вы прятались в сухом дне?

– Нет, мы были внутри льда. Когда-то замерзли, а теперь оттаяли. Ты спас нас. Спасибо!

– Вот это да... – только и мог сказать Сережа, смутившись.

– Ты такой добрый, мы тебя любим, – слышались со всех сторон голоса рыб.

– И я вас тоже очень люблю, – радостно протянул он им руки, касаясь их гладких гибких тел, извивающихся вокруг него.

Благодарные рыбы водили хороводы вокруг своего спасителя, увлекая его дальше и глубже в прохладные воды. Сережа уже не чувствовал холода, шел не касаясь дна.

– Я умею дышать под водой.

– Тебе нравится?

– Конечно, так здорово...

«Я умираю, – понял Сережа, – но не зря. Я спас море! Наверное, моим именем назовут наш летний лагерь, – почему-то подумалось ему, – дедушка мной бы гордился. Здорово».

Сережа был счастлив. Он поднял голову, и его ослепил луч солнца, проникший сквозь толщу воды над головой. Он махнул ему рукой и пошел дальше в манящие воды, разглядывая удивительные картины вокруг. Ему еще никогда не было так легко, свободно и интересно...

Мария КРАСОВСКАЯ

ТАМ, ГДЕ ШУМЕЛ ПРИВОЙ

Рассказ

*По домам в рыбацком посёлке
только ветер с песком гуляет.
Старый, ржавый баркас у пирса
заметает песком, заметает.
Он стоит как безмолвный упрёк,
с человеческой глупостью споря.
Только солнце, соль и песок,
а когда-то здесь было море.*

Я иду по пустыне, сквозь песчаную бурю прорываюсь к сверкающей синеве. Натыкаюсь на скукоженные верблюжьи колючки и падаю в жаркие объятия Аралкума. Гибель. Это место дышит жаром, обжигает тело и отнимает силы. Тяжело. Вокруг только пустота, всеобъемлющая и горькая, как правда. А правда в том, что весь этот ужас – дело наших рук.

– Саш! – Ида теребила меня за рукав футболки, пытаясь разбудить. – Мы на месте.

– Уже? – я продрал глаза и увидел перед собой подругу с соломенной шляпой в руках. – Сколько я спал?

Девушка усмехнулась и, вылезая из автобуса, ответила:

– Вечность.

Встретили нас смуглые люди, учтивые, весёлые и очень дружелюбные.

– Здравствуйте! Добро пожаловать в Муйнак, – на чистом русском поприветствовал нас Алим-ака, назначенный нашим проводником. Это был пожилой мужчина с обветренным лицом, узкими глазами и большим носом. Несмотря на преклонный возраст, в нём кипела энергия, человеком он казался простодушным и добрым, а его сильные жилистые руки говорили о том, что их обладатель знаком с тяжёлым физическим трудом.

– Здравствуйте, – я пожал руку новому знакомому. – Александр, а это Ида.

Девушка приветливо улыбнулась, собрав свои густые каштановые волосы в конский хвост.

Алим-ака галантно кивнул головой.

– Прощу вас, – указал он на старые армейские узики, ожидавшие своих пассажиров.

Неимоверная жара давила и угнетала, но местные жители, судя по всему, вообще не замечали палящего солнца. Моя кепка казалась раскалённой до предела, так что я снял её и повязал голову белым платком. Изумрудные глаза Иды с любопытством разглядывали местность, детишек, которые, заливаясь звонким смехом, бегали вокруг туристов. Подруга как-то незаметно придвинулась ближе ко мне и прошептала:

– Зачем мы с собой взяли столько воды? Можно подумать, что нас не напоят. Только посмотри, – она кивнула в сторону, где стоял маленький, коренастый каракалпак, который снял со своей головы шляпу и отдал её одному из туристов. – Эти люди такие щедрые и добрые, что готовы отдать гостям последний кусок хлеба. Неужели ты думаешь, что у них не нашлось бы воды для нас?

Я перевёл взгляд с самоотверженного каракалпака на Алима-аку, который прекрасно слышал наш разговор, но делал вид, что о чём-то говорит с водителем одной из машин.

– Ида, у этих людей с водой туго. Не считаешь нахальством то, что мы начнём расточать их «золото» – воду?

Ида понимающе кивнула.

– Разумно.

– Можем ехать! – крикнул Алим-ака и запрыгнул в машину, приглашая меня с Идой к себе.

Ехали мы три с половиной часа, и этого нам хватило, чтобы покрыться испариной. Я ёрзал на месте, обмахивался бумажным веером, тяжело вздыхал и просто пытался не свариться. Ида же сидела спокойно, подставив лицо горячему ветру. Сначала перед нами мелькала пустыня, покрытая небольшими кустиками, смутно напоминающими кораллы. Но вскоре её сменила мёртвая земля, усыпанная ракушками и мгновенно поглощающая любую влагу. Когда-то здесь было море, от которого остались лишь воспоминания и красочные фрески на вокзале, изображающие счастливых рыбаков с богатым уловом.

– Глубина Аральского моря достигала шестидесяти восьми метров, – задумчиво произнёс Алим-ака, качнув головой. Его лицо помрачнело, а глаза вглядывались куда-то вдаль, будто пытаясь отыскать лазурные воды. – Ученый Аль-Беруни писал, что уже в тысяча двести девяносто втором году до нашей эры хорезмийцы знали о полноводном море.

– Я знаю, что и в Авесте есть упоминания об Арале, – добавила Ида и неожиданно подскочила на сиденье, вскрикнув: – Вода!

Алим-ака добродушно рассмеялся:

– Это всего лишь мираж. На самом деле там нет ничего, кроме песка.

Ида разочарованно вздохнула и грустно склонила голову.

– А знаете, в Древнем Египте считали, что мираж – это призрак страны, которой не существует. Выходит, сейчас я видела призрак Аральского моря?

На лице Алима-аки отразилось горькое раскаяние. Наконец мы увидели полосу воды.

– Вот всё, что нам осталось. Люди своими руками превратили богатое жизнью море в бесплодную пустыню.

Мы быстро управились с палатками, а Алим-ака взял на себя хлопоты по приготовлению ужина.

– Саша, ты идёшь? – Ида окликнула меня, погружаясь ногами всё глубже в грязь.

– В этой чудо-воде лечатся все кожные заболевания! – сообщил Алим-ака, копая небольшую ямку для приготовления знаменитого блюда «тандыр гушт». – И глина лечебная.

Я улыбнулся доброму другу и побежал к Иде, не решавшейся войти в воду.

– Не бойся, вода солёная, она будет держать тебя.

Мои попытки успокоить подругу не увенчались успехом. Глаза девушки округлились, когда пенистая волна небрежно лизнула её ноги, как бы приглашая к себе. Ида не умеет плавать, и страх её вполне понятен.

Я взял её за руку, и она благодарно улыбнулась:

– Спасибо, что ты рядом.

– Для этого и нужны друзья, ведь так?

Улыбка сползла с лица девушки, и в ответ она глухо пробубнила:

– Да, ты прав. Как всегда.

Мы побежали к тому месту, где из-под ног исчезало дно, и нырнули, ощущая, как прохладная вода сначала

нежно обволакивает тело, а затем плавно выталкивает его на поверхность.

– Мои волосы! – воскликнула Ида. – Они же будут как камень!

Я захохотал, видя озабоченное лицо подруги. Все её эмоции были по-детски искренними, неподдельными. Мне всегда казалось это милым, я восхищался её бесхитростной натурой, подлинным проявлением чувств. Тем временем волны продолжали нести нас, а мы с наслаждением томились в неге. Алим-ака между тем с тоской провожал персиковый закат, освещающий мягким светом васильковые воды Арала. Его лицо омрачалось великой скорбью всякий раз, когда глаза-угольки, скользя по морской глади, устремлялись куда-то за горизонт, точно ища очертания кораблей, чьи носы разрезали волны, а паруса подражали закату, становясь нежно-кремовыми.

Позже, когда Ида, сидя у костра, пыталась расчесать свои каштановые локоны и жаловалась на то, что её кожу стягивает после принятия «солёных ванн», а Алим-ака разливал всем чай в пиалы, я решил поговорить о том, что меня тревожило весь день.

– Пугает такое огромное пространство, лишённое жизни. Только соль и грязь.

Алим-ака тяжело вздохнул и, грустно улыбнувшись, произнёс:

– Что уж теперь говорить? Шевелиться нужно было тогда, когда берега начинали обнажаться с каждым днём всё больше и больше. Какой сейчас толк в этих разговорах? – вопрос был риторический. Алим-ака небрежно дёрнул плечом.

– Что же стало с жителями Приаралья? Бедняги оказались в эпицентре такой ужасной катастрофы, – Ида отхлебнула чай из пиалы. – Как же они смогли жить дальше, лишившись всего?

Наш новый друг нехотя ответил, пытаясь скрыть своё беспокойство и, может быть, даже чувство вины.

– После гибели моря мы перестали жить. Население Приаралья начало существовать. Это разные вещи, дочка. Рыбная промышленность уничтожена так же, как и попытки прокормить семью. Рак, проблемы с кожей, да и в целом ужаснейшие недуги стали обыденностью для местных жителей. Степной горячий ветер подымал с бывшего дна пестициды и разносил на много километров, погубив всё сельское хозяйство. Вся ирония состоит в том, что именно для сельского хозяйства использовалась вода рек, питавших Арал. Нет, это нельзя назвать жизнью, нельзя...

– Люди никогда не берегли то, что имели, – подытожил я. Другу было нестерпимо больно ворошить прошлое.

Я заметил, как по лицу Иды текли слёзы, которые она старалась от нас скрыть.

– Но ведь... Арал уже высыхал, но возвращался. Надежда есть всегда, так? Мы не должны опускать руки. Больше того – мы обязаны вынести урок! – Ида покраснела от предательского всхлипа.

Алим-ака покачал головой и протянул девушке платок.

– Да, было и такое, что Арал мельчал, но возвращался. Мы тогда тоже махнули рукой, дескать, не в первый раз. Авось и образуется. Пустили всё на самотек, а теперь пожинаем плоды своего безразличия. Море вернуться отказалось, а природа начала жестоко мстить за отобранную воду.

И снова приглушённый всхлип Иды, заставивший меня сглотнуть ком, что встал в горле и мешал дышать.

– Знаете, дети, в этом наша проблема: мы смотрим, но не видим, не замечаем. Бывает, самое важное и цен-

ное находится у нас под носом, а мы тратим время на бессмысленную болтовню.

Было видно, как последняя фраза Алима-аки заставила Иду вздрогнуть и задрожать всем телом.

– Извините, – тихо пролепетала девушка и поспешила к пенистым волнам, которые убаюкивали тихим шелестом. Я проследовал за подругой и, поравнявшись с ней, застыл на месте. В горьком молчании мы следили за тем, как лунный диск лениво освещал водную гладь. Казалось, напряжение в тот момент можно было потрогать руками. Ида осмелилась прервать тишину, и слова её стали для меня хлесткой пощечиной:

– Я люблю тебя. А ты?

Казалось бы, три простых слова, которые я мог произнести в тот момент, могли бы сделать её счастливой. Но я не хотел врать – только не ей! Моё молчание было красноречивее всяких объяснений. Я не могу любить её. Я не тот человек, что нужен этой удивительной девушке. Ида заслуживает большего.

Подруга тяжело вздохнула и обхватила себя в попытках унять дрожь.

– Понятно. Какая ирония, здесь погибает не только море, – девушка попыталась улыбнуться. – Человеческие чувства обмельчали так же, как и Арал. Скверно. Ну что, мой мертвый друг, давай обнимемся и начнём прощаться?

Она обращалась к морю, и то в ответ «обняло» её ноги волной, заставив соль заблестеть на бледных щеках.

– Ида...

Я так много хотел ей сказать, но все слова встали комом в горле. Она всё поймет. Рано или поздно. Я желаю ей счастья.

Девушка почерпнула ладонью воды и молча наблюдала за тем, как та утекает сквозь пальцы.

– Вот так просто мы теряем то, что, казалось, будет с нами вечно. И какую невыносимую боль приносит нам эта потеря.

С этими словами она быстро зашагала назад к ко-стру.

Тем вечером каждый думал о своём. Алим-ака вспоминал море, я решил, что, раз не смог спасти дружбу, попытаюсь возродить Арал, чего бы мне это ни стоило, а Ида думала о добром каракалпаке, отдавшем свою шляпу русскому туристу.

Фарангис АБАЗМАТОВА

БЛИЖАЙШИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Фантастический рассказ

1.

О провале эксперимента сообщили одному из четырех испытателей – единственному, с кем удалось связаться из Звёздного центра. И хотя венерианин, уже пятьдесят лет живущий на Земле под именем Уильяма Блэка, был не самым лучшим испытателем, он отличался невероятной исполнительностью. А еще он обожал жену Саманту. Всеми своими девятью основными сердцами... и даже немного тремя запасными. И потому, когда мистеру Блэку сообщили о грядущем уничтожении этой некогда жалкой в его глазах планетенки, он рванул к земному телефону что было сил.

– Алло... – выдохнул он, едва набрав нужный номер. Когда же длинные до бесконечности гудки сменились хриплым кашлем, он заговорил:

– Алло! Лиам Джонс?

– Старина Уильям, – добродушно отозвались на том конце провода, – как поживаешь?

– Через неделю случится конец света!

– Да ну? Наконец-то! Я уж думал, подохну в этой дыре.

Уильям услышал нотки радости в голосе третьего из испытателей и ужаснулся.

– Нет, ты не понял. Настоящий конец света, – и, чтобы придать самому себе серьёзности, он добавил почти что грозно: – Я не шучу!

Выходец с Юпитера, а ныне временный житель Земли Лиам Джонс, едва сдержал приступ смеха. Помолчав пару секунд, он ответил:

– Всё, я понял. Ты меня очень обрадовал. Тошнит уже от этой ужасной земной пищи...

– Да причём тут еда! – взъелся Уильям, и кончики его маленьких ушей покраснели от злости. – У меня здесь жена, Лиам! Любимая жена!

На том конце провода тяжело вздохнул закоренелый и бессердечный холостяк. Бессердечный – буквально.

– Да сдалась тебе эта жена, – пробубнил Лиам, – жён с собой в космос не берут, что поделаешь. Да и земные женщины такие же вредные, как наши. Что с них толку?

– Ты не бывал на Венере, поэтому не знаешь, что такое вредные женщины.

– И хвала Сверхразуму, что уберёт меня от такой радости. Так, – желая побыстрее прекратить разговор, решил подытожить Джонс, – когда вылет?

– Вылет в ближайший понедельник в шесть утра по местному времени...

– Ладно, я обзвоню остальных. Не дрейфь.

Положив трубку, Лиам вздохнул. Уже более пятидесяти лет считалось, что он осваивает земные науки в одном из американских университетов. На самом деле он давно уже там не числился. Юпитер наградил своих детей отсутствием всяких потребностей и неизбывной ленью. К счастью, в Звёздном центре никто не следил за его земной деятельностью.

Конечно, Лиам Джонс мог бы сейчас лежать со своими сородичами на Юпитере, делая и не делая что ему заблагорассудится, если бы он однажды не чихнул куда не надо. Да, юпитерианцы отличаются своим невероятным чиханием – они чихают везде и всюду, где только вздумается. Но, к большому сожалению, иногда чихание приводит к самым непредвиденным последствиям, как это вышло с Лиамом Джонсом.

Дело в том, что он чихнул на дипломную работу одного меркурианца как раз в тот момент, когда меркурианец выбросил её с балкона своего дома. Она должна была летать себе биомусором и никому не мешать, но увы и ах – Лиам Джонс чихнул. Из продуктов его чихания, попавших на этот жалкий комок грязи, довольно быстро зародилась жизнь. И теперь он, Лиам Джонс, вынужден был ко всему прочему отбывать срок наказания как испытатель неизведанного и неизученного на этой жалкой планете, рождённой из его невинного чиха. И уж поверьте, нет во всей Вселенной для юпитерианца наказания страшнее, чем работа.

Единственной отрадой во всей этой идиотской ситуации были для него редкие звонки ей – загадочной и хладнокровной жительнице Нептуна, единственной, кто понимал его на этой планете хотя бы в желании поскорее отсюда сбежать. Совместная нелюбовь к Земле сблизила их настолько, насколько только может сблизить совместная нелюбовь к чему-нибудь.

Воспользовавшись таким чудесным поводом, он позвонил ей сразу же, как попрощался с Блэком.

Трубку она подняла без промедлений – не прошло и двух гудков.

– Орнелла Страффи, – быстро проговорила она. У неё был холодный грубый голос, такой, какой бывает у женщин, прошедших огонь, воду и медные трубы. Дважды.

– Рад тебя слышать, – засмеялся Лиам Джонс с прищущей ему лёгкостью, – в понедельник, в шесть по местному времени.

– Джонс, Сверхразум тебя побери, о чём ты? – он слышал, как она начинает злиться, и его это забавляло, как и всегда.

– Конец всему этому дерьму, Орнелла. Мы летим домой!

Он кожей почувствовал, как она улыбнулась; и пусть она продолжала говорить ровно, он всё равно знал, что она обрадовалась.

– Как же меня достала эта дыра с их старомодными законами... хвала Сверхразуму! Джонс, ты умеешь приободрить.

– Разумеется, Орнелла. Мне позвонил Блэк, но он так расстроился из-за своей жены, что мне пришлось обзванивать остальных. Но вот беда, Орнелла, я позвонил тебе и...

– И уже устал, – закончила за него Страффи.

– До жути, – честно признался Джонс, – услышать тебя – это ещё стоит каких-то усилий, а вот той полоумной я звонить не хочу.

– Кто тут ещё полоумный, – он был уверен, что она закатила глаза, – пока, Джонс.

– До встречи в межпланетном баре! – но на том конце уже положили трубку.

Уважение Джонса, которое относилось к Орнелле Страффи, было парадоксальным и никому, включая его самого, непонятным, потому что если и была во всей Вселенной по-настоящему вредная женщина – так это была она. На Земле она выбрала местом жительства Венецию – тихую, спокойную Венецию, где улицы пахнут почти так же, как пахнет на её родной планете. Орнелла любила воду, так что каждую ночь, пока наивные земляне спали в своих домах, потушив свет, она проплывала Гранд-канал вдоль и поперёк, очищая его от мусора, никогда с момента своего пребывания здесь не переставая удивляться, как людям удаётся так загадить водоём за один день.

Она потянулась к телефону и по памяти набрала номер Салимы Рашидовой.

Дозвониться до неё оказалось довольно сложно: Орнелле пришлось три раза перезванивать, пока, наконец, сквозь тихое шипение в трубке не послышался знакомый приятный голос, говорящий по-марсиански:

– Да-да?

– И как ты узнала, что это я? – ответила ей так же по-марсиански Орнелла. В конце концов, когда часть населения Нептуна переселилась на Марс, она впитала в себя всё, включая культурные ценности, язык и обычаи, так что Салима была Орнелле как сестра.

– Почувствовала, – честно ответила Салима.

Орнелла рассмеялась, но, вспомнив, как Салима относилась к эксперименту, вернула серьёзность своему тону:

– Эксперимент провалился. Мы улетаем в ближайший понедельник в шесть часов по местному времени. И, подумав, Орнелла добавила: – Мне очень жаль.

На том конце провода послышался тихий вздох. За ним последовала тишина.

– Понятно, – спустя некоторое время, произнесла Салима, – понятно.

– Послушай, – Орнелла не могла скрыть радости, то и дело пробиравшейся в её голос, – не грусти. Подумай только: до следующей планеты нам дадут отпуск, мы сможем пару раз слетать на Уран, поиграть в покер!..

– Да-да, – Салима попыталась изобразить радость, – пожалуй, мне пора.

Орнелла, поняв, что лучше оставить её в покое, ответила:

– Ладно. До скорой встречи.

Однако Салима уже положила трубку.

Так по Земле среди четырёх испытателей, оставшихся из сорока, пронеслась новость об их скором и долгожданном отбытии.

2.

Акмаль Рашидов всегда знал, что его сестра – сумасшедшая. Его это даже забавляло. Салима с самого раннего детства говорила ему, что она – инопланетянка. Сначала это было их любимой игрой, потом – темой для страшилок, которыми они пугали соседей, а теперь Акмаль просто списывал это на её рассудок, а точнее на его отсутствие.

Сестре уже было давно за пятьдесят, а она всё жила в старом доме их родителей, не желая выходить замуж. Соседи шептались поначалу: как так, девочка – и не замужем? А когда ей стукнуло сорок, умолкли: появилась ещё целая куча новых людей и новых сплетен. В конце концов, внезапно исчезло море – люди на время и вообще думать забыли о свадьбах и детях. Море... сколько тогда было криков, когда оно ушло – и не вспомнить. А если бы Акмаль попытался сосчитать, сколько людей кричало – сошёл бы с ума, точно. Казалось, что в то утро кричали даже змеи, прятавшиеся под камнями, и даже мухи, переставшие внезапно потирать свои лапки.

Не кричала только его сестра. Словно бы и не слышала криков. Пожалуй, он и успокоился только от этого – вбежал к ней в дом и успокоился, увидев её. Она, как обычно, готовила себе завтрак и не обращала внимания на людей, в панике носящихся под окном. Тогда всем не было дела до её молчания. Но именно в тот день Акмаль понял, что его сестра – действительно сумасшедшая.

Жена Акмаля уже много лет всячески пыталась оградить его от общения с сестрой – но он, конечно, на это не поддавался. Как ни крути – родственники. Не оставишь же!

И в тот день, когда Акмаль, предварительно поругавшись с женой, как обычно, купил пряников и пошёл в гости к своей сестре, он никак не мог предположить, что услышит от неё что-то новое, ранее не сказанное.

Дойдя до дома сестры, он вошел и позвал её громким басом:

– Сали-и-има!

Она, как обычно, медленно вышла из дома, улыбнулась и села на топчан, где на маленьком столике уже стоял чайник со свежесваренным чаем. Он присел рядом, открыл пакет с пряниками и положил на стол.

– Ну, как дела? – спросил он, а она молча кивнула. Она никогда не была разговорчивой, а с годами слова будто бы стали даваться ей с трудом; поэтому Акмаль, когда она наливала чай в пиалы, как всегда принялся рассказывать о своём: – Дочка скоро в пятый класс пойдёт... старший – в институт... представляешь? Как время летит! А ведь совсем недавно их не было на свете. А море было, – сказав это, он как обычно, повернул голову в сторону пустыни, в ту сторону, в которой когда-то была вода, где он рыбачил с отцом и откуда махал кораблям...

– Вот знаешь, – протянул он, – знаешь, как ушёл Арал?

Салима отпила чай и отрицательно покачала головой. Конечно, она слышала эту историю не один раз, да и сама всё это видела – но она каждый раз терпеливо слушала снова, давая Акмалю возможность выговориться.

– Это случилось за одну ночь, – хоть грусть в его голосе с годами совсем угасла, он всё ещё не переставал грустить, и это видно было по его глазам, – море всегда было совсем рядом, близко... помнишь, мы ходили до него пешком? Пять минут – и мы уже бегаем по воде... вечером ещё была вода. Ночью мы все, как обычно, легли спать. А утром меня разбудили крики, – он сделал глоток чая и продолжил, ладонью вытирая густые усы: – Люди кричали: «Море ушло! Море ушло!». Я сначала не понял, что случилось, а потом вышел на улицу – и сам закричал. Там, где плескалось море, была бескрайняя пустыня... моря не было. Оно исчезло за одну ночь.

Акмаль всегда заканчивал свой рассказ на этом месте и молча смотрел после этого вдаль, так он мог сидеть минуту, а мог и час. И Салима в это время обычно шла заниматься своими делами, но в этот день в её доме впервые за долгое время зазвонил телефон.

Акмаля дёрнуло от неожиданности, но он промолчал. Салима молча направилась в дом. Тот, кто звонил, был настойчив: Салима не успевала быстро дойти до телефона, пропустила два звонка, но звонить не переставали. Она даже не сомневалась: это звонила Орнелла Страффи.

Известия Салиму не очень удивили – это давно уже можно было предугадать. Но вот беда – она напрочь отказывалась верить в то, что судьба Земли уже предрешена.

На ватных ногах она направилась обратно во двор, сама не до конца осознавая, почему её это так волнует. Ведь в этом и заключается её работа – в решении, нужно ли дать шанс той или иной планете. Да – оставляем планету в покое, через время выходим с ней на связь; нет – устраним её, как ненужный мусор. Но вот беда: эта планета была так похожа на Марс и так непохожа на другие планеты!

Акмаль всё так же смотрел куда-то вдаль, когда она вышла из дома и села напротив.

– Кто звонил? – без всякого интереса спросил Акмаль. Вместо ответа Салима тоже задала вопрос:

– Хочешь знать, почему ушло море?

Акмаль с удивлением взглянул на сестру. Она давно не произносила цельные предложения, было уже редкостью услышать от неё простые «да» и «нет». Не желая упускать момент и перебивать её, он просто молча кивнул.

Салима, устроившись поудобнее, тихо заговорила:

– Да, братец, ты думаешь, что я – сумасшедшая. И, может быть, ты был бы прав, если бы сам не был таким, как и все жители этой планеты. Дослушай меня до

конца – хотя бы ты должен знать правду. Тебе поверят люди, я знаю, – уловив интерес в глазах Акмаля, Салима продолжила: – Я была одной из тех, кто счастливо и припеваючи жил на прекрасной планете Марс, где было всё: и вода, и леса, и пустыни, и горы, засыпанные снегом. Чем-то Марс был даже похож на Землю. На самом деле марсиане – это потомки нептунианцев, которые вынужденно покинули свою планету. Когда часть нептунианцев перебралась на Марс, они долго приспособивались к новому климату – ещё бы, вот так просто вылезти из океана прямо на сушу! Но оно того стоило: все жизни, прожитые на Марсе, были одна прекраснее другой. Марсиане не знали забот, трудились на благо своей славной цивилизации и радовались каждому новому дню, создавали семьи и строили города. Марс не спешил развиваться и выходить на контакт с другими планетами, и все космические корабли, на которых мои предки прилетели с Нептуна, быстро пришли в негодность, а новые технологии никого и не волновали. Марсиане были счастливы в единении с природой и полном умиротворении. И я тоже была счастлива: росла в большой и счастливой семье, где все любили друг друга. Но счастье, как известно, не может длиться вечно, и в один ужасный день на Марс обрушилась сильнейшая засуха.

За одну ночь исчезли все моря и озёра, реки и океаны, растаяли льды – остались только солнце, раскалённая земля и обжигающе горячий песок. И я видела это своими глазами. Да, прямо возле моего дома было огромное море – в разы больше того, что ты вспоминаешь каждый день. И марсиане кричали так же, как кричали земляне: «Море ушло! Море ушло!» Это было слышно со всех сторон. Мы были напуганы до смерти... но боролись до последнего: пытались восстановить моря – пусть и не с помощью прекрасных технологий, которыми пользовалась уже вся галактика, – мы боролись как могли. Но, увы...

Марсиане погибали сначала сотнями, затем тысячами, и к тому времени, когда на планете впервые за целый земной год пошёл дождь, в живых осталось всего семеро. Мы сумели выйти на связь со Звёздным центром, и на нашу планету отправили спасательный отряд. Все мои родные погибли. Одержимая желанием предотвратить гибель других планет, я подалась в испытатели неизведанного и неизученного – в специальное подразделение Звёздного центра, куда поступают все, кто хочет исследовать неизвестные планеты и, если там есть какие-либо формы жизни, помогать им при необходимости, – помедлив, поймав на себе ошалелый взгляд Акмаля, Салима всё-таки продолжила: – или уничтожать планеты, опасные для галактики. Работа шла хорошо, я получила довольно высокое звание и чувствовала себя в своей тарелке до тех самых пор, пока мой муж (тогда ещё жених) не защитил в Меркурианском научном институте свой первый диплом и пока (уже через много лет по его вине и по вине одного юпитерианца) я не оказалась на объекте этой самой дипломной работы. Муж – назову его Джамал (это имя близко по звучанию его настоящему имени, но, услышав настоящее, ты просто впадёшь в транс) – был, бесспорно, талантливым учёным, но в молодости, как и свойственно меркурианцам, – тем ещё оболтусом! Свою первую дипломную работу он сделал шутки ради: слепил комок грязи, налил на него леса, океаны, пустыни, горы и прочее и понёс всё это в институт. Там он представил свою работу как «макет идеального курорта для представителей всех живущих ныне в Солнечной системе рас, сделанный по типу древнего Марса», и идея его оказалась воспринята положительно. Единственное, ему пришлось убрать динозавров в силу их габаритов. Однако в целом работу Джамала оценили на твёрдую пятёрку. Но, как оно бывает даже на Земле, после защиты о дипломной работе быстрее всего забывают те, кто её хвалил, и потому уставший и измождённый Джамал сразу после защиты

вышел на балкон своего дома и выбросил дипломную работу прямо в открытый космос. Что случилось с ней дальше? На неё чихнул тот самый юпитерианец, о котором я уже говорила. И вот, Акмаль, полюбуйся: вот так и был создан твой дом!

Акмаль ничего на это не ответил – по его лицу вообще было трудно понять, сможет ли он теперь разговаривать когда-либо. Воспользовавшись его молчанием, Салима продолжила свой рассказ:

– Когда Звёздному центру стало ясно, что на пустом месте прямо в Солнечной системе откуда ни возьмись выросла планета, да ещё и со стремительно развивающейся жизнью, высшие умы Млечного пути начали разбираться. А когда поняли, что произошло, решили снарядить экспедицию, чтобы понять, стоит этой внезапно появившейся планете занимать место или нет. Надо сказать, такое в истории Млечного пути было впервые: все остальные планеты зарождались сами, без всякого вмешательства с нашей стороны, и в большинстве своём ни на одной из них не было разумной жизни.

Так вот. Исследователей на Земле было сорок – все выходцы с разных планет. Нас всех в одно и то же время расселили кого куда: кто-то, как я, стал ребёнком в земной семье, кто-то уже с самого начала был заселен сюда стариком... в итоге испытателей осталось всего четверо. Остальные, не выдержав человеческой жестокости, решили покинуть планету, и каждый в своём рапорте написал, что Земля – безнадежно гиблое место. Что касается четверых оставшихся, трое из них, включая меня, были командирами исследовательских легионов и просто не имели права покинуть планету до конца экспедиции. Четвёртый же, тот самый идиот с Юпитера, просто отбывал наказание за рождение нежелательной формы жизни.

Когда люди начали летать в космос, Звёздный центр серьёзно переполошился и, дабы оградить Солнечную систему от возможной опасности, окружил

Землю силовым полем, оставив в зоне досягаемости только мёртвый уже Марс и пару маленьких небесных тел. Остальное, включая то, что фотографировали спутники и потом отсылали землянам, – не более чем голограммы, установленные на силовом поле, дабы земляне ничего не заподозрили. И когда, наконец, стало ясно, что Земля – планета, полная жестокости и что она действительно оказалась ошибкой, Звёздный центр решил её уничтожить. И уничтожил бы, если бы за Землю не вступилась я, – Акмаль поперхнулся чаем, который пил. Салима, откашлявшись, заговорила снова: – Для меня на протяжении всей экспедиции было загадкой, что же с вами не так. Почему вы сами своими руками уничтожаете то, что вам дорого? То, что вы любите! Да элементарно то, без чего не сумеете выжить. И тогда я предложила провести эксперимент: повернуть с вами весь тот ужас, который пережила я. Конечно, в меньшем масштабе, и так, чтобы всё можно было восстановить. Когда мы связывались со Звёздным центром, чтобы прийти к единому мнению, я рассказала, что живу в маленьком районе, где есть большое море. И все люди любят это море, верят в это море, это море – их жизнь. Так же, как было у нас на Марсе. И я предложила забрать у вас это море. Не по-настоящему – понарошку. Что нам стоит забрать у вас немного воды? Мы управились за одну ночь. Вся ваша вода до сих пор у нас, в Звёздном центре... если бы вы хотя бы попытались что-то сделать все вместе, мы бы вам её вернули. Я думала, что это вас образумит... что вы попытаетесь что-то предпринять. Как же я ошибалась!

Акмаль наконец собрался с духом – и, когда она замолчала, спросил:

– И что – ничего не делаем?

Салима отрицательно покачала головой.

– Ничего. Сделали только хуже. Начали забирать воду – больше и больше. Кто-то, конечно, забеспокоился, начав что-то делать. Конкурсы какие-то, рисунки,

стихи... а что для моря бумага? Разве поможет? И мы же ведь немного забрали! Так, что можно вернуть, если постараться. А вы просто не захотели. Начали другие моря забирать, уже сами – мы тут не при чём. И вот что непонятно: на вас не обрушилась ужасная засуха, как гром среди ясного неба... вы сами устраиваете ужасы похлеще всяких засух. А я, дура, думала, что у этой планеты ещё есть шанс, до последнего верила, что на Земле есть разумные люди... Но вы всё-таки оказались самой обычной ошибкой.

– Но есть же! – тут же вступился за человечество Акмаль.

– Есть, Акмаль, есть, – согласилась Салима, – но их так мало, и они такие беспомощные!

– И что же теперь? – не унимался Акмаль.

Салима с сожалением вздохнула и произнесла:

– В ближайший понедельник Земли не станет.

На это Акмаль уже ничего не ответил. Тогда Салима, внезапно оживившись, вновь заговорила:

– Но ещё есть время, Акмаль! Расскажи об этом людям. Всем, кого знаешь, и пусть они расскажут другим! Может, мы ещё сумеем что-то сделать? Может, ещё удастся спасти вас?

В глубине души Салима всё ещё верила в человечество и не переставала угадывать в Земле черты давно потерянной родины. Жаль только, что после этого разговора Акмаль лишь вновь убедился в безумстве своей сестры. Поэтому, решив всё закончить на мирной ноте, он весело сказал:

– Вай!.. значит Земля уже в понедельник – всё? Чего же я сажу! Пойду схожу к Аброру, – и, поразмыслив, добавил: – Раз уж конец света, надо выпить.

Салима ничего ему не ответила и лишь горестно признала своё поражение.

Но, к большому сожалению Джонса, великой радости Блэка, крайнему раздражению Страффи и искреннему удивлению Рашидовой, в ближайший понедельник

не наступил конец света, потому что в Звёздном центре что-то заглохло, а в следующий понедельник у директора Звёздного центра родился первенец, а потом все уничтожители планет ушли в отпуск – разом...

Земной мужчина, кидавший пластиковые бутылки в Гранд-канал, перестал это делать, когда получил по шее от своей тещи, и Орнелла Страффи даже начала здороваться с ним по утрам, более того – он даже показался ей неплохим человеком.

Мистер Уильям Блэк всё пытался вымолить разрешение взять с собой в космос горячо любимую и любящую жену.

Лиам Джонс, продолжающий бездельничать, особо не удивлялся тому, что их вылет уже который раз откладывали: он, бесспорно, скучал по своей планете, но на Юпитере не было пива, а на Земле его хоть упейся. Поэтому Лиам Джонс даже как-то расхотел улетать.

Акмаль всё ещё навещал свою сестру, которая снова практически перестала разговаривать, но уже не рассказывал ей о том, как ушло Аральское море: боялся, что снова будет слушать этот страшный рассказ о гибели его планеты, тем более что многое из слов его сестры уж слишком сильно походило на правду.

И кто знает, когда всё-таки наступит этот «ближайший понедельник», которого так ждут (или ждали) трое инопланетян и который так пыталась оттянуть одна марсианка, до последнего верившая в человечество?

Галина ШИРЯЕВА

КАПЛЯ АРАЛА

Рассказ

Ерназар почти каждое утро приходил к берегу Амударьи, которая несла свои мутные воды. Непонятная тяжесть давила на сердце. Нет, не найти ему сегодня успокоения у вод Амударьи. Проходя мимо орошаемых полей, он с досадой заметил, что вновь образовались солончаки и заболоченные места, требующие дополнительной поливки пресной водой.

Задумавшись, он только сейчас услышал свое имя. С другого конца поля громко кричали:

– Ерназар-ака, вас к телефону.

Ерназар быстро пошел к правлению совхоза. Плачущая жена, перемежая слова с рыданиями, сообщила, что их сынишка Булат упал сегодня в школе в обморок и его отвезли в больницу. Не зря сегодня его мучили дурные предчувствия.

Больничные коридоры всегда вызывали в Ерназаре чувство тоски. Сейчас он молился, чтобы беда обошла

стороной его семью. Чтобы грозное заболевание отступило от сынишки, но слова доктора разрушили его надежды.

– К сожалению, вы и ваша жена не можете быть донорами костного мозга для вашего сына, – врач сочувственно смотрел на потемневших от горя Ерناзара и Айжан. – Есть ли у вас другие дети?

– Есть дочка, ей двенадцать лет, – не в силах больше сдерживаться, Айжан заплакала.

– Из родственников остался только отец, но он уже немолод, – Ерназар, хватался за последнюю соломинку.

– Приведите дочку и отца сдать анализ крови. Есть вероятность, что нам повезет, и они могут стать донорами. Извините, мне надо идти, – врач похлопал по плечу Ерназара. – Держитесь, вашему сыну сейчас как никогда нужна поддержка родных и близких. Не падайте духом – организм молодой, справится.

«Это Море отомстило за мои ошибки, жестоко и беспощадно», – мужчина в отчаянии откинулся на спинку кресла. Потом он взглянул на картину, которую написал недавно, после посещения разоренного поселка, где он родился и вырос. Берег моря. На фоне кровавого заката на прибрежном песке лежит дохлая рыба, а рядом, задрав морду, воеет пёс. Особую безнадегу картине придает остов брошенного ржавого корабля. И ни единой капли воды.

Двадцать лет назад

Первый секретарь обкома Расул Темирович сидел нахмурившись. Бюро обкома обещало быть непростым. Уже несколько дней подряд над умирающим морем бушуют соляные ураганы, которые часто меняют направление и способны уничтожить весь урожай хлопка. Первый секретарь всегда считал себя истинным патриотом своей родины, а указания партии были для него

непреложным законом. Почти половина воды прежде полноводной Амударьи ушло в Каракумский канал, и Расул Темирович гордился невероятным подвигом народа, построившим это грандиозное сооружение. Ученые предупреждали о катастрофических последствиях строительства многочисленных каналов для полива хлопка. Сегодня на интенсивное орошение хлопчатника и риса уходит значительная часть стока этих рек, что резко сокращает поступление воды в их дельты и, соответственно, в само море. Осадки в виде дождя и снега, а также подземные источники дают Аральскому морю намного меньше воды, чем теряется при испарении. В результате водный объем озера-моря уменьшается, а уровень солености возрастает. Исчезают многие виды рыб. Нельзя сказать, что Расулу Темировичу все это было безразлично, но обещанную экологическую катастрофу считал преувеличением. К тому же собственное благополучие и карьерный рост волновали его намного больше. Не может такого быть, чтобы море обмелело! Это он, Расул, родился на берегу Арала в рыболовецком колхозе, а не крикуны-ученые. И не им его учить.

Перед внутренним взором неожиданно встало море его юности. Синее, доброе, сверкающее на солнце. То оно тихое и гладкое, как озеро, то ветер нагоняет волны, оно становится темным, и играющие барашки волн бьются о песчаный берег. Расулу море всегда казалось таинственным, особенно в лунную ночь, когда светящаяся дорожка с темной поверхности воды уходила в звездное небо. А во время штормов море показывало свой грозный, капризный характер. Он вспомнил, как они с ребятами, бывало, брали лодку и направлялись к островам, это было интересным и волнующим приключением.

Его воспоминания прервал телефонный звонок. Услышав голос, он подобострастно встал и наклонился, как будто собеседник мог его видеть. Рука, державшая телефонную трубку, задрожала, лоб покрылся испариной.

– Непременно выполним, не беспокойтесь. Ваш приказ для нас закон.

Поклонившись еще несколько раз, Расул Темирович в изнеможении откинулся в кресле. Облегченно вздохнув, он полез за платком, чтобы вытереть взмокший лоб. Мечтательного настроения как не бывало.

– А кто будет выполнять план по хлопку? Ученые? Нет, будет выполнять область, где он секретарь обкома. А план по улову рыбы? Кто, как не он, должен следить, чтобы указания партии выполнялись беспрекословно? План по хлопку должен быть выполнен. И сегодня на бюро обкома он даст яростный бой уклонистам и паникерам.

Перестройка

Расул Темирович с трудом поднялся на третий этаж. Давало себя знать напряжение последних месяцев. Много раз сын звал его переехать к нему в совхоз, но пожилой человек не хотел обременять родных, да и жить он привык в городе. Однако сегодня, несмотря на плохое самочувствие, настроение было превосходным. Внук Булат пошел на поправку, и врачи прогнозируют полное выздоровление. Но, в этой радости была частичка горечи. Он даже не смог стать донором для внучка, вся тяжесть упала на маленькую внучку. Посещая больницу он видел, как много людей страдает от плохой экологии, как много больных детей. Горько было смотреть на бледные и изнуренные болезнью детские лица. Вновь заныло сердце, и пожилой человек положил под язык валидол. Очень часто в последнее время беспокоит сердце. Получаются, что правы были ученые, когда предупреждали о грядущей экологической катастрофе. И он был одним из тех, кто ей способствовал. Сейчас, когда обнародовали данные о резком обмелении Аральского моря, многие стали обвинять прежнюю власть, появились статейки в различных газетах и

телевизионные передачи. А попробовали бы они сами пожить в то время!

Расул Темирович подошел к своей зловещей картине, и впервые ему захотелось ее переписать. Яркое солнечное море, в котором плещется рыба, белые чайки, весело кричащие над тонким туманом соленых брызг. Прибой, белыми зигзагами пены разбивающийся о берег...

Но старые часы, полвека висящие в гостиной, безнадежно отсчитывали секунды. В голове неожиданно потемнело, и Расул Темирович упал на ковер.

Былое и думы

Море, спокойное и синее млело под жарким солнцем. Было тихо, и только эхо прибоя, разбиваясь о берег, нарушало окружающее безмолвие. Расул Темирович с удивлением осмотрелся, разглядывая берег детства. Значит, это выдумки об обмелении моря? Вот ведь оно раскинулось – полноводное, бескрайнее и величественное – во всем своем очаровании. Он повернулся, чтобы посмотреть на родной поселок, но, к удивлению, вместо домов увидел каких-то людей, сажающих деревья. И сажали они их как-то необычно. Вместо того чтобы в вырытые ямки посадить саженцы, они с большим трудом тащили к огромным ямам высоченные деревья. Не успел Расул Темирович как следует удивиться, как над его ухом что-то просвистело и больно ударило по ноге. Не удержавшись, мужчина упал на песок. Только сейчас он заметил, что его окружают люди разного цвета кожи и возраста. Каждый не был похож на другого, но одеты все одинаково – в темные шорты, а вокруг головы повязан платок. Люди безучастно смотрели на него, и никто даже не попытался помочь ему подняться. Несмотря на резкую боль в ноге, мужчина заметил, что одет он как все, и подивился, откуда у него такая одежда. Рядом стоял человек, одетый в кожаные штаны и разноцветную рубаху с плеткой в руках.

– Эй, новенький, не отставай, – грозно прорычал человек, сжимая плетку в руках.

Расул Темирович с трудом поднялся, руками пытаюсь остановить кровь на ноге, и захромал за остальными. К счастью, шли недолго. Вскоре показалось какое-то строение, внутри которого – большой зал с мраморными колоннами, но надзиратель повел толпу к боковой лестнице. Спустившись, Расул Темирович увидел большую комнату, заполненную деревянными колесами, похожими на корабельные штурвалы. Надзиратель щелкнул плеткой, и люди стали привычными движениями крутить колеса.

– Эй, Гвидо, объясни новенькому, что нужно делать, – надзиратель плеткой, с которой по-видимому никогда не расставался, указал какому-то человеку на Расула Темировича. Гвидо по-видимому был старшим, из-под платка на его голове выбивались буйные космы волос.

– Дело здесь простое, – начал косматый, – крутишь колесо и все.

– Зачем? – удивился Расул Темирович.

– Ну как зачем? Мы крутим колесо, а в море появляется вода.

– Это что, ад или параллельная реальность? – шепотом спросил потрясенный мужчина.

– Какой ад? – удивился собеседник. – Или паралл... чего? – Гвидо не смог произнести непонятные слова. – Мы просто крутим колесо с шести утра до двенадцати вечера. Работа легкая. Потом отдыхаем. Да и кормят здесь хорошо. Дают похлебку с хлебом. Часто попадается мясо, – сглотнул Гвидо. – Главное, выполняй свою работу и не зли надзирателя, – косматый опасно посмотрел на человека с плеткой.

– А что, нет другого способа наполнить море?

– Не знаю, – видно было, что Гвидо никогда не задумывался над этим вопросом. – Мы просто крутим и все.

– Но зачем? – на глаза Расула Темировича навернулись слезы.

– Разве ты не знаешь? – удивился Гвидо. – В море должна быть вода!

А ведь это совершенно правильно: в море должна быть вода. Признав неоспоримость аргумента, Расул Темирович начал крутить колесо.

Колесо крутилось все быстрее и быстрее, сливаясь с пространством. Расул Темирович застонал и приоткрыл глаза. Девушка в белом халате, стоявшая рядом, радостно улыбнулась и стала звать врача. Тот поспешно явился в палату и, изобразив профессиональную улыбку, произнес:

– Ну и напугали вы нас, уважаемый. Хорошо, что сын забеспокоился – вы не отвечали на звонки – и поехал к вам. С возвращением! Теперь все будет хорошо.

Врач говорил, но Расул Темирович не слушал его, потому что почувствовал невыразимое облегчение. Какое счастье, что увиденное оказалось сном. Но какой же яркий и выразительный он был! Теперь, сколько бы ему ни осталось, все силы потратит на то, чтобы защитить природу родного края. Если не он – то сын и внук обязательно. Потому что, как говорил Гвидо, в море должна быть вода.

Надежда МИЛАШЕВИЧ

СЛЁЗЫ МОРЯ – МОРЕ СЛЁЗ

Очерк

Перед глазами неизданная книга «Арал просит воды». Автор – Владимир Сергеевич Ковалёв – начальник геологической партии Лазаревская, базировавшаяся на западном берегу Аральского моря.

Владимир Сергеевич очень болезненно переживал судьбу Арала, и это ускорило его кончину.

Воспоминания потянулись цепочкой, начиная со дня знакомства.

Ада Николаевна Задорина – геолог, научный сотрудник и экскурсовод музея минералогии, показала Ковалёву газету «Правда Востока» с моей статьёй о ней «Хозяйка медной горы» с экслибрисом и некоторые мои рисунки. Владимир Сергеевич сказал, что ищет иллюстратора для своей книги об Арале. Так состоялось наше знакомство.

При первой же встрече я была радостно удивлена интересной информацией: на западной стороне

Аральского моря есть места с пресной водой! Участники геологической экспедиции нашли аральский янтарь, очень похожий на прибалтийский.

Мои рисунки Ковалёву понравились, и мы стали сотрудничать. Он принёс мне рассказы, частично отпечатанные на машинке и рукописные – постоянно добавляя новые сюжеты, он не успевал печатать набело.

Это были рассказы об окаменелых ракушках, о том времени, когда Аральское море имело подземную связь с Каспийским, а то в свою очередь с Чёрным, и уровни морей с определённой цикличностью лет менялись. И даже о более ранней поре, когда Амударья впадала в Каспийское море по рукаву Узбой, и Арал был полноводным. Чтобы достоверно изобразить сюжеты, Ковалёв приносил фотографии и слайды. Я старалась с помощью тонкого пера и чёрной туши как можно более точно представить суть описанного в тексте. Рисую суда в засоленном песке... и сердце щемит.

Прочитала рассказ о Муйнаке, а Ковалёв не может найти фото с видом, нужным для иллюстрации. «Идём к Рафику Матевосяну – это мой лучший друг! – приглашает Владимир Сергеевич: Я покажу тебе, что надо срисовать с его картины».

Рафаэль Теватросович Матевосян был нам очень рад. С картины размером около 2 x 1 кв. м, написанной маслом, веял ветер, наполненный запахом солёной морской воды. Мыс уходил в море и завершался маяком. Гребешки волн спешили убежать за раму. Матевосян доставал и показывал нам массу этюдов, написанных с натуры. А над большой картиной он работал в течение месяца уже в мастерской и так был поглощён работой, что забывал о еде. «Похудел тогда на 10 килограмм!» – признался он нам.

Матевосян пригласил меня в гости снова. И вот я, уже как внештатный корреспондент «Правды Востока», беру интервью. Больше всего запомнился его рассказ о том, как он жил «Робинзоном» на необитаемом острове

среди Аральского моря, потому что вертолёт вовремя не смог его забрать из-за погодных неожиданностей. И хотя сам он тревожился, а еще больше волновались родные, этот период оказался самым плодотворным.

Синяя-синяя вода до горизонта, чайки-поморники с пронзительными криками носятся вдоль берега. На шестах, воткнутых в песок, развешаны гирлянды сушащейся рыбы. Где же я все это видела?

...Когда мне было 8 лет, мама впервые повезла меня на тепловозе в Москву. Путь лежал через Аральск. Это был 1964 год. Вода была почти рядом со шпалами! По вагону сновали шумные торговки рыбой. Бабушка рассказывала, что в начале века, когда саксаула на топливо не хватало, паровозы топили сушёным усачом...

А теперь я с испугом смотрю на изменившиеся границы Арала. Неужели такое могло произойти за какие-то полвека?!

...В детстве после прочтения книги «Путешествие на Кон-Тики» Тура Хейердала у меня возникло желание построить плот и отправиться по течению Салара (мы жили на его берегу), а далее – по Чирчику, Сырдарье до Аральского моря. Но дедушка не захотел покупать мне брёвна, сказав, что эта затея для мальчишек. И, представьте, через полвека я такого «мальчишку» встретила. Им оказался Владимир Иванович Шатога – капитан дальнего плавания. Ему было 12 лет, когда он подготовил команду из трёх ровесников. Собирались целый месяц: сушили сухари тайком от родителей, прятали крупу и консервы. И в назначенный день, оставив родителям записки с просьбой не волноваться, поехали на поезде до Чиназа. Там украли лодку и поплыли на вёслах по течению. На ночь выходили на берег и готовили еду. Милиция поймала их уже около Казалинска. Чуть-чуть

до моря не дошли¹. От Владимира Ивановича я узнала, что до XVIII века по Сырдарье сплавлялись до Арала на камышовых плотках. И даже переправа караванов на Великом шелковом пути через Яксарт^{2*} у городища Бенакент³ осуществлялась на плотках.

Волны воспоминаний с брызгами горько-солёной пены накатываются одна за другой, с шипением отступая всё дальше и дальше, быстро оставляя высыхающий песок с высолами.

Жарким летом 1996 года Ковалёв сообщил, что собирается везти оборудование геологам на Арал и пригласил меня рисовать с натуры. Ехать предстояло на геологической грузовой машине, оснащённой походной кухней.

– А как моя собака? – спросила я.

– И собаку бери, только надо оформить справки для проверки на КПП.

Мой солнечно-рыжий колли Атон, внимательный слушатель, протягивает Ковалёву лапу.

К книге Ковалёва я нарисовала около 30 иллюстраций. Под умиротворяющее пение сверчков в вечерней пустыне перед глазами возникают различные сюжеты и лица.

...Юрий Васильевич Шпотин – сотрудник по «УзНИИП градостроительства», начальник отдела гражданской обороны, узнав о предстоящем путешествии, рассказывает, как можно конденсировать воду из саксаула, – он несколько лет проработал в Приаралье. Надо пригнуть ветку саксаула к земле, надев на неё полиэтиленовый мешочек. За 8 часов весной на солнце выделяется около

¹ Позже романтик и поэт В. И. Шатога публиковал свои стихи в журнале «Юность».

² Яксарт – древнее название Сырдарьи.

³ Бенакент – после захвата Амиром Темуром город был перестроен и в 1392г. получил имя «Шахрухия».

1,5 литров конденсированной воды. Осенью конденсата значительно меньше.

Юрий Васильевич попадал в песчаные бури, когда ураган переносил барханы и менял рельеф до неузнаваемости. Однажды буря застала в дороге. Пришлось прятаться под грузовиком, а потом откапываться сапёрными лопатами. Глаза, нос, рот и уши были забиты песком. Великую радость испытали от воды и умывания. Не успели опомниться после бури, как вдруг среди барханов (сказочный сюрприз!) возникли цветущие пустынные ирисы.

Интересно, что, вернувшись в Ташкент после этого путешествия, Шпотин попал на выставку цветов, на которой особый восторг вызвали у него садовые ирисы. Они стали увлечением его жизни. Юрий Васильевич занялся селекцией ирисов, и его новые сорта занимали первые места на международных выставках ирисоводов. Около 700 сортов ирисов прошло через его руки.

...На работе перед отпуском горы дел. Ветврач оформляет 17 справок! Именно столько постов мы будем проезжать. После работы грунтую холсты и готовлю всё необходимое.

Жара кончилась. Идут последние сборы. Пронзительно-резкий звонок... У калитки Ковалёв с бледным лицом, полным отчаяния.

– Что случилось? – спрашиваю.

– Экспедиционную машину украли. Я только что из милиции...

– ?

– У тебя есть валидол?

– Да. Может, скорую?

– Нет.

– В суете я потерял где-то новые главы книги, которые нёс тебе иллюстрировать. Придётся писать заново...

Валидол не помогает. Я вызываю такси...

Позже Владимир Сергеевич сообщил, что милиция нашла машину в разобранном состоянии недалеко от Чирчика.

...Шоира Расуловна Ибрагимова – директор Ташкентского отделения «Экосан», объявляет конкурс плаката о спасении Арала. Как здорово! Обложка книги – это уже плакат. Перерисовываю на формат плаката 60 x 90 кв. см.

Международный фонд спасения Арала совместно с «Экосан» проводит фестиваль, обнажая Аральский экстрим. Ко мне приходит Матевосян, мы обсуждаем наиболее волнующие вопросы, удивляемся новым открытиям: летом 2001 года, когда вода опустилась на 20 метров, археологической экспедицией был обнаружен мавзолей Кердери XI – XIV веков, размерами 42 x 30 кв. м, копия мавзолея Ясеви в Туркестане. Рядом с мавзолеем захоронения и город, часть которого находится под водой! А в 20 километрах от него городище Робат-Тоган XII века, он был окружён дамбой, которую смыло в XIV веке быстро поднимающейся водой, в результате чего городище было затоплено.

Телеканал Евроньюс, показывая карту погоды, обнадеживает нас заполненным Аральским морем, очищенным от дефолиантов. Впереди новые открытия, исследование обнажившейся пустыни Аралкум с гигантскими геоглифами, имеющими строгую геометрическую систему, аналогичную системе в пустыне Наска в Перу, но только рядом с космодромом Байконур.

Сколько ещё неведомых открытий ждёт нас об Аральской «Атлантиде»?!

Фарида АМИРХАНОВА

ЧУДЕСА УСТЮРТА

Эссе

Устюрт... С детства слышала я это загадочное слово. А еще: поле, разведка, экспедиция. Мы жили в «геологическом» доме и под впечатлением рассказов родителей о путешествиях и открытиях всем двором хотели стать геологами. Моя мечта сбылась: я попала на Устюрт, для изучения подземных вод. Конечно, сухие научные отчеты не могут передать все очарование этого края, и я хочу поделиться своими впечатлениями о нем.

Величественная равнина, поднятая на 100 метров над пустынями Приаралья, лежит между Аралом и Каспием. Чинк (обрыв) представляет собой чередование белых, голубых, розовых и желтых горных пород. На солнце он вспыхивает золотым огнем. Увы, это не золото, а кристаллы гипса. Находят также хорошо сохранившиеся

ископаемые зубы акул – древних обитателей моря «Тетис» – теперь это застывшее каменное море Устюрта.

Прозрачность воздуха, открытый горизонт и видимость на десятки километров вокруг создают совершенно уникальное пространство. В жаркие дни колыхается мираж – изумрудно-синие волны моря, а когда едешь вдоль чинка, возникают высокие замки с причудливыми башенками. Буровая вышка нефтяников вдалеке отчетливо видна, но, оказывается, идти до нее несколько дней.

Часто, стоя на самом краю плато и вглядываясь в зелено-фиолетовые просторы амударьинских разливов, думаешь, что отсюда можно увидеть Хорезм. Высокие рукотворные башни из камня, стоящие рядом, явно построены как сторожевые и наблюдательные пункты древними кочевниками. И странное чувство переполняет вновь: кажется, что откуда-то появятся орды всадников и с гиканьем понесутся к нам. Так мы, зачарованные, стояли с однокурсницей Любой, ветер дул нам в лицо, но что-то вдруг заставило нас обернуться. На нас смотрела прекрасная белая лошадь с умными глазами и длинной серебристой гривой. Она была без седла и упряжи. Откуда она здесь, в безлюдной степи?! Это было невероятно, мы в недоумении посмотрели друг на друга, а лошадь тут же исчезла. Что это было – мираж? Или кто-то читает наши мысли? Поднимаем глаза на бесцветное небо, а на нем ни облачка. Очень жарко, ветер не спасает, мечтаем о влаге... Вдруг капля, вторая – дождик! Стало прохладно и немного страшно: будто кто-то невидимый сопровождает нас и подшучивает над нами...

Днем каменная гладь пустыни Устюрт лишена хоть каких-нибудь красок: редкие растения по цвету сливаются с землей. Когда наступает вечер, ландшафт резко меняется: в лучах заходящего солнца приземистые безлистные кустики светятся изнутри ярким зеленоватым светом, отбрасывая на землю сиреневые тени.

Закатная половина неба переливается всеми красками, и они меняются с каждой минутой, а на противоположной стороне уже ночное небо в звездах! Каждый день мы наслаждались этим чарующим зрелищем, ничего похожего в жизни я больше не видела. После захода солнца небо резко меняет цвет, и, чтобы не потерять, ориентируешься на освещенную гирляндой огней буровую вышку. Чуть отойдешь, обернешься – а ее уже нет: тьма и яркое звездное небо над головой. При этом высота вышки сто метров, ни холмов, ни впадин нет. Ощущение совершенно другого измерения. Однажды мы заблудились, запаниковали и вышли на шум работающих моторов техники – нас искали.

Звездное небо над Устюртом – это еще одно чудо! Если обычное для наших широт небо можно сравнить с черным бархатом с несколькими созвездиями, над Устюртом – сплошная россыпь разных по цвету и величине звезд, и все они движутся как живые. Без сомнения, мы не одни во вселенной! Поразило нас и такое невиданное явление, как запуск ракеты с космодрома в виде растущего огромного золотистого шара, в центре которого движущаяся ярко-белая спираль. Когда «шар» заполнил все небо, он стал переливаться радугой! А до Байконура сотни километров...

Еще одно чудо – солончак Барса-Кельмес – загадочная впадина, покрытая соляными кристаллами. Как в зеркале, в нем отражаются небо и солнце! Впечатление усиливается во время полета: верх и низ меняются местами, даже опытные летчики начинают волноваться... А если взять курс на север, то вдоль чинка можно увидеть гигантские стреловидные знаки, как на плато Наска. На земле они неразличимы и видны только с воздуха или на снимках из космоса.

Однажды на буровой кончилась питьевая вода, и мы с шофёром дядей Ваней поехали на водовозке в сторону Кунграда за сотню километров от асфальта. Бездорожье и безлюдье. За все время пути не встретили ни одной

машины. Все кругом белое, ослепительное, очень жарко, хотя дует ветер. Хочется пить. А до воды еще далеко. ЗИЛ бросает из стороны в сторону, когда колеса наезжают на засохшую колею, оставшуюся с весны. Дядя Ваня уверяет, что «машина – зверь», на базе американского студебеккера, сам он шофер опытный, знаток Устюрта. Он едет, о чем-то балагурия, а все мои мысли только о воде... Отчетливо вижу перед собой запотевший стакан холодного вишневого компота – только что из мамино-го холодильника. О, было бы это наяву! Отгоняю от себя этот образ и все остальные воспоминания о городской жизни... Мотор ревет, дядя Ваня то и дело переключает скорость, мы оба дергаемся, как куклы. Слышно, как в кузове что-то гремит и перекачивается. Все это можно стерпеть, но как же хочется пить! Закрываю глаза и вижу розовато-малиновую половинку холодного арбуза с зеленым боком... Нет, это невозможно! Вокруг – белое жаркое марево. Шофер уже молчит, только часто облизывает сухие губы. Вскоре мы вдруг останавливаемся и какое-то время сидим в оседающей пыли. Впереди встречная машина. Это МАЗ с прицепом, полным арбузами! Как это принято на Устюрте, он затормозил рядом с нами. Поздоровались с шофером, конечно, знакомым дяде Ване, и вот он уже угощает нас парочкой небольших, но таких желанных чуть помятых бледно-зеленых арбузиков. Мы жадно съедаем их и, счастливые, едем дальше, весь остаток дороги до первого попавшегося канала с амударьинской водой смеемся до слез. Приехали! Смотрю, как насос закачивает в брюхо машины мутную желтоватую воду, и думаю, что в ней не без лягушек и прочего... Уже близится вечер, и мы возвращаемся на буровую, где нас очень ждут. Больше в этот день чудес не происходило...

Александра ПОВАРИЧ

ШЁПОТ АНГЕЛА

Фантастический рассказ

У нас не бывает имён, в отличие от тех, кого мы оберегаем. Нас не увидишь обычным людским взглядом, не измеришь наш вес. И это не означает, что нас вовсе нет. Мы безмолвны, но это не подразумевает, что нам нечего сказать. Наша миссия заключается в том, чтобы оберегать. И мы оберегаем: людей, зверей, исторические и природные объекты...

Иногда живые существа могут почувствовать наше присутствие, словно лёгкий ветерок прикоснулся к телу. Забавно, но это всегда расценивается ими как внезапная щекотка, ветер или ещё что-то, но только не прикосновение к ним ангела. Да, мы – ангелы, и я – один из них. И сегодня мне очень хочется говорить.

Всё началось примерно 20 тысяч лет назад. Я навсегда запомнил тот день, когда мне поручили новую

миссию – охранять только что зародившееся озеро. Вы когда-нибудь видели, как зарождается что-то новое? Как маленькая песчинка со временем превращается в жемчужинку? Как из одной клетки под чутким присмотром природы развивается человеческий детёныш? Как идея может превратиться в небоскрёб – кирпичик за кирпичиком, камень за камнем ... Всеми нужно время. А ещё – правильное стечение обстоятельств, когда все составляющие оказываются в нужное время в нужном месте. И это настоящее волшебство!

На моих глазах как раз и происходило одно из таких чудес – зарождение необыкновенного объекта природы, которое мне предстояло оберегать последующие тысячелетия. И, скажу я вам, это был один из самых запоминающихся и ярких моментов в нашей с ним истории: я увидел, как зародился Арал. Я смотрел, как воды нескольких рек меняли свои русла, стекаясь в одну точку, как терялись под водой деревья – целые леса... Одна экосистема сменяла другую. Я видел, как постепенно приплывали стайки рыб, как слетались к новому озеру чайки. Я смотрел, и мне хотелось петь! Петь от счастья, оттого, что это так красиво – новая ЖИЗНЬ!

Озеро это было огромным. И очень живым. Понимаете, на озеро можно смотреть по-разному. Вот ты стоишь перед ним и видишь только синюю гладь. Окунаешь в него руку, черпаешь немного воды в ладонь и пробуешь на вкус. Но тут ты видишь только эту гладь, только поверхность. А вот если посмотреть глубже...

Если окунуться в него с головой, погрузиться на несколько десятков метров в глубину, то можно увидеть, что озеро живое: тысячи живых существ находят в нём свой дом. Оно всегда в движении, в развитии – за счёт бесчисленного количества рыб, микроорганизмов, водных растений. Оно ЖИВОЕ! Возможно, это проще будет понять, если вы живёте в мегаполисе. Посмотрите на него из иллюминатора самолёта – просто город, просто огни, деревья. А теперь пройдите по улицам

города днём или даже ночью – вы почувствуете жизнь, движение, энергию. Мегалополисы никогда не спят! Не спят и озёра и моря!

Много счастливых сотен лет провёл я в безмолвном наблюдении за этим чудесным озером. Мне казалось, что Арал дышит. Бывало, озеро разливалось широко, а иногда вода значительно отступала, обнажая свои берега. Я не человек, время для меня течёт иначе, но именно поэтому для меня было очевидно, что Арал живой и дышит, находясь в гармонии со своими внутренними циклами. Иногда, когда вода сильно отступала, в озере образовывались островки. Поэтому народы, заселившие побережье озера, назвали его Аралом: на тюркском «арал» означает «остров». Море островов... Чудесное название, согласитесь?

В моей миссии в то время не было ничего сложного. Я просто наблюдал, восхищался красотой Арала и не вмешивался. Жизнь шла своим чередом, века сменялись веками. Не работа, а мечта. Но вот однажды всё изменилось. С одной стороны, это произошло внезапно, с другой – теперь мне понятно, что на это потребовалось время, которое было упущено.

Знаете, я никогда не видел в людях угрозу для моего озера. Никогда. Наоборот, мне нравился интерес, который они проявляли к Аралу. Как они изучали его воды, как строили корабли. А эта прекрасная шхуна «Константин», построенная в 1848 году... Как она плыла, как красива была в лучах заходящего солнца! Я готов был наблюдать за ней сутками напролёт. Были и другие, например, пароходы «Арал» и «Сырдарья», но моим любимцем всё-таки был «Константин». Этой шхуной командовал один из первых исследователей Аральского моря – Алексей Бутаков, очень смелый и деятельный человек. Мне он нравился.

Я наблюдал за его манерой общаться с членами экипажа и восхищался тем, как он быстро принимал решения в критических ситуациях. Помню, как однажды

возле одного из островов Арала – кажется, Барсакельмес, – ему и его команде пришлось пережить сильнейшую трёхдневную бурю. Я не вмешивался, хоть и видел, что им было непросто. Понимаете, у Арала свой характер. Он есть у озера, моря, вулкана – у любого природного объекта. И этот характер нужно уважать. Поэтому я просто наблюдал за этой человеческой стойкостью, отвагой и смелостью, за тем, как один человек нёс ответственность за целый экипаж, целую экспедицию, не смотря на то что ему самому было страшно. И тогда я понял, что есть категория людей, которые даже перед лицом страха никогда не забудут о том, что в их руках чья-то жизнь. Быть капитаном корабля – это все равно что быть Солнцем для десятка планет. Таких, конечно, мало, но за ними хочется идти. Таким был Алексей Бутаков. И я уважал этого человека.

Помимо капитана, на этой шхуне мне приглянулся ещё один человек. Все его звали Тарасом, и он был просто одержим живописью. В ход у него шло всё – тушь, карандаши, акварель. Всегда ходил с альбомом, делал зарисовки Арала, шхун, людей. Особенно мне нравилось, как он рисует именно людей. Каким-то волшебным образом его портреты передавали характер человека, а когда я смотрел на наброски, сделанные карандашом, то мне казалось, что изображения вот-вот оживут, и этот древний старец на листе бумаги протянет ко мне свою исхудавшую руку. Что и говорить, Тарас был влюблён в то, что он видел вокруг, это и делало его рисунки такими живыми. Тарас Шевченко – под этим именем его узнавали, уважали тогда и до сих пор. Мне же посчастливилось наблюдать за ним, пока он плывал на «Константине».

Вы знаете, я всегда питал особую любовь к людям, хоть и не был никогда опекуном ни одного человека – мне обычно доверяли природные объекты. И тем не менее люди всегда вызывали у меня живой интерес, особенно их традиции и отношение к окружающему

миру. Я заметил, что все, кто живет вблизи «большой воды», например, как мой Арал, относятся к ней с большим уважением, ибо водоёмы их кормят, формируют климат, в котором они живут, а ещё – успокаивают.

Веками я наблюдал, как люди в тяжелые для себя минуты шли к озеру, чтобы посидеть в тишине и посмотреть на его волны. К Аралу всегда приходили за советом и всегда его получали. К Аралу приходили за пищей – и получали её. К Аралу шли из любопытства – и утоляли свой интерес новыми знаниями. Я любил смотреть, как люди отапливали свои юрты зимой, как угощали приезжающих гостей айраном, как радовались каждому новому дню...

Многое у людей вызывало у меня восхищение, особенно жажда новых знаний, создание новых технологий, реализация самых невероятных идей, творчество... Человечество всегда находилось в развитии, и в этом нет ничего плохого. Но с развитием выросли потребности и, как следствие, усугубилось влияние на природу. И вот в 1961 году беда стала явной: мой прекрасный Арал стал мелеть, да так стремительно, что поначалу даже сложно было в это поверить. Огромное количество воды из Амударьи и Сырдарьи – главных подпитывающих его рек – было изъято на орошение многочисленных полей. И мой Арал просто таял на глазах, просто уходил в никуда...

Четверть века... Самая тяжёлая четверть века за всю мою бесконечную жизнь. Много чего произошло и не произошло одновременно. Я бился изо всех сил. Придумывал и нашёптывал людям идеи и планы спасения Арала. Кто-то услышал, кто-то нет. Сказать, что люди не старались что-то сделать, чтобы изменить ситуацию, не могу. Старались. Делали что могли и как могли. Кто-то страдал от потери озера, кто-то не обращал внимания. Всё было...

А помните, в самом начале я спросил вас, видели ли вы, как зарождается жизнь? Думаю, многие всё-таки

видели. А теперь я спрошу, видели ли вы, как умирает то, что рождалось у вас на глазах? Нечто прекрасное, что наполняло вашу жизнь смыслом, что дарило этому миру намного больше, чем кажется. Вы заботились о нём, отдавали ему любовь, он был вашим любимым детищем. И теперь он умирает у вас на глазах, и вы ничего не можете с этим поделать...

Отчаянье, безысходность, страх потери... Вы просто стойте и смотрите...

А когда уже нет сил смотреть, просто падаете на землю, и вас разрывают рыдания...

Да, ангелы тоже плачут. Не знали? Увы, это так...

Ещё и сейчас я часто прихожу к своему Аралу, вернее к тому, что от него осталось – белая солёная пустыня да немного горько-солёной воды... Горечь. Сейчас на его месте повсюду эта горечь и останки кораблей, ввергающие в глубокую печаль. Я прихожу и сажусь на солёную почву, закрываю глаза и представляю, как плещутся на месте пустыни волны, как стайки рыб проплывают и касаются меня. Я вспоминаю, как на берегах стояли юрты, как маленькие дети бегали друг за другом, как круглолицые женщины с раскосыми глазами ласково смотрели на озёрную гладь, как мужчины ловили рыбу и пели свои песни.

Каждый, кто жил когда-либо возле Арала, был по-своему счастлив. Счастье это было в единении со своим народом, со своей семьей и с местом, которое подарило им дом...

Сейчас все говорят об экологической катастрофе, о потере экосистемы, но, когда я думаю об Арале, я вижу это иначе: вместе с Аралом был утрачен дом для целого народа и любовь одного ангела...

Я скучаю по озеру... И больше всего скучаю по искреннему человеческому счастью. Счастьем, которое испытывает капитан, когда стоит у штурвала своего корабля и смотрит на заходящее солнце. Счастьем, которое озаряет душу ботаника, только что оказавшегося на

новой территории с десятком неисследованных видов растений. Или счастьем художника, делающего наброски карандашом. Я скучаю по счастью, благодаря которому Арал пел, как только могут петь большие и живые озера...

* * *

В ту ночь большинству жителей Приаралья приснился один и тот же сон: полупрозрачный ангел бродил по пустыне Аралкум и шептал лишь одну фразу: «Берегите то, что делает вас счастливыми...»

Валерий ЛАТЫПОВ

ВЕСЕННИЙ РУЧЕЙ

Сказка

Весна – радостное время года! Снег тает и превращается в ручейки. И вот в одно прекрасное весеннее утро, когда солнце только поднималось и снег заискрился в его лучах, один из фермеров встал раньше петуха. Он подошёл к календарю, лениво оторвал лист и вдруг закричал: «Весна, весна пришла!!!» Петухи проснулись и так громко закукарекали, что было слышно во всей деревне. Через несколько дней стало жарко, растаявший снег превратился в несколько ручейков, которые побежали к Аралу. По пути ручейки встретили дерево, стоящее вдали от арыка и засыхающее под палящим солнцем. Ручьи обходили бедное дерево, оправдываясь: «Если мы поделимся водой с этим деревом, нам никогда не добраться до Аральского моря!» Но один ручей задержался у дерева и спросил:

– Почему у тебя такой грустный вид?

Дерево медленно повернулось к ручейку и тихо сказало охрипшим от жажды голосом:

– Меня посадили у арыка, но из-за недостатка воды мой арык перекрыли. Я думало, что весной арык откроют, но его здесь вообще нет.

Пожалел ручеёк дерево и поделился водой. Дерево поблагодарило ручеёк, и он отправился в путь. Догнал он своих братьев, и они побежали вместе, но вдруг увидели стаю сайгаков, изнывающих от жажды. Все ручьи обошли сайгаков, лишь один повернул к ним и дал попить.

– Мы ищем воду уже три дня, отбились от остальных, а должны были добраться до Сырдарьи. Дорога дальняя, и нам не выжить без воды.

Сайгаки радостно поблагодарили ручеёк и отправились дальше, а ручеёк продолжил свой путь к морю.

Все ручейки добрались до Арала. Жадные ручьи принесли морю много воды, а последний ручеёк – меньше. Но ведь по пути он делал добрые дела, и Арал с благодарностью принял и его воду.

Алия КУЧЕРОВА

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Рассказ

Высоко-высоко в небе реет воздушный змей, подхваченный свежим морским ветром, он стремительно взмывает ввысь. Мальчик радуется и только успевает управлять серебряной нитью. Точный расчёт – и кропотливый труд оправдан сполна: змей, как лебедь, между небом и морем! Ярко сияет солнце, впереди долгий день. Пора ставить свой патарак на якорь: привязать нитку к саксаулу, растущему на высоком холме.

Внизу плескалось, сияло и играло Аральское море. Бекнияз хорошо знал жизнь рыбаков, ходил с ними в море. Даже оставался на судне ночевать: многие моряки жили и работали на рыбацких судах, спали в матросских кубриках. Он хорошо знал плато Устюрт, часто летал с геологами на вертолётё на острова, видел сверху, как по всей протяжённости моря курсируют грузовые и пассажирские суда. Гордость переполняла мальчика за

свою родину! Жизнь бурлит вокруг: в море редкая промысловая рыба шип, судак, сом, аральский усач, сазан. Отец рассказывал, что всё это добро перерабатывается на пяти рыбных заводах и даже на рыбоконсервном комбинате. Вот наш дом, а в доме должен быть хозяин, рачительный, любящий свой край и свой народ. По радио и телевидению сообщали о достижениях других регионов огромной страны, учитель географии рассказывал о новых ГЭС, о новых городах в пустыне, о расширяющемся освоении безжизненных степей.

Однако Бекнияз всё чаще замечал, что люди стали волноваться за Арал: «Арал – кормилец наш, его беречь надо!»

Вечером отец обещал, что возьмёт сына в порт проверить, как он говорил, гидротехнические объекты в Муйнаке, где базируется аральская флотилия. Каждый мальчик мечтал о море, о службе на речном флоте.

Уставший и переполненный впечатлениями от поездки, Бекнияз, наконец, добрался до тихой гавани, до дедушкиного дома. Дедушка и бабушка жили в Акбасты, на воротах их дома сохранилась красная звёздочка – семья красноармейца, это со времён войны. Тридцать лет, как отгремел салют Победы, в этом уютном и чистом садике-дворике время шло тихо, размеренно. Гулко бьют старинные часы, сохраняя связь времён, и кажется, что лейтенант, молодой и красивый, только вчера ушёл на фронт и обязательно вернется. На столе из красного дерева в красивой рамочке семейная фотография – снимались перед проводами. Зимой в доме было тепло, уютно, жарко трещала натопленная печь и свистел чайник на печи. Летом свежо и наготове холодный шубат. Дед старался казаться суровым и строгим, но выдавали добрые глаза. Вся жизнь он посвятил морю, часто задумчиво вглядывался вдаль, как человек, привыкший работать на просторе. Бабуля, весёлая, добрая и сильная, во всём была ему опорой, многое им пришлось вместе пережить.

Так и жили старики, поддерживая друг друга, радуясь каждому новому дню. Без лишних слов, своим примером, своей жизнью, они внушали детям и внукам нехитрые истины: дом держится на любви и заботе, друг друга надо поддерживать «и в радости, и в горе», – иначе пройдёт жизнь бесследно и канет в вечность.

Уроки любви, добра и мужества, полученные от родителей, не прошли даром.

Много забот у Бекниязака Кабекеновича: встреча с представителями Международного фонда спасения Арала, встреча с журналистами, контроль гидротехнических сооружений, а как же, теперь он – тот человек, который профессионально занимается проблемами региона, а по существу, проблемами своего большого дома.

Первыми начали бить тревогу корабельные рынды. НЕТ ВОДЫ – НЕТ И САМОЙ ЖИЗНИ. Белые волны седого Арала стали отходить от родных берегов и не возвращаться. Волны просили, зывали о помощи. Нужно было ещё в семидесятые годы остановить «неразумно рьяного человека».

– Наше море, – продолжал свою речь Бекнияз Кабекенович на пресс-конференции, – было обречено. Оно ушло, оно не простило нас. Со студенческих лет мне запомнились мудрые строки поэта Андрея Вознесенского: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек!» Арал, как увеличительное стекло, помогает увидеть, чего мы стоим. Удастся ли сохранить то, что осталось? Реальны только добро и силы созидания, необходимо сохранить уникальную флору и фауну Аральского моря. Иначе жизнь уйдёт и канет в вечность.

А в далёком посёлке Акбасты в тихом доме смотрел и внимательно слушал речь своего сына отец, надеясь, что и внуки (которые бегают сейчас за окном и пытаются запустить воздушного змея в степи, где вольный

ветер, а мама не пускает: ядовитую пыль поднимает он с песчаного берега бывшего моря) тоже не бросят родной край на произвол судьбы.

Рахшона АҲМЕДОВА

ОРЗУЛАР ДЕНГИЗИ

Ҳикоя

1.

Тастубеклик Амангелди отани билмайдиган одам йўқ. Ёши етмишдан ошган бу қарияни бутун овул танийди. Ўзи қотмадан келган, чуваккина чол, лекин тиним билмайди. Ҳали қарасангиз, катта бочка кўтариб крандан сув ташиган, ҳали қарасангиз мол-ҳолига ўт берган, ҳали қарасангиз деворининг нураган жойларини сувоқ қилиш учун лой қорган. Ишқилиб, бировга зиёни тегмайди, ёрдам сўрасангиз жонини ҳам аямайди, шу учунми, ҳамма ҳурмат қилади. Чўққайган соқоли, яккам-дуккам мўйлови бор, бутун юзини тириш қоплаган бу чол сахийлиги билан ҳам ном қозонган. Оролга келган борки, унинг меҳмони бўлади. Шунгамикан, отани бутун Оролбўйи одамлари, ҳатто тошкентликлар танийди.

Амангелди отанинг бобоси ҳам, бобосининг бобоси ҳам балиқчи ўтган. Балиқчилар авлодидан, балиқчилар қишлоғида яшарди. Қишлоқ Оролнинг шимолий соҳи-

лида жойлашган, гавжум, сершовкин бир маскан эди. У пайтлар ота ёш эди, кучга тўла эди. Отасидан қолган касб – балиқчилик билан шуғулланаар, шу касбга меҳр қўйганди. Тонг отмай денгизга чиқиб кетаркан, кун ботганда қайтар, бир кунда юз килолаб балиқ тутган пайтларини эсларкан, кўзига ёш қалқади. Орол овулдан кета бошлаганида ҳеч нарсани тушунмай қолди. Бариси шунчалар тез рўй бердики, бир кечада Орол бир неча чақирим ортга чекинди. Улкан кемалар саёзликда тикилиб қолиб кетди. Сув шўрланиб балиқлар ўлди. Охирги бор денгизга ташланган тўрига ўлик балиқлар чиқди.

Орол денгизининг ўша тўлиб-тошган пайтларини ҳар қўмсаганида, кўзига ёш келади, ёш боладек ҳўнграб йиғлайди. Овулдагилар кейинроқ бир неча чақирим йўл босиб Орол атрофидаги кичкина қўлларга бориб балиқчилик қилиб юришди. Бироқ у қўлларнинг ҳам кўпи қуриб қолди, иқлим ўзгариб тўқайзорлар йўқолиб кетди, ҳайвонот олами қирилиб битди. Мана неча йилки ота қўлига тўр олмади, қўллари тўрни шунчалар соғинганки... Ёши етмишдан ошгани билан Орол денгизи бўйида ўтган болагини яхши хотирлайди. Орол бўйида чўмилиб қумли соҳилда ётиб офтобда тоблангани ҳақидаги ҳикояни қайта-қайта айтаверади. Бу ҳикояни бутун овул билади. Бугун денгиз ўрни жонсиз саҳро, тошлоқ бир жой, энди бу ерларда ҳар қандай улов ҳам юролмади.

Ҳар кунгидек қария бугун ҳам Оролни кўргани йўлга отланаётганини сезган хотини жавранишни бошлади.

– Яна Оролни кўргани кетяпсизми? Бормасангиз нима бўлади-я?

Айжан хола ҳар куни шу саволни беради. Жавобини билади, ҳарчанд қаршилиқ қилмасин, чол барибир йўлидан қолмайди. Ёшлик пайтлари хола унақа қилмасди. Эрталаб «яхши бориб келинг», деб кузатар, кеч кирганда «яхши келдингизми», деб кутиб оларди. Қариб чолига суяниб қолди, чолини узоқ жойга ёлғиз қўйиб юборгиси келмайди, аяйди-да.

– Ишинг бўлмасин! Тез бориб келаман.

Амангелди ота уч гилдиракли мотоциклини ўт олдиранкан, энг аввал идишига сув олдим, текшириб олади. Сўнг ўриндиқ оша ўтиради-ю, Орол томон ошиқади. Ҳар куни шу аҳвол, бир неча чақирим йўл босиб Оролини кўриб келмаса, бўлмайди, кўнгли жойига тушмайди.

Мотоцикл устида силкиниб бораркан, кўзлари янаям қисилиб кетади, шамол туриб қум тўзони кўзларига кириб ачиштиради. Бироқ ота ён бермайди, яна йўлида давом этади. Оғзига ўраб олган чит дуррасининг бир четига кўзларини ишқалаб олиб яна йўлга қарайди. Шамол югуриб, туз чанги кўтарилади. Шунда ҳам парво қилмайди. Кўзлари ўрганиб кетган, чанг-тўзон кираверганидан кўзларининг оқи камайиб, косаси кичрайиб қуш кўзи бўлиб қолган. Денгиз ўрнидаги саҳроқум узоқ-узоқларга чўзилган. У ер бу ерда қуриган саксовуллар кўзга ташланади. Туз барханлари узоқдан қор ёққандек кўринади. Авваллари минглаб ўсимлик ва балиқларга бағри тўла денгиз бўлган бу жойлар энди қайси бир сайёра юзасидек ғадир-будир тош йўл, холос.

Жуда узоқдан мўлтираб Орол кўринади. Яқинлашганинг сайин каттариб боради. «Қани энди, қани энди... ўша тўлиб тошган пайтингга қайтсайдинг», чолнинг хаёлидан доимгидек ўй ўтади. «Қани энди мўъжиза рўй берса-ю Орол сувга тўлиб, бу саҳролар устига денгиз ёпирилиб келса, саҳроқумда тиқилиб қолган кемалар яна тўлқин устида чайқалса...» Ота ҳар гал денгизгача бўлган йўлда шуларни ўйлайди. Қалбида ҳали-ҳамон сўнмаган умид учқунлари сабаб, ҳамон Орол қайтишига ишонади.

Мотоциклни бир неча чақирим нарида тўхтатади, Орол соҳилидан узоқроққа кўяди, йўқса ботиб қолиши мумкин. Оёғида кирза этик шалопплайди, Орол томон шошилади. Қўлида сув идиш, ниҳоят Орол қирғоғига етиб келади, қадрдони олдига келгандек, шодланади, айбдордек тиз чўқади.

– Келдим, Оролим, келдим. Бугун яна сени соғиниб келдим. Келишимни интиқ кутдингми? – минғирлайди ота ўзи эшитадиган бир овозда.

«Хуш келдинг!» – дегандек тўлқинлар қирғоққа шошилади, кўпикли сув отанинг тиззаларини бир қучиб қўйгандек, яна ортга қайтади.

Ота бундан суюнади. Мени кутиб олди деган ўйга боради. Сўнг ўзи билан олиб келган сув идишнинг қопқоғини очади. Қўлларини мавжланиб турган орол устига тутади. Идишдан қўйилаётган сув бармоқлари орасидан тушиб, Орол юзасида доиралар чизганча, зумда унга қўшилиб кетади. Сув томчиларида қуёш акс этади. Унда ҳаёт муждалари кўрингандек бўлади. Идишдаги сув тугагач, ота бўш идишни орқароққа, тўлқинлар етолмайдиган ерга улоқтиради. Сўнг яна Оролга юзланади.

– Сенга сув олиб келдим-да, Оролим. Сенга сув олиб келдим. Энди қайтмасанг бўлмайди, сенсиз кўп қийналиб қолдик. Оролим, биздан хафа бўлганинг етар, бизни жазолаганинг етар, бўлди энди қайт, аразингни йиғиштир. Сенинг денгиз бўлганингни кўриб кейин кетаман, унгача ўлмайман, Оролим. Сени кўп хафа қилдик, биламан, Сайхун билан Жайхуннинг йўлини тўсдик, биламан, сени ўйламадик, биламан. Сен биздан аразладинг, хафа бўлдинг, биламан. Қани энди, қўлимда бўлса экан, ҳар икки дарёни сенгача олиб келардим. Қани энди қўлимда бўлса экан, сени сувга тўлдираддим. Оролим сен ҳам уларни тушунгин-да. Уларга ҳам сув керак, улар ҳам боласини боқиши керак, пахтасига қарамаса, шолисини суғормаса, қандай турмуш кечиради, ахир. Улар ҳам ўзини ўйлайди, мана мен сени ўйлайман, Оролим. Қайт, яна аввалгидек денгиз бўл, Орол, – ота кўзидаги ёшни тириш босган қадоқ қафтлари билан артаркан тўлиб кетади. – Бизни кечир, Оролим. Қайтмасанг бўлмайди. Болаларим, набираларим-ку майли, улғайишди, сенинг эртақларингни айтдик, сени тасаввурларида жонлантирдик, – ота энтикиб кетади. Пича нафас ростлагач яна давом этади, – Энди уларнинг болалари-

га нима деймиз, келажак авлод бизни қарғамайдими? Бизнинг хатомизни деб уларни жазолама, Оролим.

Ота жим қолади. Чуқур хўрсинади. Сўнг ўрнидан қўзғалади. Ортга қайтаркан, танасини ярим ўгириб яна Оролга тикилиб қолади. Бу қарашда энди сенинг навбатинг, сени кутаман, денгизим, деган нидо бордек. Буни Орол тушунармикан, ич-ичидан келган бу ҳайқирикни Орол эшитармикан. Орол кўпик тўлқинларини чолнинг ортидан юборади, қирғоққа югурган тўлқинлар яна шундай тезлик билан ортга қайтади. Амангелди ота буни ўзича тушунади, менга «хайр», демоқда, «ортингдан бораман», демоқда, деб ўйлайди.

– Нечук эрта қайтибсиз? – Қўлини белига тираганча остонада Айжан хола қаршилайди.

– Доимгидек. Сенга шундай туюлган, – минғирлаб қўяди чол. Қариянинг қушникидек кичик кўзларидан йиғлагани билинмайди.

2.

– Амангелди ота, ўғлингиз Оролга сув олиб келармиш, эшитдингизми?

Эрта сахардан остонада қўшни Мамат кўриниш беради. Содда одамлар-да! Оролга кимдир келаётганини эшитишса, шунақа ўйлашади. Оролни қайтараркан, Оролга сув олиб келаркан, деб ҳар келган одамдан умид қилишади.

– Ким айтди сенга?

– Овулда дув-дув гап. Ҳамма шу ҳақида гапиряпти. Сизнинг хабарингиз йўқми? Дунёнинг нариги бурчагидан олимлар келаётганмиш. Ўғлингиз олиб келаётганмиш.

– Қачон? – Ҳовлиқиб сўрайди Айжан хола. – Болам қачон келармиш, Мамат. Интиқ қилмасанг-чи одамни, айт.

– Эртага. Эртагамиш, хола. Районда ҳозирлик кўриляётганмиш. Бугун райондан катталар келади, дейишяпти.

Амангелди ота қилаётган ишини яна давом эттиради. Ҳали ростми-ёлғон бу хабардан суюнишни ҳам, суюнмасликни ҳам билмайди. Маматнинг гапига ишонсинми, йўқми? У алдамайди. Унинг туманда танишлари бор, нима янгилик бўлса, ҳаммадан олдин шу Мамат билади. Ўтган гал Тошкентдан журналистлар келишидан олдин ҳам шу Мамат мужда келтирганди. Ундан олдин олимлар келишини ҳам ҳаммадан аввалроқ шу Мамат билган.

– Ўғлимни кўрмаганимга ҳам саккиз ой бўлибди, – бармоғи билан ҳисоблайди Айжан хола.

Ўтган гал ўғли келини ва невараларини олиб келиб бир ҳафта туриб кетганди. Амангелди ота ўшанда набираларини Орол бўйига олиб борган. Ўшанда чуғур-чуғур қилишиб набиралари Орол бўйида пича ўйнаган, «Ота, денгизни уйимизга олиб кетайлик» дейишганди. Шунда ота Оролнинг уйи олдида бўлгани, ҳар куни кемада балик тутгани боргани ҳақида узундан-узоқ ҳикоялар айтиб берганди. Ҳозир бари ёдига тушиб кўнгли бузилди.

– Шу бўйи кўриниш бергани йўқ, занғар, – жаҳли чиққан бўлди ўзича.

– Нима дейсиз, чол, – ижикилаб сўради Айжан хола.

– Ўғлингни айтаман-да, неча ойки кўриниш бермайди.

– Энди, уни ҳам иши бор, нима дейсиз, энди. Ишидан рухсат олиши осонми? – Айжан хола доимгидек ўғлининг ёнини олди.

...Ота индамади, сўнг хўрсиниб қўйди. Ўтмиш ёдига тушиб маъюс тортиди, чоғи.

Аллаберди унда ҳали туғилмаган эди. Орол суви ҳаддан ташқари шўрланиб кетган пайтлар, иқлим ўзгарган, шаҳардан келган олимлар болаларни эмизмасликни айтиб кетишганди. Эгизаги икки ойликмиди ёки уч ойликми, эсида йўқ. Айжан хола эмизмасам, нима берман, нима ейди булар, она сутининг зиёни йўқ, деб ҳар хил гапларга қулоқ осмади, эмизишни давом эттирди. Эгизаги кўп яшамади. Нима сабаб бўлди, аниқ эмас, бал-

ки Орол қуригач иқлим ўзгариб, заҳарли моддалар таъсирида шундай бўлгандир, балки эмизмаганида яшаб қолармиди, эҳтимол, организми нимжонлик қилгандир. Ота уларни ерга қўйганида, оғир қайғуда эди. Бир ёқда Орол кетиб қолган, бир ёқда болаларидан айрилган Амангелди ота бир неча вақт ўзига келолмай юрди. Қайғу ҳадеганда аримади, анча вақт болали бўлишолмади.

Аллаберди отасининг қалбида умид уйғотди. Яшашга, Оролнинг қайтишига умид берди. Ўғил кўрганини суюнчилаб ота энг биринчи Орол бўйига борганди. Ўзини Оролга отган. Орол бағридан чиққанида ҳамма ёғи оппоқ туз эди. Кейинроқ, Аллабердини етаклаб Орол бўйига кўп борди. Ўғлининг мурғак қалбида Оролга меҳр уйғотди. Табиатни севишни, эъзозлашни ўргатди. Табиатга эътиборли бўлишни ўргатди. Ҳали ўн ёшга кирмаган бола, табиатга эҳтиётсизлик оқибати нималарга олиб келишини билди. Табиат берган неъматларнинг қадрига етмаслик қандай оқибатларга олиб келишини тушунди.

Овулдан кетаётганида ҳали мўйлаби сабза урмаган йигит эди. Ўқишга кириб, тўрт йил ўқиди. Ҳар олти ё саккиз ой деганда бир келиб кетиб юрди. Амангелди ота, ўғлим ўқишни битирса қайтади, деб ўйлаганди, Аллаберди қайтмади. Экологиямиди табиатни асрашмиди-ей, номи алламбало бир ташкилотга ишга кирди. Тиришқоқ, чайир бола эди. Ўша ташкилотда яхши ишлаб катталар эътиборига тушди. Лавозими ошди, катталардан бирининг қизига уйланди. Овулда катта тўй қилишди. Келиннинг отаси бой экан, тўйни ўзи қилиб берди, чол-кампирга оғирини туширмади. Бир ҳафта турдим, йўқми, келин кетаманга тушди. Тошкентда яшайдиган бўлди. Ота келинига қўшилиб кетаётган ўғлидан пича гина қилиб юрди.

– Ота, Тошканда ўқидим. Ўша ерда ишляпман. Келиннингиз ортидан кетаётганим йўқ, – деди.

Лекин барибир, бирга кетдим, бирга кетди. Овулда роса гап-сўз бўлди. Қари ота-онасини ташлаб кетди, де-

йишиди. Шаҳарда ишлайди, деган гапга ким ҳам ишонарди. Ота бир муддат одамлар кўзига кўринишдан қочиб юрди. Овулдагилар билан гаплашмай юрди. Вақт ўтиб гап-сўзлар унутилди. Ўғли ўша экология ташкилотидагилар билан бир неча бор овулга келиб кетгач, одамлар энди тескари гапира бошлади. Амангелди отанинг ўғли каттакон бўлиб кетибди, Оролни қайтарармиш, деган гап оралади.

3.

Ота қўлида нарса турмай, тушиб кетаверганидан уйга меҳмон келишини тахмин қилди. Яхшиликка йўйди, кимдир йўқлаб келишига ишора билди. Кечга яқин туман ҳокими «Ассалому алайкум, ота» деб кириб келди. Шахсан ўзи келди.

– Аллабердижон казо-казолар билан келаяпти экан. Ўзингиз меҳмон қиласиз-да, ота. Нима керак бўлса, айтинг. Мана биз бормиз, – деди кўкрак кериб.

«Мама алдамаган экан-да», хаёлидан ўтказди ота. Шу тобда ўглининг келиши ҳақида ўйларкан, «ростдан Оролга сув олиб келса-я», дея хаёл қиларди. Аллақаердан эшитганди, Каспийдан сув йўли очиб келинса, Орол тирилиши мумкин эмиш, Каспийдан сув олиб келинса, Орол яна тўлармиш... Бироқ бунга ким ҳам рози бўларди. Тана бошқа дард билмас, дейдилар. Жар солган бошқа, жон кўйитган бошқа. Орол қуриётгани билан кимнинг неча пуллик иши бор. Йўқ, ота ундай ўйламайди. Неча йилки, кети узилмаётган олимлардан умиди бор. Бежиз келиб-кетмаётгандир, бир йўлини топишар, деб ўйлайди. Оролнинг бир куни тўлишига ишонади. «Денгиз бўлиб, ўзанига сиғмай кетади ҳали», деб қўяди. Умидини ҳеч сўндирмайди. «Бир уюм темир-терсакка айланиб қолган кемаларни қайта созлаш керакмикан? Шошиб қолмасмиканмиз», хаёлидан ўтказиб қўяди.

– Бу гал ҳам чет элликлар келаркан, ота. Улар нима ейди, балиқ ейди-да, сизга беш-ўн кило лаққа бердириб юбораман, – ҳоким тинмай гапирарди. Отанинг эса қу-

лоғи том битган, кўз олдида денгизнинг мавжланиб турган сувларида чағалайларнинг ғужғон ўйнаётгани гавдаланади. Кемаларнинг оқ елканлари қуёшда товланиб, соҳилда чўмилаётган болаларнинг шўх қийқириғи атрофни тутиб кетади.

Ҳоким отанинг юзидаги нимтабассумни ўзича тусунди, айтганларим отага ҳам маъқул келди, деб ўйлади, кўнгли хотиржам тортди. Аслида-ку, ота бусиз ҳам келганларни меҳмон қилади-я.

– Меҳмондорчилик мойли бўлгани яхши-да, ота. Нима дедингиз-а? – хир-хир кулди. – Бўпти, мен борай. Ота сизга куч-қувват тилайман, – ҳоким қўлини сиқиб кўча томон бораркан, чол унга тикилганча, ортидан ўйчан қараб қолди. Ҳамон хаёлида ўша денгиз бўлган Ороли.

Айжан хола ўша куни тиним билмади. Уй тозалади. «Ўғлим келаяпти, яна ким билан чет элликлар билан», ичида такрорлаганча, қўли-оёғи чаққон бориб келди. Кўнглини ғаш қилган нарса, ўғлидан ҳам кўра набираларини соғингани, ўғли меҳмонлар билан келаётган бўлса, уларни олиб келолмаслиги аниқ, ўзича тахмин қилди. Ўтган гал келганида, набираларини кўриб кўзи қувнаган. Бўйи ўсиб-улғайиб бораётган набиралари атрофида гирдикапалак бўлганини эсларкан, юзи ёришиб кетди, зумда ўрнини қайғу эгаллади. Хўрсиниб қўйди.

Ўғли Тошкентдан уй олганидан кейин, таътил баҳона бир куни кекса ота-онасини ҳам олиб кетишга келди.

– Юринглар, бирга яшаймиз, бу ерларда нима қиласиз. Денгиз энди йўқ, сахро билан шамолдан ўзга нимаси қолди. Ёзда жазирама иссиқ, қишда қаҳратон совуқ, туз бўронлари ёпирилганида қаерга қочишни билмай қолади киши. Ўзингизни қийнаманг, – деди кўнглини қаттиқ қилиб.

Қария ўғлига пича термулиб турди, бу гапларни қандай айтаяпти, Оролга меҳри сусайдими, билмоқчи бўлди. Ўғли бу гапларни кекса ота-онасини кўндириш

учун айтаётган кўринарди. Бироқ, бу гапларнинг аҳамияти йўқ. Ота барибир кўнмаслиги аниқ эди, Айжан хола ҳам туғилиб ўсган ватанини ташлаб кетгиси келмади.

– Шу ерлар она юртимиз. Ташлаб кетолмаймиз, – деганига кўнмади ўғли ҳам. Қисталанг қилаверди.

– Энди ёш эмассиз, кимдир ғамхўрлик қиладиган ёшдасиз. Ёнимда бўлсангиз, кўнглим хотиржам, сизсиз қийин менга ҳам, – деди.

Айжан холанинг кўзлари ёшланди. Отанинг ҳам кўнгли юмшади. Бироқ Оролини ташлаб кетармиди? Йўқ, ташлаб кетмайди. Шу ерда туғилди, шу ерда улғайди. Ота-боболарини бағрига олган шу маконни ташлаб кетишга кўзи қиярмиди, йўқ. Туз бўронлари турса, нима бўпти? Сахрога айланган бўлса, нима бўпти? Барибир ташлаб кетмайди. Орол бир куни қайта денгизга айланишини кутади. Умри охиригача кутади. Ҳатто бир-икки ҳафта туриб келишга ҳам бормаган ўша Тошкентга, бутунлай кетармиди, йўқ. Кетмади.

– Болам, ўлсам, шу тупроқда ўламан. Сенинг Тошканинг менга бегона, ёш бўлса эканман, ўша ерни макон қилсам. Энди бўларим бўлиб бўёвим синган, – деди. Ўғли яна оғиз жуфтлаган эди, – Оролимни кўрмасам яшолмайман. Икки қария бир кунимизни кўрармиз, сен боравер, сенинг йўриғинг бошқа, – деди.

Шу билан масала ёпилди. Ора-сира Айжан хола Тошкентга бир-икки бориб ўғлиникида туриб келди. Лекин энди ёши ўтиб, йўлга ярамай қолди.

4.

Дийдор каби ширин нарса йўқ. Кутасан, интиқ бўласан, кутган кунинг келганида эса, юрагинг қувончдан ҳапқиради, дупир-дупир қилади. Энтикиб кетасан. Айжан хола ҳам шундай бўлди. Ўша куни бир гала чет элликлар орасида ўғлини кўрганида йиғлаб юборди, бўйнидан қучоқлаб йиғлади. Ўзига келгунича йиғлади. Чет элликлар ҳайрон қолди, пичир-пичир қилиб қолди.

Сўнг мақсадга ўтилди. Ҳамма ишга киришди. Текшир-текшир бошланди. Яна нималардир бўлди. Қақраб ётган қум барханларига узоқ тикилиб туришди. Қумликларда тикилиб қолиб кетган кемалар олдида сурат тушишди. Чўкиб бораётган бандаргоҳларни суратга олишди. Ястаниб ётган туз барханларини кўргани боришди. Сахро-чўл устида узоқ тортишишди, узоқ суҳбатлашишди, узоқ сўзлашишди. Ҳар галгидек ўтган бу галги учрашувдан ҳам бирор натижа бўлар, дея овул аҳли яна кутадиган бўлишди.

Сўнг меҳмонлар отанинг меҳмони бўлишди. Ба-лиқларни мақтаб-мақтаб ейишди, сара ичимликлар ичишди. Ўғлини ҳам мақтаб қўйишди. Ўзлари билан, қилаётган ишлари билан мақтанишди. Бу галги келди-кетди ҳам уч кун-бир ҳафтага чўзиладиган бўлди. Олимлар кўкрак кериб нималар биландир машғул бўлишди, журналистлар камерага олишди, интервью сўрашди, фотографлар яхши кадр излаб юришди. Орол ҳақида кўрсатув қилинадиган бўлди, қачон эфирга узатилишини телефон қилиб айтадиган бўлишди. Сўнг кетишди.

Яна нима қолди, Амангелди ота қолди, Айжан хола қолди, Мамат қолди. Улар ортга қайтиб кетишди. Қоп-қоп ваъдалар бериб кетишди. Лекин отанинг юрагида умид қолди, зора бу галги олимлар бир йўлини топишар, деган умид қолди. Орол бир куни қайтади, деган ишонч қолди. Орол биздан хафа бўлган, бир куни аразини йиғиштириб ортга қайтади. Мен унинг ўзанига тўлиб тошишини кўраман яна. Яна юз килолаб балиқ тутаман. Куч-қувватим бор ҳали, ўйларди ота. Яна ўз кемам бўлади, ишонарди ота.

Ўғлининг атрофида гирдикапалак бўлган Айжан хола ҳам ўғлини кузатиб маъюсланиб қолди. Қўнгли бир неча кунгина тўлиб турди. Энди яна ярми йўқ. Инсон зоти боласини бунча суймаса, жонидан пайдо бўлганда. Бўлмаса шу қадар суярмиди. Жони ачиб, жонининг биттасидан кечиб туққанда, йўқса шунча соғинар-

миди. Болам боласини дейди. Неча кунлик умри қолган, билмайди, умрининг шу палласида ҳам боласини дейди. Аини дамда Айжан холанинг қалбини ўртаётган зўр бир алам, зўр бир изтироб, юрагини куйдирмоқда эди. Орол агар қуриб қолмаганида эди, аввалгидек тўкин-сочин ҳаёт бўлганида эди, ўғли узоқларга кетиб қолмасмиди?! Шу ерларда, яқинида юрган бўлармиди?! Шу ерларни макон тутармиди?! Айжан хола хўрсиниб қўйди, кўзларини ювган ёшларни кенг, осилиб турган энгига артди. Узоқларга тикилиб узоқ ўтирди.

Сўнг, «майли», деди, ўзига тасалли бергандай пичирлаб. «Орол баҳона ўғлимнинг дийдорини кўрдим, Орол баҳона ўғлимнинг катта-катта давраларни тўлдириб ўтиришини кўрдим. Орол баҳона ўғлим бугун ўз ўрнини топганини кўрдим. Лекин Орол бундан ҳеч нима кўрмади. Лекин бундан Оролга ҳеч бир наф бўлмади.» Айжан хола биларди. Чоли Оролнинг қайтишига ишонса-да, у ишонмасди.

5.

Аманкелди отанинг жони қаттиқ, дейишарди таниганлар. Чунки қишни қиш демай, ёзни ёз демай, қўли меҳнатда эди. Ҳар кунини неча чақирим йўл босиб Оролни кўриб келарди. Ёзда туз бўронлари йўлига тўғаноқ бўлишга уринар, қишда қор йўлини тўсарди. Лекин ота бўш келмасди. Уч ғилдиракли мотоциклига ўтириб ўша икки пиёлагина сувни Орол сувига қўшиб келмаса, бекор, туриб тургандай, ўтириб ўтиргандай бўлмасди.

Айжан хола печкага ўт қаларкан, чолининг ҳаяллаганидан безовта бўлди. Бу галгиси доимги безовталикка ўхшамади. «Ахир ёши бир жойга бориб қолган чол бўлса, йўл-пўлда йиқилиб қолса, ким ёрдам беради», ўйларди ўзича. – «Ким жонига оро киради»

Қишда эрта кеч тушади. Қоронғи оралагани сари Айжан холанинг юраги қинидан чиқиб кетгудек ураркан, эътибор бермасликка уринарди. Қўли билан ўтни туртаркан, хаёли ташқарида, «тиқ» этган товушга қулоқ

тутарди. Айтганди-я. «Боришингиз шартми, бугун ҳар кунгидан совуқ, ҳамма уйида ўраниб ўтирибди. Ҳеч ким кўчага чиқмайди, бу совуқда» деб. Қулоқ осмади. Ўша термосини кўтариб мотоциклини ўт олдирди. Мотори музлаб қолган шекилли қайноқ сув олиб чиқиб устига қуйди. Яна нималардир қилди. «Қани энди юрмасайди», қарғанарди Айжан хола. Йўқ, қарғиши ўтмади.

Вақт алламаҳал бўлди. Холанинг безовталиги чинга айланди. Энди нима қилсам экан, ўйларди Айжан хола. Ташқарига чиқай деса, бунақа ҳавода, оч чиябўрилар изғиб юрадиган пайт. Қўли ишга бормас, қўлидан ҳеч иш келмасди. Печка яқинига сурилди, деворга суяниб Худодан сўради, илтижо қилиб ўтирди. Бошқа нима ҳам қила оларди, пича туриб кўзи кетган бўлди. Эшикнинг гийқиллашидан сергак тортди. Чолининг шарпасини сезиб анча хиралашиб қолган кўзлари билан узоқ тикилиб турди. Эшикка суяниб ҳаммаёғи музлаб тарашадек қотиб қолган чоли турарди, яккам-дуккам соқоли қорли, оппоқ эди. Айжан хола шошилди.

– Зарилмиди, шу совуқда? Одамни гапига кирсангиз бир нима бўлиб қоласизми, – тинмай жавранарди.

Печка устидаги қумғондан иссиқ сувни тоғорага қуйди. Совуқ сув келтириб қўшди. Тараша бўлиб қолган кийимларни бир бошдан ечаркан, «куф-куф» қилиб чолининг музлаб қолган баданини иситишга уринарди. Иссиқ сувда танасини ювиб, сўнг тафтида исиб турсин деб печка яқинига қўйган янги кийимларни кийгазди. Тўшакка ётқизиб устида қалин кўрпа тортаркан, оғзи жавранишдан тўхтамасди.

– Кўрдингизми ўша Оролингизни? Кўнглингиз жойига тушдимиз энди?

Ота индамади. Авзои бадани титрарди, холос. Эрта-лаб отанинг иситма аралаш гўнғирлаганини эшитди.

– Оролимни қайтганини кўрармиканман, кампир? Нима дейсан? Бўлди, энди бормайман. Энди ўзи келсин. Мана неча йилки, бир кун қолдирмай қатнадим, Орол тобора кичраяверди, суви камааяверди, мени чор-

лагандек, ортга кетаверди. Энди мен бормайман, кампир, эшитяпсанми, энди ўзи келади, – хансирарди ота.

Айжан хола чолининг қақраб қолган лабларига сув тутаркан, иситмада ёнаётган баданига қўлининг орқасини тутиб кўрди. Сўнг пиёлага дори тайёрлаб ичказгач, рўмолини тўғрилади-ю кўчага отланди.

– Маматга айтаман, дўхтирни олиб келади, – чолининг эшитган-эшитмаганини билмаса-да, шу сўзи билан ўзича рухсат сўраган бўлди.

Тонг ёриша бошлаганди. Мамат эрта саҳардан Айжан холанинг келишини кутмагани аниқ. Ҳайрон бўлди. Пала-партиш тараниб докторга шошилди. Айжан хола ортга қайтаркан, хансираганча, йўл-йўлакай кеча тундан бери такрорлаётган сўзларини пичирлаб келмоқда эди.

– Худо, чолимни жонини омон сақла! Ўзинг асра! Сендан бўлак сўрагувчимиз йўқ. Биздан марҳаматингни аяма.

6.

Амангелди ота ўғли билан видолашолмади. Қанча иссиқларга, қанча совуқларга дош берган танаси бу гал панд берди. Бу галги совуқни кўтаролмади. Айжан холанинг паймонаси ҳам тўлган эди. Ўзини зўрға тутиб турарди. Эллик йилдан ортиқ бирга яшаган, ярмини йўқотса-ю қандай яшайверади? Қандай қилади энди? Танаси бориб келарди, додлар, бироқ овози чиқмасди, санлаб-санлаб қўярди: «Энди чолимсиз бу дунёда қандай яшайман-а? Энди бу дунёда кимга суюнаман-а?»

Кўзёшларининг дув-дув оқаётганини кўрган ёш-яланглар унга қўшилишар, санлашига жўр бўлишарди. Иккитаси мадори қолмаган Айжан холанинг қўлтиғидан тутиб ўтиришарда.

Узоқ йўл. Инсонларни ажратиб турувчи, уларга азоб берувчи ҳам шу йўл. Унинг ниши ботмаган кўнгил йўқ. У айирмаган кўнгил йўқ. Ўғли етиб келган кун Айжан хола пешвоз чиқолмади. Отасидан айрилгани етмага-

нидек, бир кунда онасидан ҳам айрилиб қолди. Икки қабр орасида ўтираркан, Аллаберди бошидаги дўппини қўллари орасига олиб кўзларини яширишга уринарди. Бироқ ҳўнграган овозини тутиб туролмади. Орқароқда ўтирган ўғиллари қўлтиғига кириб ортга қайтишаётганида, уларга суяниб борарди.

Туғилиб ўсган ота уйига қайтиб болалигини хотирлади. Онасининг этагидан ушлаб ортидан пилдираб юргани, отасининг қўлидан тутиб биринчи бор Орол бўйига борганини эслади. Сўнг отасининг чопонини устига ташлади, кирза этигини кийди. Отасининг мотоциклини ўт олдирди. Болалигида шу мотоциклга ўтириб Орол бўйига борганлари ёдида эди. Энди кап-катта одам, энди ўғиллари унинг ёшида. Мотоцикл елиб борарди. Ўша йўл ҳали-ҳамон эсида. Оролга элтувчи узун йўл бу.

Орол узоқдан кўриниш берди. Оролдан узоқроқда тўхтади. Кирза этикда шалоपлаганча, Орол бўйига келиб чўкди. Кирза этик ярмигача ботиб кетди. Эътибор бермади. Оролга юзланиб, бор овози билан ҳайқирди:

– Эй Орол, йиғламайсанми? Энди сени кўргани келадиган меҳрибонинг йўқ. Сенга ҳар куни сув олиб келадиган Хизринг йўқ. Кўргани бормайсанми, ҳеч йўқ, қабрини зиёрат қилмайсанми? Қарзингни тўламайсанми? Сенинг тўлганингни кўролмаган отам-а, сени сувга тўлдиролмаган отам-а. Сенинг армонинг билан ўтиб кетган отам-а, отам.

Овози бўғилиб, кучи қолмай юзтубан йиқилди. Орол кўпик тўлқинлари билан унинг юзини чайишга ошиқарди. Орол қошида бир инсон сажда қилиб ётарди. Орол эса жим. Ҳеч бир садо бермас, маъжус кузатарди, холос.

РАССКАЗЫ ЧЛЕНОВ СУДЕЙСКОЙ
КОЛЛЕГИИ

Гулистон МАТЁҚУБОВА,
Қорақалпоғистон халқ шоири

ЯНГИ ҲАЁТ ДЕНГИЗИ

эссе

Одамзод ҳамиша келадиган янги кундан, отаётган тонгдан янги-янги умидлар кутиб яшайди. Мен ишонманки, ҳар тонг ўзбекистонликлар шундай бахтли кунларда яшаётганликларидан бошлари осмонга етиб, юртимиздаги тўкин-сочинлик, фаровонлик, фарзандларимиз камоли, тинчлик-осойишталик, ҳар дақиқа сайин янгиланаётган, бунёдкорликларга тўла ҳаётдан мамнун бўлиб, шукрона келтирадилар.

Ҳар гулнинг ўзига хос ифори бўлгани каби, ҳар юртинг ўзига хос табиати, иқлими, урф-одатлари, қадриятлари, анъаналари, санъати, ҳунармандчилиги бор.

Биз қорақалпоғистонликлар шу кунларда бу борада бутун дунё ҳамжамиятининг эътиборини тортмоқдамиз. Қорақалпоқ халқининг қадим халқ оғзаки ижоди, бахши жировларнинг дил тортар қўшиқлари, қорақалпоқ қизларининг кўк кўйлаги ва бош кийими – саукелласи, нафис рақслари, йигитларнинг бургутдек қанот қоқиб рақсга тушишлари, кўй-кўзи, от-туяларга макон кенг яйловлари.... Амударёси, Орол денгизи... Қоратог тизмалари...

Энг асосийси олам дардига айланган Орол дарди... Қорақалпоқ халқи бу дардни мардонавар енгмоқда. Инсон қудрати неларга қодир эканлигини Қорақалпоғистон заминида яшаётган ҳар бир фуқаро чуқур англаб етмоқда...

...Бу фикрларим мен сўз юритмоқчи бўлган Оролдаги янги ҳаёт ҳақидаги эссега дебоча деб қабул қилинг. Шу ўринда мен ўтган ХХ асрнинг 60-70 йиллари тўғрисида сўз юритишни лозим топдим.

У пайтларда Орол денгизи тўлиб-тошиб оқиб турган эди..

Кўз олдингизга келтиринг... Охири кўринмас мовий тўлқинлар...

Айниқса, ёзнинг жазирама кунларида эрта саҳардан сув ёқалаб юрсангиз юзингизга намхуш-намхуш шамоллар урилади. Сувга бир шўнғиб олиб яна баланд учаётган чағалайлар овози диққатингизни тортади. Қизларнинг:

*– Сувлаб сочим тарайман-ай,
Соҳилда сувга қарайман-ай.
Кемада кетган ёримни,
Соғиниб йўлга қарайман-ай.*

ёки:

*Ойдинлар, ойдинлар чалқар ойдинлар,
Мендан севар ёрга салом айтинглар.*

*Тўлқинлар ёримни олиб қайтинглар,
Ёр кўринмас олисларга қарасам...*

сингари қўшиқлари қулоғингиз остида жаранглайди.

...1980-йилларнинг охирларида Мўйноқда бўлганимни эслайман. Орол денгизининг қайтиб кетаётган оқимларига қараб Қорақалпоғистон, Ўзбекистон халқ шоири Тиловберган Жумамуратовнинг «Мўйноқда» деган шеъри эсимга тушган эди:

*Кўл ёқалаб тенг тизилган оқ қамиш
Қизил отов, оқ уй тўлган кўк қамиш
Гоҳо мотор, гоҳо елкан югурган
Сайрон этар хуш кўнгилли йигит-қиз
– Қаёқда?
– Қозоқдарё, Қоратеран, Мўйноқда.*

*Зерикканда эрмак учун қуш отиб,
Қанча гознинг мой таомин ошадик.
Сувда сулгин, бакра, сазан, оқ марқа,
Оққув, ўрдак, қашқалдоқни ушладик.
– Қаёқда?
– Пўрхон атов, Мадалида, Мўйноқда.*

Инсоннинг ҳам табиатида икки дарёси бор деб ўйлагандим ўшанда. Кўнгил дарёси, кўзлар дарёси. Кўнгил тошганда кўзларимизга қувонч ёшлари тўлиб кетади. Кўнгил ғамгин тортиб, дардга тўлганда, яна кўзимизга ёш келади, бу қайғу ёшлари...

Инсон борки гоҳ ғамдан, гоҳ бахтдан тўлиб тошади. Орол денгизининг икки дарёси бор эди. Амударё, Сирдарё...

Уларнинг дарди ошдимикан, ўз дардларини Оролга тўккиси келмагандир балки, деган фикрлар хаёлдан ўтади...

*Беморим Оролга қарай олмайман,
Унинг ҳарорати куйдирар мени.
Унинг оғриқлари ботади танга,
Тезоқар сувларни кўра олмайман.
Дарахтлар зорланар қорайган тонгга,
Беморим Оролга қарай олмайман.*

Ўша кунлари туғилган бу шеърни ҳар ўқиганимда негадир кўзларимга ёш тўлади. Тошиб турган сувлар ўрнида қумлар, параход-кемалар ўрнида ҳорғин юрган туялар... Орол денгизи кенгликлари кимсасиздек...

Географ олимлар Зиёвуддин Акрамов, Асом Рафиқовнинг «Орол мадад сўрайди» номли тадқиқотида айтилишича, Орол денгизи ҳавзасида 1913 йили ҳаммаси бўлиб 2 миллион гектар ер суғорилган. Советлар даврида ирригация ишлари ягона режа асосида олиб борилгани оқибатида суғориладиган ерларнинг майдони муттасил кўпая бошлади. Орол денгизининг сатҳи пасайишига, асосан, Амударё ва Сирдарёдан 1960-йилларнинг бошларига қадар келиб турган сувнинг аста-секин камайиб бориши сабаб бўлган. Орол юзаси 1974 йилга келиб 3 метрга чўкди, денгиз сатҳи тез суръатларда сезлаша бошлади. Атмосфера ёғинлари ва Амударёдан келадиган сув ҳажмига қараб, Орол сатҳи йилига 40-70 сантиметргача пасая борди. 1985 йилнинг бошида денгиз сатҳи 11 метрга пасайиб кетганди.

1980-йилларда бу ерда 500 минг центнергача балиқ овланган. Энг қимматли балиқлар: лаққа, зогора балиқ, сазан, сўзанбалиқ (усач) овлаш бўйича Орол денгизи юқори ўринлардан бирини эгаллаган. Денгиз қирғоқларининг порт шаҳарларидан узоқлашиб кетиши натижасида Мўйноқ, Учсой, Қозоқдарё, Урга ва бошқа ўнлаб посёлка ва шаҳарларнинг денгиз транспорти ва у билан боғлиқ бўлган хўжалик, саноат тизимлари издан чиқди, кемаларни таъмирлаш корхоналари ёпилди. Беш юздан зиёд кемалар ҳаракати тўхтади. Мўйноқ шаҳридаги Иттифоқ аҳамиятига эга бўлган балиқ комбинатида Орол-

да тутилган балиқлардан кўп миқдорда консервалар тайёрланар, дудланган балиқ маҳсулотлари чиқарилар эди. Комбинатнинг Урга, Қозоқдарё, Оқпетки оролларида ва бошқа кўпгина жойларда балиқни қайта ишлайдиган цехлари бор эди.

Денгизнинг чекиниши ва Амударё дельтасининг қуриб бориши ўлка иқлимига сезиларли таъсир кўрсатди. Орол бўйида иқлимнинг ўзгариши фақат денгизнинг қуриб бориши билангина боғлиқ бўлмай, балки атмосфера умумий циркуляциясининг таъсири, Ўрта Осиёнинг чўл зонасида ҳаво умумий ҳароратининг кўтарилиши ва бошқа омиллар билан ҳам боғлиқ кечди.

Орадан ўттиз-қирқ йил вақт ўтди. Аммо глобал муаммога муносабат, фикр, тахминлар билдириш бир зум тўхтамади. 2018 йилнинг май ойида «International Hotel Tashkent» меҳмонхонасида «Орол фожиаси оқибатларини юмшатиш бўйича ҳамкорликдаги ҳаракатлар: янги-ча ёндашувлар, инновацион ечимлар ва инвестициялар» мавзуида халқаро анжуман бўлиб ўтганидан ҳам хабардормиз. Тадбир БМТ Тараққиёт дастури, ЮНЕСКО, Жаҳон банки ва Германия халқаро ҳамкорлик жамиятининг (GIZ) Ўзбекистондаги ваколатхоналари, Европада хавфсизлик ва ҳамкорлик ташкилотининг мамлакатимиздаги лойиҳалари координатори (ЕХХТ), Ислом ҳамкорлик ташкилотининг Фан ва технологиялар соҳасида ҳамкорлик бўйича Доимий қўмитаси ва бошқа нуфузли ташкилотлар ҳамкорлигида ташкил этилди.

Орол фожиасини жаҳон ҳамжамияти аллақачон глобал муаммолардан бири сифатида тан олган. Давлатимиз раҳбари Шавкат Мирзиёев 2017 йил 19 сентябрь кунини БМТ Бош Ассамблеясининг 72-сессиясида сўзланган нутқида жаҳон ҳамжамияти эътиборини Орол фожиасига яна бир бор қаратди. Бугунги кунда бу экологик инқироз оқибатларини бартараф этишга қаратилган ҳаракатларни бирлаштириш Ўзбекистон ташқи сиёсатидаги муҳим йўналишлардан бири этиб белгиланган. «Оролбўйидаги экологик муҳитни барқарорлаштириш-

нинг энг қулай ва арзон усули, бу – ўрмонзорлар барпо қилишдир», деб ҳисоблайди Ўзбекистон Ўрмон хўжалиги давлат қўмитаси бошқармаси бошлиғи Ҳ.Толипов. – Денгизнинг қуриган қисми 5,5 миллион гектар бўлса, шундан 3,5 миллиони бизнинг ҳудудимизга тўғри келади. Унинг 2 миллион гектари ўрмонзорга айлантирилса, вазият анча яхшиланади. Бунинг учун эса ҳар йили 100 минг гектар майдонни ўрмонга айлантириш керак бўлади. Агар шу тарзда жадал ҳаракат қилиб, денгизнинг қуриган қисми яшиллик билан ўралса, 15-20 йил орасида бу муаммо хавфини бартараф этиш мумкин».

Ўша анжуманда Оролни қутқариш халқаро жамғармаси фаолияти ва Орол денгизи ҳавзаси муаммолари бўйича янги ҳаракатлар дастури ҳам қабул қилинди, Марказий Осиёнинг трансчегаравий дарёлари сув ресурсларидан фойдаланиш бўйича минтақа давлатлари ҳамкорлигини яхшилаш, Оролбўйи ҳудудини иқтисодий-ижтимоий ривожлантириш ва БМТ шафелигида у ердаги аҳоли хавфсизлиги бўйича махсус фонд ташкил этиш, Орол денгизининг қуриган тубида ўрмон-мелиорация ишларини фаоллаштириш каби масалаларга эътибор қаратилди. Туркия томони эса йилига 3 минг гектар майдонга саксовул экиш таклифини илгари сурди.

Кейинги икки йил ичида Орол бўйида улкан яратувчилик ишларига қўл урилди, десак муболаға бўлмайди. Денгиз сатҳи пасайиб, қирғоқдан 180-200 километр узоқлашиб кетгани сабабли Амударёнинг қуйи оқими га кириб келувчи сувлар юқори нишаблиқдан тушяпти, Мўйноқ туманидаги Дарё оралиги сув омбори яқинида жарликлар ҳосил бўлган. Бундай вазият Мўйноқ сув омбори, Рибачье, Мақпалқўл, Закиркўл қўлларига сув етиб бормаслиги, ҳудуддаги балиқ ва ҳайвонот дунёси йўқ бўлиб кетиш хавфини туғдираётган эди. Бунинг олдини олиш мақсадида 2013-2017 йилларда шимолий ва шарқий дамбалар реконструкция қилиниб, сув ўтказиш қобилиятини тиклаш ишлари бажарилди. Навбатдаги босқичда Майпост кўли бўйлаб тўғон йўлини тиклаш

ва кўлдан Амударёнинг эски ўзанига сув ўтказиш имконини берадиган гидротехник иншоот қуриш мўлжалланган.

Ҳукуматимиз ҳудудда сув муаммосини ҳал этиш мақсадида катта маблағларни дадил сарфлашга киришди. Хусусан, Жанубий Қорақалпоғистонда сув ресурсларини бошқаришни яхшилаш лойиҳаси доирасида Эллиққалъа, Беруний ва Тўрткўл туманларида 100 минг гектарга яқин майдон сув билан таъминланиб, йилига 269 миллион кубометр сув тежаладиган бўлди.

2010 йилда Бирлашган Миллатлар Ташкилотининг ўша пайтдаги Бош котиби Пан Ги Мун Ўзбекистонга келганида, бу юксак мартабали меҳмоннинг Қорақалпоғистонга сафари давомида ҳамроҳлик қилган эдим. Биз вертолётда парвоз қилиб, бутун Қорақалпоғистон ҳудудини, қуриб бораётган Орол денгизини тепадан туриб яққол кузатиш имконига эга бўлдик.

Ўшанда мутахассислар, раҳбарлар меҳмонимизга Орол денгизи билан боғлиқ экологик офат ҳақида, жумладан, денгиз тубидан ҳар йили 700-800 миллион тонна туз бўронлари ҳавога кўтарилиши ҳақида гапириб берган эдилар.

Ўша куни Мўйноқдаги Орол денгизининг бошланадиган ерига ўрнатилган кузатув майдонини, унинг атрофида меҳмонлар учун қурилган ўтовлар атрофини шўр қум бўрони ўраб олди. Шу куни денгиз сатҳидан кўтарилган бу туз қум бўронда, майда ҳашаротлар ҳам кўз очишга қўймаган эди.

Бундай аянчли манзарани ўз кўзи билан кўриб, Пан Ги Муннинг кўзидан ёш чиқиб кетди. «Мен дунёдаги ҳалокат содир бўлган жуда кўп жойларни ўз кўзим билан бориб кўрганман, – деди у ўшанда. – Лекин бундай оғир экологик ҳолатни умримда биринчи марта кўриб турибман. Шундай кескин вазиятга қарамасдан, шу ерда яшаб меҳнат қилаётган одамларга, уларнинг сабр-бардошига қойил қолдим». Бу гапларни у кейин телевидение орқали берган интервьюсида ҳам такрорлаган эди.

Ҳақиқатан ҳам, тақдирнинг, ҳаётнинг ҳар қандай оғир синов ва қийинчиликларига қарамасдан, ўз юрти, ўз ватани, ота-боболари қўним топган шу муқаддас заминга садоқат кўрсатиб яшаётган мард ва матонатли қорақалпоқ элининг мустаҳкам иродасига бутун дунё тан бермоқда.

2019 йилнинг бошида Президентимиз Мўйноқ тумани аҳолисини тоза ичимлик суви билан таъминлаш муаммосини ҳал қилишга қаратилган лойиҳа – «Қўнғирот-Мўйноқ сув иншооти қурилиши» лойиҳасининг бошланишига тамал тошини қўйди. 101 километр узунликда водопровод қувурлари ётқизиilib, туман аҳолиси учун тоза ичимлик суви етказиб берилди.

Мазкур бунёдкорлик ишларига 26,6 миллиард сўм сарфланди. Қурилиш-монтаж ишлари бош пудратчи – «Ўзбекистон темир йўллари» акционерлик жамиятига қарашли «СПМС» махсус кўчма механизациялашган станция қурувчилари томонидан амалга оширилди. Ушбу иншоотнинг ишга туширилиши натижасида бир кеча-кундузда 7 минг кубометр тоза ичимлик суви етказиб бериш имконияти яратилди.

Ўзбекистон Республикаси Президентининг «2017-2021 йилларда Оролбўйи минтақасини ривожлантиришнинг давлат дастури тўғрисида»ги қарори асосида энг чекка овуллардаги аҳолини ҳам сифатли ичимлик суви билан таъминлаш назарда тутилган. Хусусан, «Нукус, Беруний, Мўйноқ, Қўнғирот ва Қораўзак туманларининг сув таъминоти тизимини ривожлантириш ва модернизациялаш» лойиҳаси доирасида буюртмачи «Ўзкоммунхизмат» агентлиги ва Осиё тараққиёт банкининг молиявий кўмагида Мўйноқ туманининг 6 та аҳоли пунктида яшовчи 826 хонадон тоза ичимлик суви билан таъминланади. Бундан ташқари, «Мўйноқ-Учсой» сув тармоғи яна 8,51 километрга узайтирилиб, энг олис овул аҳолисига ичимлик суви етиб боради.

2019 йилнинг 28 февралда «2017-2018 йилларда Қорақалпоғистон Республикаси Мўйноқ туманини

иктисодий ривожлантириш ва аҳоли бандлигини таъминлаш бўйича қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида» Президент қарори қабул қилинган эди. Унга кўра, туманда 72 та лойиҳа амалга оширилиши назарда тутилган бўлиб, ўтган йили 36 та лойиҳа рўёбга чиқарилиб, 200 дан зиёд янги иш ўринлари яратишга эришилди.

Халқимизнинг ўтмишда ҳам, ҳозирги кунда ҳам барча машаққатларга чидам бериб, эртанги кунга ишончини йўқотмай келаётгани катта ибрат намунасидир. Худои таоло қорақалпоқ элининг ана шундай сабр-бардошига яраша улардан ўз марҳаматини аягани йўқ. Гарчи, Орол денгизининг суви камайган бўлса ҳам бу бепоён замин бағридаги бошқа бойликларни қорақалпоқ халқига, бутун Ўзбекистон халқига мўл-кўл қилиб бермоқда. Бунинг тасдиғини ушбу минтақада топилаётган ва ишга туширилаётган табиий бойликларнинг янги-янги конлари ва заҳиралари мисолида яққол кўришимиз мумкин.

Қурилиши 2012 йилда бошланган Устюрт газ-кимё мажмуасида газни тақсимлайдиган, этилен, полиэтилен, полипропилен ишлаб чиқарадиган ва энергия манбалари билан таъминлайдиган жами бешта завод, шунингдек, замонавий инфратузилма объектлари барпо этилган. Улар дунёдаги энг замонавий юқори технологиялар билан таъминланган, энг сўнгги русумдаги ускуналар ўрнатилган. Умумий қиймати 4 миллиард долларлик ушбу лойиҳанинг амалга оширилиши йилига 4,5 миллиард куб метр табиий газни қайта ишлаш ҳисобидан 3,7 миллиард куб метр газ, 387 минг тонна полиэтилен, 83 минг тонна полипропилен ва бошқа қимматбаҳо маҳсулотлар ишлаб чиқариш имконини беради.

Бугунги кунда ўзимиз кўриб турганимиздек, бу ердаги ҳаёт манзаралари бутунлай ўзгармоқда. Яъни, барча шаҳар ва туманлар, қишлоқ ва овуллар янгича чирой очиб бораётганини, замонавий корхоналар, таълим, тиббиёт, маданият ва спорт масканлари, коммуникация

тармоқлари барпо этилаётганини кўриб, кўзимиз қувонади.

Буларнинг барчаси аввало мустақиллик шарофати, бутун мамлакатимиз қатори Қорақалпоғистон иқтисодиёти ҳам юқори суръатлар билан ривожланиб бораётганининг натижасидир.

Шу ўринда бир қадам орқага қайтиб, факт ва рақамларга мурожаат қилсак, илгари Оролбўйи сув ҳавзаларида йилига 35 минг тоннагача балиқ овланган. Бу фактлар ўз Ватани келажаги, халқининг омонлигини истовчи ҳар бир инсонни ўйлантириб қўяди, албатта.

Амударё ва Сирдарё сувининг Оролга қуйиладиган умумий ҳажми кейинги эллик йил ичида қарийб 5 баробар, Орол денгизининг суви эса 14 баробардан кўпроқ камайди.

Орол денгизи сувининг шўрланиш даражаси 25 марта ортиши балиқ ва бошқа денгиз мавжудотларининг деярли буткул йўқолишига олиб келди.

Оролбўйи минтақасида ўсимликлар ва ёввойи ҳайвонлар тури кескин камайиб, жумладан, сут эмизувчиларнинг 12, қушларнинг 26 ва ўсимликларнинг 11 тури йўқ бўлиб кетиш хавфи остида турибди.

Оролнинг қуриган қисми ўрнида 5,5 миллион гектар майдондан зиёд янги Оролқум саҳроси ҳосил бўлди.

Бугунги кунда бу ерларда «Яшил қалқон» – ишончли ҳимоя» шиори остида Оролбўйида наботот оламининг шаклланиши, дарахтлар сонини кўпайтириш орқали тупроқни мустаҳкамлаш, бунда сув ресурсларидан оқилона фойдаланишга эътибор қаратилмоқда. Орол денгизининг қуриши оқибатида кўплаб ўсимлик турлари камайиб, йўқ бўлиб кетиш хавфи остида қолгани бу масаланинг долзарблигини кўрсатади.

Чунончи, давлатимиз раҳбари таъкидлаганидек, «Ҳайвонот ва ўсимлик олами биохилма-хиллигини, жумладан, кичик сув ҳавзалари яратиш орқали сақлаш ва қайта тиклаш, минтақанинг ноёб флора ва фаунасини асраб-авайлаш даркор».

Шуни ҳисобга олган ҳолда, воҳада камайиб бораётган ўсимликларни чуқур ўрганиш, уларни сақлаб қолиш ва ривожлантиришнинг мақбул усуллари ишлаб чиқиш йўлида муайян натижаларга эришилмоқда.

Қорақалпоғистонда ўсимликларнинг мингдан ортиқ турини учратиш мумкин. Уларнинг аксариятини кўпайтириш ҳамда иқлимга мослаштириш натижасида бугунги кунгача 300 дан зиёд турдаги ўсимликларни кўпайтиришга эришилган бўлса, шундан 30 таси халқ хўжалигида фойдаланишга тавсия этилган.

Орол денгизи ташлаб кетган янги саҳро бағрида янада мустаҳкам «яшил қалқон» барпо этиб, атроф-муҳит мусаффолигини таъминлаш, ҳудуд биохилма-хиллигини асрашдек эзгу ишлар давом этмоқда. Яқинда Бирлашган Миллатлар Ташкилоти Бош котиби Антониу Гутерриш Қорақалпоғистонда бўлганида Орол денгизи ва унинг атрофидаги экологик вазиятни барқарорлаштириш бўйича амалга оширилаётган ишлар билан танишди, бу ердаги турли соҳа вакиллари билан самимий суҳбатлашиб, муаммоларни ҳал қилишда, Орол денгизи инқирози оқибатларини камайитиришда БМТнинг ёрдами катта бўлиши шак-шубҳасиз эканлигини уқтирди.

Оролбўйи ҳудудига экотуризмнинг олиб кирилиши бу соҳада олиб борилаётган ишларнинг ёрқин намоишидир. Денгиз ҳудудидан шифобахш минералларга бой балчиқда эмланиш учун замонавий, халқаро стандартларга жавоб берадиган санаторийлар, дам олиш уйлари яратиш ишлари диққатга сазовор.

Орол бўйида яшовчи аҳолини, айниқса, Мўйноқ туманига тез-тез қадам ранжида қилаётган чет эллик туристларнинг денгизда моторли қайиқларда сайр эттириш йўлга қўйилмоқда. Мўйноқда баландлиги 18 метрга етадиган Мўйноқ маёғини яратиш, айниқса, ёшларни жуда қувонтирмоқда. Мўйноқ туманида ўлкашунослик музейининг қайта таъмирланиб, замонавий қиёфа касб этаётганлиги Мўйноққа келаётган чет эллик меҳмонларнинг диққат-эътиборини тортмоқда.

Мўйноқ бугун бутун дунё эътиборига тушганини алоҳида таъкидлаш лозим, деб ўйлайман. Бу ерда ой сайин халқаро анжуманлар бўлиб ўтмоқда.

Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамаси тадбирлар режаси асосида Орол муаммоларига бағишланган «Стихия» электрон мусиқали фестивали Мўйноқ туманида очиқ осмон остидаги кемалар музейи ёнида кўтаринкилик билан ўтказилди. Фестиваль Марказий Осиёда биринчи марта ўтказилиб, унга АҚШ, Исроил, Туркия, Германия ва бошқа мамлакатлардан меҳмонлар келишди. Электрон мусиқа созандалари томонидан Орол денгизига бағишланган абстракт мусиқалар янгради. Меҳмонларга палов, балиқлардан турли миллий таомлар тортилди.

Айниқса Ўзбекистон футбол ассоциацияси томонидан ташкил этилган, 2008-2009 йилларда таваллуд топган болалар ўртасида ўтказилган футбол бўйича Республика мусобақасининг дастлабки босқичида Мўйноқ туманининг «Аму-Арал Мойнак» жамоаси биринчи ўринни эгаллади.

«Мўйноқ фестивалга чорлайди – балиқдан 120 хил таом» номли Халқаро экофестиваль ҳам одамларнинг ёдида қолди. Бу тадбир «Орол балиқларидан 99 хил таомлар» номли гастрономик фестивал ҳамда «Орол ва Мўйноқнинг қайта тикланиши» мавзусидаги халқаро экофестивалга уланиб кетди.

Унда Тошкент шаҳри, Бухоро ва Хоразм вилоятлари, Нукус шаҳридаги қатор ресторанлар ва республикамизнинг барча туманларидан, ошпазлик касбига ўргатувчи касб-хунар коллежларидан балиқдан турли таомлар тайёрловчи 70 нафарга яқин моҳир ошпазлар, мутахассислар ва тажрибали уй бекалари иштирок этдилар. Олдинги фестивалда балиқдан 112 хил таом тайёрланган бўлса, бу сафар таомлар сони 120 хилга етди. «Энг моҳир ошпаз», «Энг қадимий балиқ таоми ошпази», «Энг ёш ошпаз», «Энг моҳир аёл ошпаз», «Балиқдан таом тайёрлашда энг моҳир уй бекаси» каби номинациялар

бўйича голиблар аниқланди.

«Орол ва Мўйноқнинг қайта тикланиши» мавзусидаги халқаро экофестиваль доирасида И.В.Савицкий номидаги Қорақалпоқ давлат санъат музейида илмий конференция ўтказилиб, Қорақалпоғистон Республикаси тарихи ва маданияти музейининг «Мўйноқ экомузейи» филиали очилди.

Бу йил Мўйноқда Наврўз байрами этнофестиваль тарзида ўтказилди. Илк бор ўтказилган ушбу тадбирга минглаб маҳаллий ва хорижий меҳмонлар ташриф буюрди. Икки кунлик тадбирнинг иккинчи кунинда Мўйноқда эрталаб оппоқ қор ёғди. 30 март куни байрам тадбирлари асосан туман марказида ташкил қилинган «Хунармандлар қишлоғи»да бўлиб ўтди. Кун очиқ, ёрқин. Осмон эса мусаффо. Айнан байрамона об-ҳаво. Одамларнинг юзларида олам-олам қувонч.

Бу ерда уста-хунармандлар ясаган буюмлар, ошпазлар томонидан тайёрланган турли хил миллий таомлар кўргазмага қўйилган. Байрамга бағишланган савдо ярмаркаларида маҳсулотлар арзон нархларда сотилди. Кўргазмада нашриётлар томонидан китоблар ҳам сотувга қўйилди. Наврўз байрами ҳаммага кўтаринки кайфият бағишлади.

«Хунармандлар қишлоғи»да балиқчининг эски уйи қайта таъмирланиб уй музейига айлантирилган. У ерда худди ўтмишга қайтиб Орол балиқчиси каби хаёл суришингиз мумкин. Айнан шу музей ёнида сайёҳлар учун хостел ҳам ташкил қилинган. Уй музейи қошидаги дўконда Орол, Мўйноқ ҳамда қорақалпоқлар ҳаётига оид ҳар хил эсдалик буюмлари сотувга қўйилгани кўпчиликни қизиқтирди.

Эрталабдан миллий куй-қўшиқлар садоси остида бўғирсоқ, сок-тақан тайёрланди, сумалак ва Наврўз гўжа қайнатилди. Фольклор жамоаси аъзолари «беташар», суннат тўй каби миллий тўй-базмлар ижро этишди. Бир томонда қорақалпоқ ўтовини тикиш жараёни йиғилганларга намойиш қилинаётган бўлса, иккинчи томонда

«қазан», «бекташ», «қашарман», «ланги», «шуллик», «ангалақ», «кошпек» каби миллий болалар ўйинлари бўйича мусобақалар қизиди. «Хунарманд» уюшмаси томонидан миллий кийимлар кўргазмаси ўтказилди. Учта жойда арғимчоқ қурилиб, уларда болалардан тортиб ёши катталар ҳам учиб кўнгил ёзишди.

Қураш мусобақаси ҳам қизғин тус олди. Моҳир дорбознинг кўзини бойлаб дор устида моҳирона томоша кўрсатиши айниқса, болаларда олам-олам таассурот қолдирди. Қалдирғоч, балиқ ва пуштиранг фламинголларнинг қиёфасидаги варракларни учириш болажонларнинг энг севимли машғулоти бўлди.

Мўйноқликлар кўпдан буён бундай ёгингарчиликни кузатмаган эди. Наврўзда ёққан қор денгизнинг қуриган тагига ўтказилган саксовул кўчатлари учун айни муддао бўлди.

Бундай фестиваллар ўтказишдан мақсад халқимизнинг ўзига хос бой маданияти, урф-одатлари, анъаналарини юртдошларимиз ва жаҳон ҳамжамиятига кўрсатиш, республикамизнинг туризм салоҳиятини янада оширишдир. Шу билан бирга бу тадбирлар унутилиб кетаётган миллий анъаналаримизни қайта тиклаш, келгуси авлодларга етказишга хизмат этиши билан аҳамиятлидир.

Худди шундай! Келинг, дўстлар, Мўйноқ ёққа, келсангиз, келажак учун олиб борилаётган бунёдкорлик ишларининг гувоҳи бўласиз.

Президентимиз айтдики, «Ҳозирги вақтда Орол фожиаси туфайли 5,5 миллион гектардан ортиқ майдонда Оролқум саҳроси пайдо бўлди.

Ҳар йили 100 миллион тонна қум ва туз ҳавога кўтарилмоқда. Бу эса Орол ҳалокати глобал муаммо эканини яна бир бор исботламоқда.

Бирлашган Миллатлар Ташкилотининг Оролбўйи минтақаси учун Инсон хавфсизлиги бўйича кўп томонлама шериклик асосида «Траст фонди»нинг тузилиши ўзбек дипломатиясининг катта ютуғи бўлди.

Биз Ўзбекистон ташаббусини қўллаб-қувватлагани учун Бирлашган Миллатлар Ташкилоти Бош котиби жаноб Антониу Гутерриш ҳамда Бирлашган Миллатлар Ташкилоти институтларидан, ҳамкор давлатлардан миннатдормиз.

Биз Орол денгизининг сувсиз қолган ҳудудида яшил ўрмонлар барпо этишга алоҳида эътибор бермоқдамиз.

Агар мустақиллик йилларида Ўзбекистон бўйича 1 миллион 220 минг гектарга яқин ўрмонзор яратилган бўлса, шундан 400 минг гектардан ортиғи айнан Оролбўйи ҳудудида барпо этилган. Бу масалада қабул қилинаётган махсус дастурга кўра, Орол денгизининг сувсиз ҳудудида 2020 йилда яна 500 минг гектар ўрмонзор барпо этилади.

Аҳолининг ҳаёт шароитини яхшилаш мақсадида Қорақалпоғистон Республикаси шаҳар ва қишлоқларида янги қурилишлар амалга оширилади. Хусусан, Мўйноқ туманида барча зарур инфратузилмаларга эга бўлган замонавий шаҳарча бунёд этилади».

Бугун фахр билан айтамикки, Қорақалпоғистонда, Мўйноқда Президентимиз ташаббуси билан бошланган ишлар қизғин давом этмоқда.

Орол денгизи тубидаги суви қуриган майдонларда «Яшил қопламалар» ҳимоя ўрмонзорлари барпо этил-япти. Ҳозирда Мўйноқ тумани «Тик ўзак», «Бўзатов», «Маделли» ва «Ҳоким ота» овул фуқаролар йиғинларида саксовул уруғини йиғиш, «Сургул» участкасида саксовул уруғи ва кўчатини экиш ишлари амалга оширилмоқда. Саксовул экиш учун 5000 гектарга яқин ер майдони тай-ёрланди ҳамда 1100 гектар ер майдонига (шундан 1060 гектар уруғдан ва 43 гектар кўчатдан) саксовул экилди, бу ишлар қизғин давом этмоқда.

Шу билан бир қаторда, Мўйноқ тумани Қазақдарья-Пўрлитаў қишлоғига қарашли 47 километр узунлик-даги ички йўллари таъмирлаш, шунингдек, ушбу ҳудуддаги «Дарёоралиқ» сув омбори дамбаларини мус-тахкамлаш ишларига ҳам киришилди.

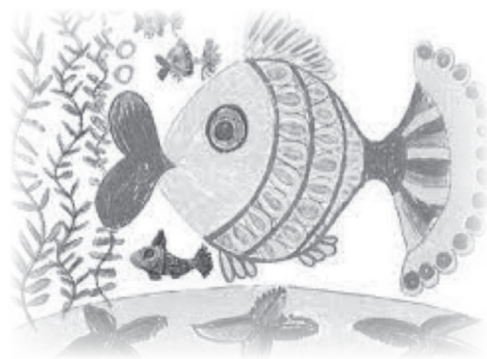
Ана шундай кунларда биз юрт дардига, Орол муам-
моларига ҳамдард барча юртдошларимизни, Орол ден-
гизи инқирози оқибатларини енгиб, келажакка юксак
ишонч билан яшаётган Мўйноққа, Оролбўйи ҳудудла-
рига бир келиб кўринг, деб таклиф қиламиз. Бугун биз
бутун дунё ҳамжамиятининг эътибори Қорақалпоғис-
тонга, айниқса Мўйноққа қаратилганлигидан фахрла-
ниб Орол бунёдкорликлар майдонига айланаётганини
ўз кўзлари билан кўриб, ўзлари гувоҳ бўлишини истай-
миз.

Шеърий сатрларда айтсак:

*Мустақиллик иқбол бўлди,
Истиқболга бериб қўлни,
Мангуланган ойдин йўлни,
Кулиб қуёш чиққан вақтда,
Келиб кўринг, Мўйноқ ёққа.*

*Устюрт янгиланган ерлар,
Дунё ҳавас билан сўзлар,
Қувончларга тўлиб кўзлар,
Ватан – иқбол чақалоққа,
Келинг, дўстлар, Мўйноқ ёққа.*

Раим ФАРХАДИ

СКАЗ О ГОВОРЯЩИХ РЫБАХ

Маленькая сказка

Когда море стало мелеть, рыбы это почувствовали сразу. Они не могли разговаривать, но прекрасно умели общаться между собой, шевеля хвостами и плавниками.

– Соль обжигает мои жабры, спинку, бока и брюхо...
– заметила одна из них.

– А мне постоянно хочется пить, но вода настолько сделалась соленой, что от нее жажда лишь усиливается,
– сказала другая рыба и попыталась зарыться поглубже в илистое дно.

– Что же будет с нами? – спросила третья рыба, – мой цвет совершенно изменился. Совсем не хватает свежего воздуха... Остается всплыть вверх. Может быть, там легче дышится...

Эту рыбу подобрал мой одноклассник Нурлан. Она еще слабо шевелила плавниками на водной поверхности. Мы положили находку в эмалированное ведро с чистой водой, которую раз в неделю привозили в

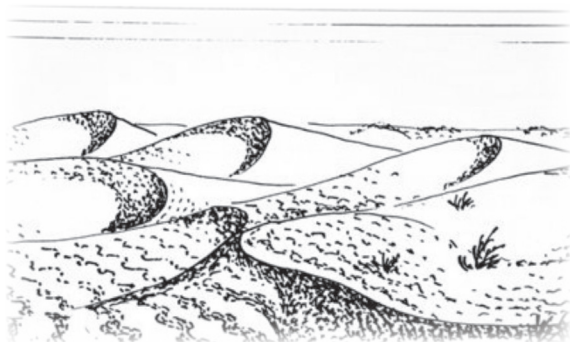
рыбачий поселок. Людям советовали ее обязательно кипятить, чтобы уничтожить в ней все вредные микробы.

Принесенную нами рыбу нарисовала сестра Нурлана семиклассница Айниса.

Много лет прошло с той поры.

Одноклассники разъехались кто куда. Нет моря. Не видно рыбацких сетей, которые сушились на берегу возле неказистых суденышек. А этот, подаренный мне Айнисой рисунок, хранится в моей коллекции как память о говорящих рыбах, которые когда-то плавали на аральском мелководье.

Абдухаким ФАЗЫЛОВ

МИРАЖ

Фантастический рассказ

Песчаная буря поднялась над пустыней внезапно. Сперва резким толчком подул встречный порывистый ветер, а через минуту лежащие далеко внизу застывшие волны барханов потеряли четкие очертания гребней и скоро совсем исчезли под серой тучей песка, поднимающегося все выше и выше.

Фархад поспешно надел наушники.

– ... держись, – звучал уже в них голос инструктора. – Попробуй набрать еще немного высоты. Мы будем рядом.

Фархад оглянулся по сторонам, но самолета не увидел. «Теперь надо надеяться только на себя», – прошептал он, работая педалями и рычагами управления.

Маневры набора высоты получались плохо. Весь планер трясло от порывов ветра. Он едва смог подняться

еще на сто метров. Каждый новый десяток метров давался лишь после огромных винтообразных кругов диаметром чуть ли не в километр.

– Ты не перепутал день, на который предсказывали летную погоду? – прорвался в наушники раздраженный голос.

– Этот день я не мог спутать ни с каким другим, – с обидой ответил Фархад в эфир.

Внизу уже бушевала песчаная буря. Кипящая поверхность серого пылевого облака, клубясь, неотвратимо приближалась к планеру.

– Фархад, будем возвращаться. Кажется, этот концерт не скоро кончится. Курс на юго-запад, по ветру. Держись, скорость ветра черт знает как меняется...

Самолет поднял его планер из Ургенчского аэропорта в пять часов утра. Этого часа Фархад ждал два года. Он так долго и тщательно продумывал этот план – пересечь на планере огромную песчаную пустыню, лежащую в междуречье Сырдарьи и Амударьи, – что сейчас и не помнил, где и как он зародился у него.

Через пятнадцать минут после старта они пересекли Амударью. Здесь, на высоте около двух тысяч метров, планер был отцеплен от самолета. Медленно кружась, Фархад «прощупал» воздушные потоки на различных высотах.

Наконец, сделав последний круг над развалинами средневековой крепости Гульдурсун, раскинувшимися на самом краю пустыни, Фархад взял курс на северо-восток. Скоро под крылом показалась затопленная песками долина древних крепостей. Не верилось, что здесь когда-то жили люди, в каналах текла вода. Сейчас всюду был разлит песок; среди застывших волн барханов, то густыми скоплениями, то одинокими островками, лежали бесчисленные развалины замков, укрепленных усадеб, целых больших городов. Среди них величественно выделялись массивы останков крепостей

двухтысячелетней давности. В ожидании полета Фархад часто бродил по таким развалинам, осматривал свежие раскопы, слушал рассказы археологов. От них он узнал, что длинные пологие валы, встречающиеся в пустыне, это все, что осталось от некогда высившихся здесь мощных крепостных стен, а оплывшие бесформенные холмы когда-то поднимались к небу высокими башнями.

Поразительное впечатление производила, например, видимая сейчас справа крепость Кум-Баскан. Огромное сооружение, с могучими башнями и двойным прямоугольником высоких глинобитных стен, было почти захлестнуто переметнувшимися через него гигантскими волнами барханов, гребни которых за столетия медленно перекатывались над крепостью. Слева по курсу, на самом краю моря мертвых песков, высились мрачные руины знаменитых крепостей Джанбас и Кургашин. Далеко на северо-западе, у голых скал, Султануиздагских гор, в утренней дымке рисовалась увенчанная причудливыми полуразрушенными узорами скалистая вершина крепости Аяз...

После полутора часов лета долина крепостей осталась позади. Теперь во всех направлениях, насколько достигал взор, была однообразная равнина. Планер все глубже и глубже уходил в знойный воздух Кызылкумов...

Он летел над песками четыре с половиной часа, когда его настигла внезапная буря. Планер находился уже примерно в полутораста километрах от Ургенча. Сейчас Фархад пробивался к городу сквозь бурю, обратным курсом. Самолет кружил над планером на большой высоте. Инструктор теперь не раздражал Фархада частыми и ненужными советами.

Попытки подняться выше не приводили к успеху. На высоте пятисот метров планер вдруг погрузился в песчаное облако. Наступил полумрак. Там, где только

что светило яркое солнце, тускнело мутное оранжевое пятно. Планер почти перестал управляться.

Фархад очень устал, временами терял ориентацию – где небо, где земля. Теперь не удавалось делать большие виражи для сохранения высоты. Поднятый с барханов песок сковал тело планера, сделал его тяжелым и тянул к земле. Корпус страшно скрипел, будто его терли наждаком. Сквозь этот шум и треск инструктор прокричал:

– Фархад, слышишь меня? Какая сейчас высота? Сможешь спланировать? Дальше тянуть опасно! Если все будет в порядке, далеко не уходи. Вода у тебя есть?

– Есть, литра два. Высоту не могу определить, – ответил он в микрофон.

– Если с рацией ничего не случится, сообщи немедленно о приземлении.

– Все понял. Постараюсь уцелеть. Жаль все-таки, что перелет не...

Корпус планера затрясся от глухого удара. Прижатый к приборной доске, Фархад несколько секунд ощущал, как планер на большой скорости со скрежетом вгрызается в песок. Потом так же неожиданно наступила необычная тишина. Ощупал себя – цел. Некоторое время он просидел в полной растерянности, не знал, что делать. Потом его вдруг осенило. Открытие было не из приятных: он ведь под песком! Надо скорее выбираться наружу. Если сейчас над ним образовался хотя бы двухметровый слой, можно считать себя заживо погребенным. Фархад попытался вызвать самолет. Безрезультатно: рация молчала.

Попытка оттянуть назад ветровое стекло кабины не дала результата, оно не поддавалось. Тогда, недолго думая, он нащупал один из рычагов ручного управления, с силой выдернул его и начал колотить им по лобовому стеклу. Оргстекло как бы нехотя начало крошиться на мелкие куски. Наконец удалось проделать дыру

величиной с кулак. Оттуда на колени немедля посыпалась плотная струя песка. Нанося отчаянные удары, он расширил отверстие, при этом его засыпало по пояс. Не обращая на это внимания, он все бил и бил по стеклу. Наконец отверстие увеличилось настолько, что через него можно было выбраться из кабины, но оттуда все еще сыпался песок, достигая уже груди.

А что, если это не прекратится?! Какой нелепый и обидный будет конец! Но плотность струи вдруг стала уменьшаться. Начал пробиваться тусклый свет, послышался вой и свист ураганного ветра. Выглянув из пробитого отверстия, Фархад, сквозь песчаную пыль, увидел, что находится на дне небольшой воронки. С трудом освободившись от песка, сковавшего почти все тело, он выбрался из планера, а потом и из воронки.

Песчаная буря свирепствовала всюду. Трудно было открыть глаза. Песок мириадами тонких игл впивался в кожу. При тусклом свете, сквозь песчаную пыль, разглядеть что-нибудь было невозможно даже в двадцати метрах. Фархад с трудом различил, что находится на дне впадины, образованной двумя высокими барханами. На склоне одного из них еще была заметна широкая борозда, оставленная планером. Аппарат врезался в склон под небольшим углом, почти проскользнул по нему. Это загасило скорость планера и спасло ему жизнь. Борозда на глазах исчезала, заносимая песком. Через несколько минут Фархад не обнаружил и воронку, откуда выбрался.

Идти куда-то было бы безумием. Он знал, что до ближайшего населенного пункта не менее ста двадцати километров. А координаты его местонахождения по крайней мере известны самолету.

Укрываться от песка было негде. Фархаду казалось, что пронизывающий сухой раскаленный ветер безжалостно, до последней капли, уносит влагу из его тела, иссушая его живьем. Песок, попавший в глаза, вызывал

острую боль. На зубах тоже скрежетал песок. Не зная, куда себя девать, Фархад опустил наземь, закутал голову курткой.

Через некоторое время ветер как будто чуть ослаб. Фархад поднялся и, утопая в песке, взобрался на гребень бархана. Перед ним, все еще в тусклом освещении, открылось бесконечное чередование таких же барханов, окутанных песчаной дымкой.

Вдруг откуда-то послышался нарастающий шум. Фархад обернулся и увидел недалеко тонкий стан смерча, быстро набирающего силу. Извивающийся песчаный столб поразительно быстро, на глазах, рос вширь и ввысь; усиливался рев, порождаемый им. Было отчетливо видно, как со всех сторон к этому столбу, как к центру водоворота, устремился поднятый с окрестных барханов песок. Через несколько мгновений рев, исходящий из недр смерча, заполнил пустыню страшным грохотом. Гигантский столб, вершина которого исчезла в тусклом небе, лениво извиваясь, двигался по какой-то непостижимой траектории. Фархад показалось, что там, где проходит смерч, исчезают целые барханы и под ними открывается темная бездна. Поднялся ураганный ветер.

Последнее, что он успел заметить, это смерч, достигший невероятного размера. Потом песчаная завеса скрыла это фантастическое зрелище. Только оглушительный грохот рисовал в воображении невиданную картину извержения песка прямо в небеса. Фархад чувствовал, что смерч настигает его, понял, что сейчас он оторвет его от земли, закрутит, как соломинку. В бессильном отчаянии он пытался зацепиться за сыпучий песок...

Он лежал, живой и невредимый, у края какой-то необъятной бездонной впадины. Ветер почти совсем стих, и, по мере оседания песчаной пыли, перед, а точнее под ним, все яснее вырисовывались контуры огромной

чащеобразной низины. Но что это? Вдалеке, на плоском дне «кратера», начала проступать поразительная картина: там, как призрачное видение, появлялась мощная каменная крепость.

Фархад встал – ветер уже позволял идти – и, как загипнотизированный, пошел к спуску. На самом краю «кратера» он остановился и долго смотрел на чудо, сотворенное на его глазах, постепенно осознавая, что все это – действительность. Теперь он начал понимать и все случившееся. Где-то высоко над пустыней, где он недавно парил на планере, столкнулись два мощных встречных воздушных потока. Фланги потоков, сцепившись, закрутились в страшном вихре, образовав гигантскую воронку, острие которой в виде смерча достигло песчаных барханов, покрывавших эти места. За несколько десятков минут невиданной силы смерч унес в небо миллионы тонн песка. Это они, опустившись потом на землю плотным песчаным дождем, образовали теперь длинную цепь холмов, охвативших полукольцом впадину с противоположной стороны...

Отсюда, как на ладони, было видно все грандиозное сооружение, по воле случая обнаженное стихией. Фархад не верил глазам. Этот замок, в отличие от других, что десятками разбросаны вдоль обоих берегов Амударьи, был совершенно целым и выглядел как великолепная современная архитектурная реконструкция древних руин.

Мощные каменные стены образовывали несколько вытянутый прямоугольник. Через равные промежутки над стеной возвышались сторожевые башни. Их венчали дозорные площадки, обрамленные узорными барьерами из камня.

Собственно, это был город-крепость. Внутри стен просматривались четкие линии улиц, образуемых многочисленными строениями. Они сходились в центре, где посредине обширной площади высилась

величественная башня – цитадель. А высокий квадратный постамент под ним был сложен из крупных каменных блоков, различимых даже с такого расстояния. Все это высокое, неприступное сооружение напоминало скопище плотно пригнанных друг к другу громадных каменных столбов. Нет, время все же тронуло этот неизвестный город. На верхушке башни-цитадели виднелись останки следующего яруса. Каким же величественным было все сооружение?! Вероятно, намного выше, чем глубина его песчаного захоронения...

Фархад забыл о неудачном полете, об ужасающей картине неистовства смерча, обо всех опасностях, грозивших ему. Он стоял, ошеломленный, не решаясь двинуться дальше, будто опасался, что эта необычайная картина рассеется от малейшего его неосторожного движения...

Действительность вывела его из оцепенения: крепость погружалась в песок! Пустыня опять ожила, спеша вновь захоронить свою тайну. Он видел, как с кромки песчаных холмов по ту сторону поднимаются под ветром темные песчаные тучи. Еще каких-нибудь час, два – и чудо скроется под барханами, слившись с песчаным морем.

Эта мысль подтолкнула его: вместо того, чтобы бежать прочь, к останкам своего планера, он, скользя и скатываясь, начал съезжать на дно «кратера». Его жгло странное желание во что бы то ни стало добраться до крепости, хотя бы коснуться ее могучих стен, будто именно это могло спасти ее от забвения, оживить тех, кто заполнял некогда эти улицы...

Только очутившись под стенами, он реально ощутил всю каменную мощь древней громады.

Метрах в пяти от стены из песка выступала часть какой-то ровной твердой площадки. Вся крепость стояла на этой невысокой террасе, вырубленной, по-видимому, на естественном известняковом дне изменности.

Фархад взобрался на площадку и пошел вдоль стены. Видимость продолжала ухудшаться. Наконец из полумрака показались контуры массивного выступа. Да, это лабиринт входа! Но где же сам вход? Обогнув выступ, он оказался перед широким прямоугольным проемом. Разобрать, что там внутри, было невозможно. Он остановился, понимая, что его следующий шаг будет в неизвестность, в загадочную пропасть времени, измеряемую многими столетиями. Это тянуло его вперед и в то же время настораживало. Между тем каменная терраса уже уходила под сыпучий песок. Надо было спешить.

Шагнув под тяжелые своды проема, Фархад оказался в углу квадратного дворика с высокими стенами. В противоположном, по диагонали, углу можно было различить проем поменьше. Нырнув в него, Фархад очутился в тесном коридоре с высокими глухими стенами. Песчаные вихри сюда не пробивались. Здесь было смутно; сверху, как мелкий дождик, с ровным шипением сыпался песок.

Двигаясь почти на ощупь по коридору, Фархад представил картину осады крепости и тот ужас, какой должен был охватить воинов, ворвавшихся сюда, когда на них со стен градом летели стрелы, камни и потоками лилась расплавленная смола. Он торопился скорее пройти страшное «ущелье смерти». Каменный коридор несколько раз свернул под прямым углом в разных направлениях, и Фархад совсем было потерял ориентацию, пока не уперся в стену, где темнел следующий проем.

Это уже стена крепости. За ней находится город. Инстинктивно он стал мыслить вслух, чтобы унять страх одиночества.

Но проем вел не под небо, а в широкую арочную галерею, где царили тишина и полумрак. Через равные промежутки вверху еле светились какие-то отверстия.

Глаза начали привыкать к темноте. Впереди что-то забелело. Сделав несколько осторожных шагов вглубь, Фархад застыл на полпути. Неподалеку, прислонившись к стене, на каменном полу «сидели» три иссохших человеческих тела, глядя на него пустыми глазницами. Изпод бесформенных и бесцветных лоскутьев, служивших некогда одеждой, белели кости. Фархад отшатнулся и только теперь увидел, что окружен множеством иссохших тел и скелетов.

Ему вдруг почудилось, что он находится бесконечно далеко от своего двадцатого века. В этом мертвом городе, среди этих мертвецов, проводивших здесь, возможно, тысячелетия, он остро почувствовал жуткое одиночество. Захотелось немедленно бежать отсюда без оглядки в бушующие пески...

Но перед глазами встала печальная картина – каменная громада со своими мертвыми обитателями медленно погружается в песчаное море и навсегда исчезает в нем, унося свою тайну...

Стараясь не смотреть вокруг, он пошел по галерее в поисках входа в крепость.

Отверстия в своде галереи, откуда падал тусклый свет, по-видимому, выходили наружу не прямо. Во всяком случае оттуда не сыпался песок. Шум песчаного урагана доносился через них отдаленно и очень слабо. Неотвязно думая о назначении этой бесконечной галереи, он вдруг вспомнил:

– Это же жилая стена!

Конечно же – она находится в толще крепостной стены! Фархад слышал от археологов, что на рубеже первого тысячелетия до нашей эры, во времена Сиявуша – легендарного родоначальника древних хорезмийцев, в этих краях строились огромные, пустые внутри, крепости; все помещения находились в толще стен. Именно об этих жилых стенах упоминается в некоторых гимнах Авесты – священной книги сороастризма, воспевающих

деяния древних царей. Со временем строительные каноны в древнем Хорезме изменились. Пространство, окруженное замкнутыми жилыми стенами, начало использоваться. Сперва там возводили различные сооружения общественного характера, потом и жилье. Крепость, где очутился Фархад, по-видимому, относилась к периоду этих изменений в зодчестве древнего Хорезма. Внутри она была полностью застроена, но галереи в толще стен еще сохранились.

Выход из галереи все еще не появлялся. Стало совсем темно. Отверстия, через которые проникал свет, исчезли; возможно, они были забиты снаружи песком. Фархад шел вслепую, изредка зажигая спички (у него в кармане оказался коробок).

Неожиданно галерея под прямым углом повернула направо; и тут же за поворотом, в свете, видимо, незасыпанного отверстия, Фархад увидел выход. Но... застывший поток песка, полностью забив его, покатым языком тянулся по полу галереи...

Когда он наконец выбрался наружу, повторив изнурительный прорыв, то оказался на высоком песчаном холме у крепостной стены. Хотелось есть, все тело сковывала свинцовая тяжесть усталости: выгребая песок в проеме выхода, он «перелопатил» руками не одну тонну...

Перед ним лежал мертвый город. Темные порталы входов в ближайшие здания выглядели из-под песка только самой верхней, арочной частью. Но даже эти выступающие очертания длинного ряда сооружений, теряющегося в песчаной дымке, поразили его стройной монументальностью.

Ему хотелось проникнуть во все здания и увидеть, что они представляют собой изнутри, что таят в себе... Но это было опасно. Он мог заблудиться в лабиринтах этих каменных громад и, наконец, оказаться погребенным где-нибудь под песчаной лавиной. Оставалось

одно – поскорее добраться до центральной площади и осмотреть хотя бы башню-цитадель.

Он все еще стоял на песчаном холме, с трудом преодолевая овладевающее им гнетущее чувство беспомощности перед стихией...

«Участь Помпеи была не столь трагична, как гибель этого города. Помпея и Геркуланум погрузились в раскаленную лаву Везувия за какие-то мгновения. Люди там погибли, не успев признать своего бессилия перед стихией, не испытав мучительного сознания безысходности и поражения. Участь же легендарной Атлантиды, вероятно, была героической и яркой, как вспышка молнии. Люди там яростно боролись с громадными волнами Атлантики, цепляясь за каждый кусочек тверди. И это тоже продолжалось недолго...

Что же испытывали обитатели этого города, бесчисленные тела которых застыли в темных галереях крепостной стены? О чем они думали, прислушиваясь с тревогой, возможно, в течение долгих недель, к ужасному реву бури? Оставить крепость и уйти на равнину, видимо, было опасно. Им оставалось только ждать решения своей участи, окончания бури. И буря кончилась, похоронив крепость под огромной толщей песка...

Наверное, это был страшный ураган, длившийся, возможно, долгое время и неузнаваемо преобразивший междуречье Сырдарьи и Амударьи. В те далекие времена в этих местах изредка еще происходили внезапные геологические катаклизмы глобальных масштабов, когда буйная Амударья время от времени уходила в Каспий через Каракумы, оставляя Арал надолго без воды.

Волны барханов хранят под собой, наверное, такие же тайны, как волны мирового океана... Эта загадочная крепость еще одно тому доказательство.

Фархад шел, вернее, пробивался к центру города. Каменные стены зданий вокруг почти не имели архитектурных деталей и украшений и были сложены из до-

вольно грубо обработанных блоков. Через арочные входы разглядеть что-либо внутри них было невозможно: всюду разлиты песок и мрак.

Над центральной площадью высился силуэт башни-цитадели, подавляя все вокруг. Огромный каменный ее постамент выступал из песка на высоту метров пятнадцати. На него вела широкая парадная лестница. Сама башня, уходя вверх, терялась в песчаном тумане.

Равномерно сыплющийся с неба песок еще раз напомнил Фархаду, что надо спешить.

«Знал ли горделивый основатель Персеполя – царь царей Дарий, – что лестницы его знаменитого дворца были не единственными на Востоке?..» А на каменных ступенях Фархаду вспоминались изображения колоссальных лестниц, ведущих в загадочные каменные храмы ацтеков и древних майя...

Фархад, увязая по колено в песке, поднялся на широкую площадку перед входом в башню. Вокруг ее вершины, уходящей в небо, вращались густые песчаные вихри усиливавшейся бури. Здесь стало ясно, что иллюзию скопища плотно пригнанных столбов создавала гофрированная поверхность башенных стен.

Прежде чем уйти внутрь, Фархад последний раз оглядел сверху площадку. Воображение рисовало торжественные церемониалы, происходившие когда-то здесь. Вероятно, именно отсюда, из-за этих низких каменных барьеров, окаймлявших площадку, правители и верховные жрецы города надменно взирали на заполнивший площадку народ...

Кому же из древнехорезмийских царей принадлежало это грандиозное сооружение? Кто столь дерзко бросил вызов могучим правителям западного побережья Амударьи, построив такую совершенную и неприступную крепость из камня здесь, в песках Кызылкумов?

Да, она несомненно превосходит по масштабам античную каменную крепость Дэв-кескен, развалины которой Фархад видел во время полетов в Центральных Каракумах. Он вспомнил также о крепости более поздних времен – Дэв, о которой люди песков сложили красивую, но очень грустную легенду, выразив в ней все мучения, связанные с возведением каменных сооружений в пустыне. Один из могущественных демонов, обитавший в этих местах, говорится в легенде, полюбил единственную дочь хорезмийского царя. Царь, желая избавиться от страшного зятя, дает ему невыполнимое поручение: построить в центре Каракумов каменную крепость. Дэв выполняет это трудное задание, терпеливо перенося на своей могучей спине огромные глыбы с далеких южных гор. Услышав об этом, напуганный царь сообщает ему ложную весть, что дочь внезапно умерла. Дэв, пораженный горем, убивает себя, бросив последнюю каменную глыбу высоко в небо, которая, падая, разбивает ему голову...

Длинный коридор привел его в просторный круглый зал с огромным колодцем посередине. Фархада уже ничто не удивляло. Чувства притупились не столько от усталости, сколько перед колоссальными масштабами и необычностью строений. Он только старался как можно больше увидеть и запомнить.

Вдоль круглой стены башни, исчезая в полумраке, поднималась спиралеобразная внутренняя лестница. Вдоль нее через равные промежутки виднелись ходы в помещения, окаймлявшие башенную «шахту».

Фархад спустился к колодцу и, устроившись на сыром камне, жадно напился, наполнил флягу. Прохлада и успокаивающая тишина располагали к отдыху. Забыв про ураган, свирепствующий за стенами, про всю опасность своего положения, он припал к борту колодца и почувствовал, как его клонит ко сну...

...По отражению на воде он видел, как из темных проемов вдоль спиральной лестницы выбегали люди с длинными копьями в сверкающих шлемах. Гул шагов наполнил башню. Люди, плотным кольцом окружив колодец, возбужденно обсуждали что-то, указывая на него. Шум, нарастая, кончился страшным грохотом...

Фархад содрогнулся от прикосновения холодной воды, обрушившейся на него, и очнулся. Колодец успокаивался после мощного всплеска. Видимо, сверху что-то упало в воду и вызвало такой «фонтан». Фархад поспешил оставить опасное место...

Помещения первого этажа, очевидно, предназначались для хозяйственных нужд обитателей верхних этажей. Здесь было множество нехитрых приспособлений из камня, дерева и веревок для подъема воды и пищи через специальные отверстия. В одном из залов находились большие каменные очаги, где когда-то на вертелах жарили туши крупных животных. Потом пошли помещения, служившие хранилищами. В огромных, выше человеческого роста кувшинах – хумах, амфорах, стоявших на полу, и в других, опущенных в специальные углубления, когда-то явно находилось зерно – вокруг были рассыпаны окаменевшие зерна пшеницы...

Во многих залах на стенах зияли ряды странных небольших углублений, выдолбленных в камне. Приглядевшись, Фархад заметил, что они имеют форму отпечатка человеческого уха.

Ну конечно! Так через сквозные отверстия можно было общаться с другими этажами! Рядом с этими «телефонами» дежурили служители, которые передавали работникам нижнего этажа распоряжения верхних. Фархад вставил ухо в одно из углублений. Из полых «труб» доносился усиленный шум. Ему показалось, что он улавливает дыхание человека, стоящего где-то наверху, у другого конца «трубы». Фархад невольно отклонился и даже тряхнул головой, отгоняя наваждение.

Вспомнились скелеты в темной галерее жилой стены...

Загадкой оставался равномерный слабый свет. Ведь здесь должна быть непроглядная темень!.. Наконец он заметил – свет исходит прямо от наружных стен башни. Подошел вплотную – и невероятная догадка подтвердилась: часть блоков составляли какие-то полупрозрачные минералы, напоминавшие мутное стекло!

Залы второго этажа отличались торжественностью оформления. Это, несомненно, были царские залы. Пройдя через очередной арочный проем, он оказался в огромном помещении, которое, видимо, являлось залом приемов. Вдоль стен, в нишах, стояли каменные статуи бородатых воинов в натуральную величину. Плоскости стен были великолепно расписаны военными сюжетами и эпизодами охоты на каких-то фантастических зверей. Фрески и скульптура сохранились превосходно.

Один из залов служил святилищем. В центре, на массивной плите, было углубление со следами постоянно поддерживавшегося огня. По четырем углам торжественно застыли внушительные изваяния служителей огня. Зороастризм – религия далеких предков...

Фархад поднялся по спиральной лестнице на третий этаж. Что еще покажет ему башня, после загадочно-торжественной вереницы царских залов?

Шагнув в прямоугольный проем, обрамленный какими-то лепными знаками, Фархад остановился, не удержавшись от восклицания. Этого он никак не ожидал! Вход охраняли два сфинкса. Они спокойно смотрели мимо него сквозь толстые стены башни куда-то в бесконечность... Несмотря на заметную грубоватость форм и обработки камня, из которого они были высечены, сфинксы были очень выразительны – величавы и невозмутимы, как их «соплеменники» с берегов далекого Нила. За ними, в глубине зала, перед Фархадом предстал лес колонн. Величественная колоннада египетского храма в древних Фивах. Колонны в виде цветков лотоса,

колонны в форме стволов папируса, и самое поразительное – множество скульптур между ними... Фархад растерянно бродил по залу. Потом перед ним открылась целая анфилада подобных залов. Колоннады сменились тесными камерами, сплошь украшенными расписанными рельефами явно на древнеегипетские сюжеты.

Здесь был совершенно другой мир. Он не имел ничего общего с тем, что Фархад видел до сих пор, – с миром древнего Хорезма. Близко стоящие ряды колонн, камеры, казалось, сужали мир, замыкали бескрайнее пространство.

– Ранние династии Древнего Царства...

А здесь, кажется, воспроизведен уголок знаменитого храма царицы Хатшепсут и Дейр-эль-Бахри. Фархад помнил этот храм по фотографиям в учебниках.

Известно, что вплоть до позднего средневековья не было каких-либо связей между двумя отдаленными странами. Хорезмийцы вряд ли сами могли придумать все это. Неужели здесь работали египтяне? Кем они были? Как они оказались так далеко от родины?

Фархад забыл о том, сколько уже находится в залах «египетского этажа». Это была целая вечность. Он путешествовал в Новом Царстве, прикасался к камням Древнего Царства...

Поднимаясь на следующий этаж, он был готов ко всему. Поэтому, когда у входа его встретили два резвых кентавра из светло-серого камня, он не удивился, а молча застыл от восхищения. Кентавры среди песков Кызылкумов! Дальше пошли залы, оформленные по типу дворцов и храмов, разбросанных по бесчисленным островам Эгейского моря и Балканам. Вся мифология Древней Греции была воспроизведена здесь. Ряды грубовато обработанных дорийских и корифских колонн с массивными капителями, величественные фигуры олимпийских богов между ними манили его все дальше в глубины анфилад...

На пятом этаже он оказался во дворцах Месопотамии. Два огромных крылатых быка с человеческим обликом великодушно впустили его в разноцветные залы Вавилона, Ниневии...

Неужели башня на своих этажах хранит все цивилизации истории человечества? Какой таинственный народ жил здесь, как ему удалось собрать весь мир в одном месте?

На шестом, седьмом и восьмом этажах Фархад прошел через китайские, индийские и персидские залы. Чувство времени совсем оставило его, восприятие окружающего притупилось. В недрах восьмого этажа наступила полная тьма. Изредка зажигая спичку, Фархад двигался почти на ощупь. Вспышка огня вырывала из мрака каменные фигуры богов, мифических царей. Пламя оживляло лица, придавая им искаженные до уродливости выражения. И тогда Фархадом овладевало острое чувство безнадежной затерянности в неведомом мире...

Фархад едва переставлял ноги, налитые свинцом, по крутым ступенькам. Приходилось придерживаться за шершавую стену. Вдруг он почувствовал, что пальцы скользят по каким-то выпуклостям. Он остановился, зажег спичку и увидел, что стена покрыта рельефными сюжетами довольно тонкой работы. Рисунок был настолько четким и законченным, что Фархад, забыв на время про усталость, поспешно зажигая одну за другой последние спички, стал торопливо «читать» странные сюжеты. В них неизменно повторялось одно и то же – небольшая группа людей, то оживленно обсуждая что-то, то молчаливо, но всегда с ясно выраженным удивлением на лицах, наблюдала за видами грандиозных дворцов, стоящих почему-то не на земле, а как бы висящих на небе. От сюжета к сюжету дворцы сменяли друг друга. Здесь было все им увиденное – знакомые очертания древнеегипетских храмов, колоннады античной Греции,

силуэты спиральных башен Вавилона... На одном из каменных рисунков все они присутствовали одновременно. Разные цивилизации располагались на разных уровнях, создавая многоэтажную композицию. Все та же группа людей сосредоточенно наблюдала за всей этой картиной, вскинув головы. Восторг, изумление людей были экспрессивно переданы в их позах, жестах...

Спички кончились. Фархад в отчаянии бросил коробок и, как слепой, начал прощупывать рельефы, в надежде узнать еще какие-нибудь подробности изображаемых сцен. Но было это бесполезно – его пальцы не имели опыта, а тем более чувствительности пальцев слепых. А сюжеты продолжались. Интуиция подсказывала Фархаду, что в них кроется разгадка тайны башни-цитадели. Чего бы он сейчас не отдал за коробку спичек! Но у него и не было сейчас ничего...

Он продолжал подниматься. Наконец под ногами закрипел песок, донося шум ветра. Сделав еще один виток, он вышел наружу, где в темной мгле бушевала песчаная буря.

Стоя здесь, уцепившись за обломки верхнего разрушенного яруса башни, Фархад представил неповторимую панораму города, его улиц, здания, которые можно было бы видеть отсюда и которые лежат теперь под пятидесятиметровым слоем песка...

Борьба за жизнь началась, когда песок поднялся сюда – на самую высокую точку крепости. Только теперь он по-настоящему понял, как ничтожно мал его шанс на спасение в единоборстве с ветром и, точнее, это было одно целое, песком. Он заставлял себя, преодолевая свинцовую усталость и сон, непрерывно двигаться. Но скоро силы начали оставлять его...

Фархад очнулся от жгучих лучей солнца. Он лежал полузасыпанный, ощущая мучительную боль в суставах и царапающую сухость в горле. Не было ни желания, ни сил двигаться. Он с трудом освободился от

песка, нащупал на поясе флягу. Несколько освежающих глотков – и он встал, превозмогая слабость и головокружение.

Вокруг лежали бескрайние пески. Ни ветерка. От вчерашней трагедии не осталось и следа. Фархадом вдруг овладело невыносимое и невосполнимое чувство опустошенности. Не оглядываясь, он поплелся по барханам на запад...

Около полудня Фархад, измученный жарой и ходьбой по сыпучим пескам, далеко впереди увидел большую воду. Это был мираж. Откуда взяться здесь воде? И в такт тяжким шагам, вполголоса повторял:

– В пустынях бывают миражи... В пустынях бывают миражи... Не надо на них обращать внимания...

Вдруг он остановился, уставившись на играющую бликами синюю гладь водного простора впереди, потом невольно опустился на горячий песок.

Мираж! Не мираж ли поражал тех хорезмийцев? Разве не это явление было запечатлено на рельефных рисунках лестничного коридора? Неспроста ведь дворцы те были изображены как бы висящими в воздухе, а иногда, как он сейчас понимал, с явными признаками характерных оптических искажений.

Мираж, рисующий на небе страны, удаленные на тысячи километров! У Фархада на миг остановилось дыхание от такой догадки.

Но возможно ли такое вообще? Он пытался вспомнить все, что знал про миражи в пустынях, на морях... Да, иногда, вводя путников в заблуждение, возникают призрачные образы объектов, удаленных на десятки километров.

Но здесь, занимая почти половину неба, появлялись смутные очертания целых городов, а порой гигантские изображения отдельных строений, скульптур, находящихся за тысячи километров отсюда... Может быть, какие-то особые климатические условия, установившиеся

над этой частью планеты в те далекие времена, способствовали появлению время от времени таких грандиозных видений? А изображения интерьеров?.. Или это уже фантазия зодчих и художников прошлого? Фархад продолжал брести на запад... Вспоминались новые подробности, связанные с миражами... Для их возникновения обязательно существование довольно резкой границы между двумя смежными слоями воздуха с различной температурой, следовательно, и плотностью. Отраженные от отдельных предметов, солнечные лучи, преломляясь на этой границе, создают их изображение совсем в других местах... Жара становилась нестерпимой. «Почему меня не ищут? Решили дать возможность немного прогуляться по пескам?..»

Видимо, изредка, в определенное время года, над этими местами появлялись призрачные изображения загадочных городов. Люди уже ждали этих дней. От поколения к поколению передавались рассказы о чудесных дворцах «обитаемого» неба, обрастая подробностями. И цари повелевали строителям подражать чуду... В небе древнего Хорезма как бы открывалось окно в неизведанные страны. Это мощный слой нагретого, разреженного воздуха, образовавшийся в силу каких-то трансконтинентальных конвективных потоков на высоте нескольких километров, перекидывал мост между отдаленными странами. Свет, попадающий в этот слой от земных предметов, неся в себе их почти неискаженный образ, постепенно искривлялся, огибая Землю, и, пройдя таким образом огромные расстояния, возвращался на землю здесь. Это были самые грандиозные миражи, когда-либо возникавшие на Земле!

Быть может, когда-нибудь людям станет под силу искусственно создавать такие условия. Специальные службы планеты по необходимости будут устраивать «прямую передачу» оптического изображения важнейших событий, жизни целых городов на дальние расстояния...

Вода кончилась. Но оставаться на месте он не мог. Движение, казалось, немного облегчает действие жары. Он шел и шел, хотя голова раскалывалась, мысли путались...

Вспомнился тот рисунок, где семь картин известнейших цивилизаций были изображены одновременно, одна над другой. «Семь разных культур, семь различных миров древности. Семь, семь... Не отсюда ли пришло нашим предкам представление о семи сферах вселенной?»

Великие поэты средневекового Востока воспевали прекрасные дворцы, построенные в стиле культур разных народов. Часто число дворцов в их дастанах равняется семи... Вспомнились обрывки прочитанных еще в детстве историй из «Семи планет» Навои... Возвышенные поэтические строки повествовали о том, как «цари семи частей земли», чтобы отвлечь смертельно больного шаха Бахрама от скорбных дум, от тоски по красавице Диларам, построили ему семь невиданных по красоте дворцов. Проводя по очереди свои дни в них, шах как бы переносился в различные страны света, путешествовал по ним...

До него донесся отдаленный гул. Он нарастал, больно давя на ушные перепонки. Фархад с трудом приоткрыл глаза. «Стрекозы кружатся... Какие они огромные... Вертолеты... Мы освободим город из плена песков...»

Он опять потерял сознание.

Галина ДОЛГАЯ

АРАЛ. RINASCIMENTO⁴

Фантастический рассказ

Карандаш скрипуче продвигался по белому листу бумаги, оставляя за собой извилистую линию. Она почти повторяла путь реки, синей нитью петляющей по карте от одного угла к другому. Доведя реку до круга, усыпанного точками, как лицо девушки веснушками, Анаргуль нарисовала веер пунктирных линий.

– Что рисуешь, дочка? – дед склонился над столом, заглядывая в рисунок.

– Я срисовываю, – Анаргуль ткнула пальцем в географический атлас семнадцатого года, открытый на ветхой странице с картой Каракалпакстана. – Смотрите, у меня получилась какая-то фигура...

⁴ Rinascimento – возрождение (итал.)

Анаргуль добавила к своей карте линию Восточного чинка Устюрта. Она легла растрепанной косой от головы, изображающей Аралкумы. Только узкая полоса бывшего моря, расчерченного волнистыми линиями, кокетливой шапочкой прилегла к голове-пустыне на западе.

– А это что? – Нарымбай ткнул пальцем в круги по обе стороны от Аму-Дарьи.

Постукивая карандашом внутри верхнего круга, Анаргуль ответила:

– Это пустыни Кызылкум и Каракум. Похоже на руки в боки? А?

– Фантазерка! – дед поцеловал внучку в макушку и задумался.

Как давно он не был на Арале! От того моря, которое он видел узкой полоской, таким, как на рисунке Анаргуль, остались только фотографии. Сколько воды утекло с тех пор!.. И жизнь с нею... Уже много лет они живут в Ургенче, одними из последних оставив дом в Нукусе. Горько вспоминать...

Нарымбай вышел на улицу. Старый джип сына одиноко пылился под чахлым ясенем. Нарымбай почувствовал зуд в руках – так захотелось снова взяться за баранку и махнуть подальше от суеты, вырваться на вольный простор Устюрта и, добравшись до чинка, заглушить мотор, встать на самом краю и замереть от восторга...

– Поеду! – вслух сказал он, словно убеждая самого себя.

– Что вы говорите, уважаемый? – слова соседа разве что не растаяли на языке, как халва.

– Да хочу на Арал поехать, – оглаживая бороду, Нарымбай прищурился, поглядывая на молодого коренастого мужчину, суровая внешность которого никак не вязалась с его тонким голосом.

Сосед присвистнул.

– На Арал?.. – он был явно удивлен. – Я ни разу там не был, – огорченно добавил он и вдруг, приблизившись,

зашептал: – Возьмите меня с собой, у меня и деньги есть...

Нарымбай сморщился, как от боли.

– Э-э! Зачем мне твои деньги? Мне попутчик нужен, грамотный! Мало ли что по дороге...

– Я грамотный! – для полновесности слов сосед поднял раскрытую ладонь, будто на ней был отпечатан диплом или как минимум аттестат о среднем образовании. – Возьмите, ака...

Через два дня джип, груженный канистрами бензина и бутылками с водой, выехал из Ургенча.

Миновав хребет Султан-Увайс, путешественники вырвались на простор и сразу попали в бурю – сущий ад после безоблачного раннего утра в Ургенче. Пыль пробиралась в салон автомобиля изо всех щелей. Она повисала над головой и при каждом вдохе алчно устремлялась в нос.

Нарымбай и Калымбет выглядели настоящими сталкерами: закутанные в платки по самые глаза, с окулярами защитных очков, в наглухо застегнутых рубашках. Но пыль уже скрипела на зубах, от нее першило в горле, слезились глаза.

Калымбет тщетно вглядывался вдаль, болтаясь из стороны в сторону на каждой кочке.

– Пристегнись, ас! – Нарымбай нервничал.

– Стоило ехать сюда за пыльной бурей?! – Калымбет кричал, думая, что водитель не слышит его.

Нарымбай слышал, но все его внимание забирала дорога, от которой только слово и осталось.

Когда они подъехали к Нукусу, буря отпустила их. В воздухе еще висела пыльная стена, но постепенно она оседала и стелилась под колесами, поднимаясь вслед машине гигантским лисьим хвостом.

На пустынных улицах бывшей столицы Каракалпакстана ослабевший ветер развлекался, крутя воронки или гоняя мусор. Многоэтажные здания смотрели на редких гостей пустыми глазницами окон. Молчаливые

светофоры на перекрестках безразлично провожали запыленный автомобиль.

Калымбет не отрывал глаз от навигатора.

– Налево, прямо, следующий поворот проезжаем, потом направо, – диктовал он.

Нарымбай слушал и молчал. Он и без навигатора знал здесь каждую улочку. Вон там, справа от центральной улицы, его махалля, восьмой дом от поворота... Нарымбай едва не свернул. Но писклявый голос попутчика вовремя остановил его:

— Куда вы? – завизжал он. – Прямо надо!

Плавный поворот – и они выехали на мост, соединивший два берега сухого русла Аму-Дарьи. На середине моста Нарымбай не выдержал и остановился.

Желто-серые разводы, испещренные трещинами, обтекали песчаные острова, лишённые растительности. На берегах еще виднелись полупрозрачные кроны саксаула, но куда ни глянь – всюду пыль, пыль, пыль. Она покрывает всю землю грязно-белым саваном, из-под которого из-за высокой токсичности не выбраться ни ростку, ни букашке.

– Всю воду украли у реки... – вздохнул Нарымбай.

– Пойдемте отсюда, – Калымбет потянул его к машине.

Дальше они ехали, погруженные в свои думы: Нарымбай, глядя вперед, Калымбет – на экран навигатора. Прямо, направо, по кругу, налево...

Кое-где покрытая асфальтом, где-то узнаваемая по былой колее дорога бежала вперед, то делая крутые зигзаги, то взбираясь вверх и потом падая в невидимые ямы.

Нарымбай упорно жал на педаль газа и ехал, как одержимый. Машину бросало из стороны в сторону на неровностях плато, замаскированных сухими кустами трав. Но вот справа, на горизонте появилась далекая белая полоса – засоленный край берега острова

Возрождения. Возрождение! Какая ирония... А вблизи, под обрывом, небо подпирали остроконечные башни фантастических замков Арала, сотворенные водой и ветром в далеком прошлом.

– Калымбет, мы приехали...

Они вышли на простор. Нарымбай вздохнул полной грудью. Свежий воздух, напоенный ароматом полыни, заполнил легкие, пробрал до слез нахлынувшими воспоминаниями детства. Здесь он мальчиком стоял рядом с отцом...

– Нарымбай-ака, – тонкий голос Калымбета походил на птичью трель, – а вам не кажется, что Земля сама осушила это? – он простер руку вдаль.

Нарымбай не понял, уставился на молодого попутчика прищуренными глазами. А Калымбет защебетал, едва не захлебываясь в потоке слов:

– Ну как могло испариться столько воды?! Не-е-ет, не могло! Ушла она! Земля поглотила! Зачем? – он задал вопрос и сам на него ответил, да таким тоном, будто ему открылась истина: – Она чистит водоем! Чистит, как хозяйка ковер, – веником! Выметает все ветрами и бурями.

– А потом? – Нарымбай увлекся фантазией Калымбета.

Тот вскинул брови.

– А потом будет его мыть... – неуверенно ответил он, – вернет воду, – добавил тихо, сам взволновавшись от откровения, случившегося с ним.

Ветер подобрался сбоку и дунул в лицо терпким ароматом сухих трав. Но что-то кроме ноток полыни витало в этом густом воздухе, что-то еще, будто запах тины... Обман, как мираж водной глади!

Они съехали с чинка по едва угадываемой дороге, в сумраке добрались до глины, покрытой коркой соли. После грустного зрелища умершей реки они не просто видели мертвое море, они ехали по его дну и это удру-

чало. Слишком велика трагедия, когда видишь ее вот так, прямо перед собой.

– Надо осмотреться, – Нарымбай остановил машину.

Калымбет прошел вперед и едва не упал: корка слезла с вязкой глины, и нога, как на лыжах, проскользнула за ней.

– Не все еще вычистила Земля! – пошутил Нарымбай, но, заметив неловкость соседа, перешел к делу:

– Будем ночевать здесь! – Нарымбай произнес это бодро, будто они приехали не к мертвому морю, а на рыбалку.

Словно в утешение, природа одарила их чарующим зрелищем! Во всю ширь неба, насколько хватало глаз, раскинулся алый плащ Митры – древнего бога, которому молились огнепоклонники на этих землях тысячелетия тому назад. Разбавленная голубизна неба оттеняла полосу алого зарева. Замки и статуи чинка сверкали золотом, белая корка соли впитывала пурпур и розовела. Чем ниже опускалось солнце, тем длиннее становилась тень от высоких стен обрыва, и вскоре она поглотила все яркие краски на земле. Только небо еще сияло отблесками вечерней зари, но и она потухла, уступив время ночи.

Приподнятое настроение путников погасло вместе с дневным светом. Калымбет сидел понурый, опустив голову ниже плеч. Не хотелось ни есть, ни шевелиться. Но надо ставить палатку, надо укладываться спать.

– Завтра поедем вдоль берега, – сказал Нарымбай, – посмотрим, что там.

– Да, да, – согласился Калымбет.

Его голос прозвучал глухо. Нарымбай обнял его, как сына, встряхнул.

– Калымбет, смотри, мы здесь одни, как на другой планете!

Нарымбай хотел взбодрить соседа, но Калымбет усмехнулся. Он почувствовал одиночество, какое-то щемящее чувство тоски по людям. Здесь не было той

природы, которая радуется красотой пейзажа. Здесь нет никаких зверушек, не летают насекомые, не говоря уже о птицах. Здесь нет природы, как нет жизни! Это царство Аида!

– Эх, Нарымбай-ака, здесь жутко. Я не представлял себе, что до такой степени, – он встал. – Сложу вещи!

– Утром, все утром, сейчас спать...

Нарымбаю стало жаль парня, да и сам он устал так, что глаза закрывались.

Они оставили все как есть: открытый багажник машины, вынутые бутылки с водой, пару канистр на земле. Сил хватило только поставить палатку, бросить в нее спальные и упасть на них, засыпая в полете.

Нарымбаю снился самолет. Он низко летел над веснушчатым ликом пустыни, будто высматривая кого-то. Нарымбай махнул рукой, летчик заметил, и самолет пошел в пике прямо на него. Его гул стремительно нарастал вместе с паникой в сердце. Бежать!..

– Нарымбай-ака! – Калымбет тряс соседа.

Он очнулся от жуткого сна. Но гул не исчез. Он приближался из глубины земли и пугал так же, как во сне.

– Что это?

Нарымбай оперся ладонями о пол палатки и оба услышали плюх.

Волосы зашевелились на голове. Не сговариваясь, Калымбет и Нарымбай выскочили наружу. Звезды Млечного пути еще сияли над головой. А под ногами... вода. Калымбет посветил мобильником. Свет отразился в водной ряби. Гул нарастал. Что-то ужасное уже совсем рядом.

Нарымбай опомнился первым.

– Бежим!

Он рванул к машине. Калымбет неуклюже заметался между брошенными вещами. Он подхватывал то куртку, то сумку, то, бросив все, ухватил канистру.

– Садись в машину! Быстро! – кричал Нарымбай,

но его голос тонул в гуле, от которого заложило уши. – Брось все! В машину!

До Калымбета дошло! Он влетел в распахнутую дверь, и Нарымбай нажал на газ. Грязь из-под колес разлетелась веером. Машина не сдвинулась с места.

Нарымбай и Калымбет ошалело смотрели друг на друга.

– Под колеса! Все, что есть!

Калымбет быстро сообразил и выскочил наружу. Куртка, сумка, спальные поветели под колеса, которые погрузились в жижу. Нарымбай рванул, и машина выскочила из грязевого плена. Из открытого багажника посыпалось все, что там лежало. Глядя в зеркало заднего вида, Нарымбай видел, как выкатывались канистры с бензином, бутылки с водой, ящики с припасами, а он гнал машину по бездорожью, убегая от настигающей их массы воды.

Свет фар беспорядочно прыгал по земле, но Нарымбай умудрялся вырулить и в конце концов вышел на колею, по которой они приехали. Впереди уже возвышался чинк. А сзади – мельтешащие тени на отвесных стенах – это вода, которая бьется волнами о препятствия и, обтекая их, мчится дальше. Колеса машины уже в воде, еще немного и... Мотор зарычал, и они вновь убежали от стихии, поднимаясь по крутой дороге. Машину повело на глине, Калымбет визгливо вскрикнул. Нарымбай вырулил между каменной глыбой и обрывом. Еще немного, еще... но мотор заглох. Бензин! Калымбет закрычал:

– Бежим!

Они выскочили из машины и помчались наверх. Никогда еще Калымбет не бегал с такой прытью! Они вырвались на простор Устюрта, успев опередить рычащую за спиной воду.

Отбежав подальше, Нарымбай и Калымбет остановились. Перед ними в сером рассветном воздухе, на всем обозримом пространстве плескалось море. Сни-

зу, из-под обрыва чинка пробивался свет фар. Гул утих. Только рокот волн разрывал тишину пустыни.

– Машина утонула? – в словах Калымбета слышалась надежда на обратное.

– Посмотрим. Подождем, когда рассветет. Немного осталось.

Они смотрели на светящееся небо и море под ним со страхом и восторгом.

– Аральское море! – Калымбет полной грудью вдохнул влажный соленый воздух и щелкнул камерой мобильного. – Море вернулось, ака! Что я говорил?! Земля вернула воду!

Нарымбай не сводил глаз с волнующегося горизонта. Сейчас он вспоминал свою внучку, ее рисунок и думал о том, что природа пожалела людей, простила их, и его внуки тоже увидят Аральское море! Настоящее, шумное и прекрасное!

– Земля снова родила его для нас... – промолвил он.

Калымбет в ответ тонко рассмеялся.

Смутившись, Нарымбай буркнул:

– Чего смеешься? Фотки делаешь? На помощь зови! Связь-то есть?..

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>Бах Ахмедов. Китовый блюз</i>	5
<i>Фатима Джалалова. Сильные духом</i>	18
<i>Анита Элив. Другая планета</i>	25
<i>Мунира Бабаярова. Я спас море</i>	36
<i>Мария Красовская. Там, где шумел прибой</i>	41
<i>Фарангис Авазматова. Ближайший понедельник</i>	49
<i>Галина Ширяева. Капля Арала</i>	63
<i>Надежда Милашевич. Слёзы моря – море слёз</i>	70
<i>Фарида Амирханова. Чудеса Устюрта</i>	76
<i>Александра Поварич. Шёпот ангела</i>	80
<i>Валерий Латыпов. Весенний ручей</i>	87
<i>Алия Кучерова. Родительский дом</i>	89
<i>Рахшона Ахмедова. Орзулар денгизи</i>	93
<i>Гулистон Матёкубова. Янги ҳаёт денгизи</i>	108
<i>Раим Фархади. Сказ о говорящих рыбах</i>	124
<i>Абдухаким Фазылов. Мираж</i>	126
<i>Галина Долгая. Арал. Rinascimento</i>	148

Адабий-бадiiий нашр

«СУВ – БЕБАҶО НЕЪМАТ»
ҳикоялар танлови бўйича

АЛЬМАНАХ

Муҳаррирлар *Рисолат Ҳайдарова*
Елена Долгополова
Бадiiий муҳаррир *Акбарали Мамасолиев*
Мусаҳҳих *Шаҳзода Ҳакимова*
Саҳифаловчи *Азамат Қайимов*

“MASHHUR-PRESS NASHRIYOTI”
Лицензия № АИ 282. 11. 01. 2016

100129, Тошкент, Бунёдкор шоҳкўчаси, Адиблар хиёбони.
тел: (+99890) 900-75-77. (+99894) 659-94-62.
e-mail: mashkhur-press@mail.ru

Босишга 2020 йил 18 июнда рухсат этилди.
Бичими 84x108 ¹/₃₂. Офсет босма. «Cambria» гарнитураси.
Шартли босма табағи 8,4.
Адади 2000 нусха.

Литературно-художественное издание

АЛЬМАНАХ

По итогам конкурса рассказов
«ВОДЫ БЕСЦЕННЫЙ ДАР»

Редакторы *Рисолат Хайдарова*
Елена Долгополова
Худ. редактор *Акбарали Мамасолиев*
Корректор *Шахзода Хакимова*
Верстальщик *Азамат Кайимов*

“MASHHUR-PRESS NASHRIYOTI”
Лицензия № AI 282. 11. 01. 2016

100129, Ташкент, проспект Бунёдкор, Адидблар хиёбони.
тел: (+99890) 900-75-77. (+99894) 659-94-62.
e-mail: mashkhur-press@mail.ru

Подписано в печать 18. 06. 2020.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Уч.-изд. 8,4 л.
Тираж 2000

«MASHHUR-PRESS» МЧЖ
матбаа бўлимида чоп қилинди.

Отпечатано в типографии
ООО «MASHHUR-PRESS»